

ПАВЕЛ ПОПОВ

**АРИСТО
БЕЗ / СМЕРТИ**

Никогда не любил военные преступления, но больше ничего я так хорошо делать не умею. Чем богаты, как говорится. Хорошим это не кончилось, во время очередной зачистки поймал с десяток пуль и оказался в новом мире. Этот мир тоже пытается меня убить. Но есть проблема — я не могу умереть. Стоп, что? * * * Наёмник-социопат получив смертельные раны оказывается в теле обречённого на смерть студента волшебной академии. Чтобы выжить в мире победившего гаввах-панка нужно за неделю разжиться проклятым артефактом и убить трёх могучих магов. А ещё доставить письмо Рашимилу.

Аристо без смерти

Глава первая. Я не могу умереть

— Волшебники кончились, остались малолетние дураки! Табличку «Не входите даже под угрозой смерти» прочитать не могут. А мне возись, сопли утирай. И зачем вас понесло в секретное хранилище? Артефактов захотелось?!

Дмитрий похолодел. Ректор Академии и два самых лютых преподавателя стояли напротив и всем своим видом осуждали троицу неудавшихся авантюристов. Даже просто попадаться им на глаза чревато, а если застукали на попытке кражи... Это полный провал. Нужно попытаться хотя бы друзей спасти.

— Прощу прощения, Архимаг. Донников и Лесникова не знали, зачем я позвал их в подвал. Я готов принять любое наказание, прошу лишь снисхождения к их судьбе. Они правда невиновны.

— Разумеется, хе-хе. Твои друзья тебя и сдали, то есть конечно же проявили сознательность и предотвратили хищение смертельно опасных артефактов, которые в плохих руках могут подставить под удар саму Империю! А теперь придержите своего бывшего друга, изменника и предателя.

Дмитрий удивлённо посмотрел на товарищей. Лесникова смотрела холодно и как всегда, надменно, но сейчас это было что-то большее, чем обычное превосходство круглой отличницы. Донников зашёл за спину и сжал руки Дмитрия. Слишком слабо и неумело, достаточно одного движения чтобы вырваться. Рвануться изо всех сил. Бежать прочь, спасая жизнь, но внезапное предательство лучших друзей заставило мышцы застыть, сил не оставалось даже пошевелиться. Да и куда тут дёрнешься, когда сам Архимаг Огородничий стоит рядом и наблюдает.

— Гриня... Татьяна... Неужели...

Дмитрий в отчаянии опустил голову.

— Прости... — с трудом выдавил Донников, и тут же осёкся, может из-за строгого взгляда Архимага, а может потому, что извинений в этой ситуации явно было недостаточно.

— Донников, не извиняйтесь. Этот, уже бывший, студент, пытался вовлечь вас в тяжкое преступление, не говоря уже многократных нарушениях дисциплины. Его деяния заслуживают самого строго наказания. Что до вас, то несомненно правильный поступок не будет оставлен без внимания. Можете считать, что все проблемы с оплатой последнего года обучения решены.

— Благодарю вас, Архимаг. — Лесникова впервые подала голос, и он был до ужаса спокоен.

Дмитрий выпрямился и натужно улыбнулся:

— Что же, вероятно теперь я не буду не просто отчислен, но и предстану перед судом. Зато мои «друзья» не только спасутся, но и решат проблемы, ради которых и пошли на «тяжкое преступление». Это уже лучше, чем я смел надеяться.

— Боюсь, молодой человек, что до суда дело не дойдёт. Снегов, будьте добры, отведите агнца к извлекателю.

Мастер алхимии Снегов, стоящий по правую руку от ректора, сделал движение пальцами, словно натянул нити марионетки, и скрипящий зубами от бессильной ярости Дмитрий послушно шагнул в указанную сторону.

— Куда вы меня притащили, сволочи?

Остатки трепета перед могучими преподавателями словно испарились, когда впереди замаячила настоящая угроза, которую не сравнить с отчислением или даже имперским судилищем. Ноги, которыми всё ещё управляла магия Снегова, подвели к кожаному креслу, сплошь покрытому каким-то бурыми пятнами. Но пугало не залитое кровью сиденье, в том что это кровь Дмитрий уже не сомневался, а опутывающие его провода и трубки, тянущиеся к непонятным машинам и мутным склянкам, в одной из них постепенно впадающий в панику студент успел заметить что-то похожее на сердце, а в другой двухголового человеческого зародыша. Но доконал психику студента возвышающийся над дьявольской машиной гигантский череп, испещрённый металлическими пластинами и вездесущими трубками. Не человеческий и не звериный, неужели драконий? Вот что за сокровище таилось в подвалах Академии! И сейчас он получит сполна то, ради чего пошёл на преступление...

Зачем? Зачем он пошёл на эту глупость? Пусть бы отчислили с последнего курса за неуплату, не пропал бы. Можно было податься в солдаты, да хоть в опричники, всё лучше чем сгинуть здесь. Но вот сестрёнка... Ей платить за учёбу тем более будет нечем, а девицам без наследства одна дорога, в младшие жёны какого-нибудь горского князя, ей же ещё даже двенадцати нет! Дмитрий в который раз сжал зубы.

А тело его уже полулежало в кресле, опутанное кожаными ремнями, которые бедолага тщетно пытался разорвать, под скрип винтов в виски упёрлись медные стержни, которые странно щипали кожу. Профессора окружали пленника, и лица их были равнодушны. Лесникова сохраняла всю ту же надменную невозмутимость, и только Донников сильно побледнел.

— Не нервничайте, молодой человек, — пока алхимик Снегов на пару с ректором деловито ковырялись в непонятных устройствах, к изголовью подошла профессор элементалистики Горелова. — Вам дана возможность искупить вину перед Академией. Вы должны знать, что силы магов основаны на использовании гавваха, который является кристаллизованной энергией страдания. Именно эту энергию мы сейчас извлечём из вашего бренного тела. Со смертельным исходом, как это ни прискорбно для вас.

— Что за чертовщина с настройками? — Архимаг начинал злиться, даже чертыхнулся ненароком.

Снегов оторвался от рычагов:

— Есть какие-то помехи. Лесникова, уведите Донникова, он сейчас генерирует столько гавваха, что приборы сбоят.

— Прости... — только и успел выдавить белый как бумага Донников, когда подруга утянула его за рукав.

Архимаг проводил их взглядом:

— Ну всё, теперь никто не мешает.

Дмитрий рванулся ещё один раз, вложив остатки сил, но проклятые ремни не поддавались.

— И многих вы так перемололи? Меня будут искать!

— Некому тебя искать, — вздохнула Горелова. — Последний из рода. Всея родни младшая сестрёнка, на которую уже положил глаз молодец из клана Бериевых. Мне тебя даже жалко. Умный парень, талантливый. Будь ты Богатырём, может быть что-нибудь и придумали, а ты бы потом всю жизнь нас благодарил. Но у тебя дар Владыки, а никому не нужен Владыка без сильного клана, денег и верных друзей.

— Всё равно! Пропажу студента заметят! — Дмитрий не собирался мириться с поражением.

— Не заметят, — улыбнулся Архимаг. — Снегов эксперт в нетрадиционных искусствах. После извлечения гавваха душа жертвы разрушается, однако тело остаётся невредимым. Профессор подселит в него дух голема, который умеет имитировать повседневную жизнь. Посторонние не заметят подвоха, что до близких друзей, они точно не станут болтать. А через месяц-другой голем истощит тело, и студент просто зачахнет, обычное дело, каждый год десятков-другой ненужных мрёт от магического истощения, но несмотря на это Академия процветает.

Дмитрий глубоко вдохнул. Выхода не было. Оставалось только обрушить всю ненависть к палачам в последний крик:

— Будьте вы все прокляты! Жертвую всем, что имею, ради отмщения! Да придёт по ваши души самый яростный даймон, порождение худшего из миров! И да не сможет никто его сразить, пока не свершится месть!

— Боюсь что призыв не работает, молодой человек. Во-первых вы допустили как минимум три смысловых ошибки в построении заклинания, а во вторых, — Архимаг повернул медный рычаг из из трубки выпал кроваво-красный многогранный кристалл, — Жертвовать вам уже нечем.

* * *

Чистилицы располагались на своего рода огромном холме. Сам холм располагался в маленькой, разодранной на части многолетней войной, стране. Кто здесь только не побывал за военное время. И официальные миротворцы, и наёмные солдаты удачи, и обычные мародёры. Мало кто может отличить одних от других.

На въезде в то, что осталось от когда-то мирного городка, располагался крохотный блокпост, где кипела битва. Битва — громко сказано. Ночью пришли сарматы и вырезали наших. Остался только я. Потому что вечером ушёл в разведку, и вернулся только к дележу добычи... Или же я выжил просто потому что не могу умереть. Когда один раз выживаешь после того как твой сосед по поездке в метро вдруг решает взорваться — это чудо. Когда во второй раз выживаешь при прыжке с нераскрывшимся парашютом — это совпадение. Когда в третий раз остаёшься единственным живым после миномётного обстрела — это настораживает. Сколько таких случаев было, шесть или семь? Даже не могу вспомнить на ходу. За такие фокусы меня и прозвали Бессмертным старые товарищи, все они давно в могиле. Новые уже считают, что это моя настоящая фамилия.

И вот очередное чудо. Один против отряда сарматов. Правда в отряде уже на одного меньше, сломал ему шею когда гадёныш решил помочиться на гору трупов. И остальные пока не знают, что я здесь.

Достаю из подсумка две гранаты, хороший способ наконец-то умереть. Или в очередной раз чудом спастись. Швыряю обе в окно не глядя. Глупо, очень глупо атаковать не зная сколько врагов против тебя. Но я могу позволить себе глупость, в конце-концов моими врагом всегда был целый мир.

Ответом на взрыв становятся крики и ругань. Слишком много криков не боли, но гнева, накрыло далеко не всех. Сейчас будет жарко. Почувствую себя живым.

— Эй, лос, кто здесь? Недобитый? Хватит прятаться, выйди как мужчина.

Ага, выйдем, знаю я ваши переговоры. А голос то знакомый, неужто сам Радан Радагонович пожаловал, один из множества племянников сарматского вождя. Давненько у

нас с ними были непонятки. Значит пришли мстить за старые обиды, и месть почти удалась. Ключевое слово почти.

Стреляю из автомата на звук голоса, больше для приличия, и укрываюсь от ответки. Радан продолжает пытаться в переговоры.

— Зачем стреляешь, лос? Давай поговорим. Ты один? Мы тоже одни. Выходи на свет.

Ха-ха, я конечно Бессмертный, но не идиот.

А шум уже доносится с другой стороны. Что они делали в сарае? Искали зарытое добро?

Кидаю в сторону сарая последнюю гранату, а чтобы не успели отреагировать сразу же пускаю длинную очередь. Они тоже стреляют. Я умудряюсь попасть. Они тоже. Но я не могу умереть. Пули ранят и причиняют боль, но не могут убить.

И снова стреляю в окно, надеясь зацепить тех, кто воспользовался суматохой чтобы подобраться поближе. Вот теперь выстрелы находят цель, и даже не одну. Крики ярости сменяются паническими, ситуация наконец переломилась в мою пользу. Теперь только дожать.

Стрелять больше нечем, а обыскивать в темноте трупы некогда, и я бросаюсь в рукопашную. Сарматы перепуганы, ещё бы, они видят собственную смерть. После пары приятно хрустящих ударов даже приклад сломался, а я всё ещё жив.

— Перестань, лос! Всё по понятиям! Вас свои же сдали! Сдавайся, и я договорюсь чтобы тебя отпустили! Хочешь денег дам? Говори номер счёта, сразу придут!

Голос уже совсем не дерзкий. Потеряв численное превосходство, Радан растерял и всю смелость. Нет. Деньги тебе не помогут, в голове уже бушует жажда крови, а перед глазами расстилается красный туман. Часть разума ещё холодно оценивает происходящее, словно сторонний наблюдатель, но тело действует на древних инстинктах.

Последний из сарматов пытается сопротивляться, но как-то вяло, неуверенно, словно зелёный новобранец. Я легко вырываю автомат из его рук разрывая ремень, Радан болезненно стонет, должно быть я вывернул ему плечо, но ничего, это меньшая из твоих проблем. Автомат летит в сторону, он мне не нужен, я просто хватаю противника за ноги и резким рывком укладываю на лопатки, и теперь, когда он беспомощен и до смерти напуган, обрушиваю на непривычно ухоженное лицо град ударов тяжёлых кулаков. Те, с кем я сходил в дружеском спарринге, не зря сравнивали их с наковальнями. Череп хрустит под ударами, и голова врага будто размягчается.

И тут упоение победой нарушает резкая боль в животе, быстро сменившаяся обжигающим теплом. Ну что за ублюдок! Пырнул напоследок кинжалом, ненавижу раны в живот, долго заживают. Вырываю клинок и добиваю Радана последним сокрушающим ударом. Встаю, оглядываюсь в поисках новых жертв. Никого не осталось. Только трупы и истекающий кровью Бессмертный.

Вот и всё... Можно отдохнуть. Я опираюсь спиной об стенку и медленно сползаю на пол. Надо бы перевязать раны, но сил совсем не осталось. Может в этот раз всё-таки смерть? Навскидку, как минимум две раны должны быть фатальными... Ерунда, раны запекутся сами собой, кровь остановится, и к утру я приду в себя с очередными болями. Такими темпами всё моё тело превратится в сплошной шрам... Нужно просто отдохнуть... Просто отдохнуть...

* * *

— Вот и всё. Хотя нет, подождите...

— В чём дело, Снегов? — голос Архимага стал не просто строгим, каким он отчитывал провинившихся студентов, сейчас его тон мог смутить даже профессора.

— Эм, ничего, Архимаг. Этот Донников своими нравственными метаниями сбил все настройки, вот приборы и чудят. Надо бы его тоже, эм, пустить в дело.

— Донникова? Его род хоть и беден, но имеет славную историю, как-никак из столбовых. Хотя... нужно взвесить все за и против. Мы все сегодня хорошо поработали. Освободи голема.

Снегов шустро развязал ремни.

— Так, иди к Лесниковой, она отведёт тебя в комнату. Выполняй основные повседневные задачи, не привлекай внимания. Свободен.

Дмитрий с опустошённым взглядом и каменным лицом поднялся и, слегка шатаясь, пошёл к двери.

— Надо же, совсем как живой. Вы настоящий гений, коллега! — Архимаг снова вернулся в благодушное состояние. — А каков кристалл! За него можно просить втрое больше обычного. Нет, всё-таки из одарённых молодых людей гавваха выходит не в пример больше. Ну что, теперь отметим хорошую работу?

— Можно и отметить. У меня ещё осталась бутылочка...

Нет-нет, — радостно улыбнулся Огородничий. — Вчера я всё же сумел поживиться у нашего Хренова одним из его чудесных эликсиров, так что сегодня с удовольствием вас угощаю.

* * *

Я не могу умереть. Обычно всё происходило проще. Заточка не задела органы, пуля только чиркнула по коже, взрыв грохнул немного в стороне. Но в этот раз я превзошёл себя. Ран было столько, что даже моё проклятье не могло ничего поделать? Ха-ха, сладкий самообман. Я в принципе не могу умереть, поэтому смерть всегда предпочитает кого-то другого. Но в этот раз вокруг меня оставались одни трупы, и Смерти пришлось импровизировать.

Теперь я здесь. Очнулся привязанный к пыточному агрегату, в голове путаные чужие воспоминания и бешеная злость на трёх... магов? Так, главное не суетиться, успею всё обдумать в спокойной обстановке. Пока нужно затаиться, прикинуться шлангом и оценить ситуацию. Занять позицию, укрепиться, разведать окрестности, наращивать силы, найти сторонников и продолжить расширять влияние. Не упускать возможностей и подавить всякое сопротивление. Как было раньше, как есть, и как будет всегда.

— Так, иди к Лесниковой, она отведёт тебя в комнату. Выполняй основные повседневные задачи, не привлекай внимания.

Мерзкий тип. Вроде и черты лица правильные, и сложен хорошо. Только глаза как у рыбы и рожа высокомерная. Приходилось таких видеть. Когда при власти, а при власти они часто, смотрят свысока. А как сожмёшь руку на горле, сразу скулить и ползать начинают.

Вдруг представилось, как я сдавливаю его глотку, ломаю гортань, слушаю хрипы, и на душе сразу так тепло становится... опять чужая память? Хотя я собственно и сам бы не против, не нравится он мне...

Те двое не лучше. Черноволосая ведьма неуловимо похожа на Бабу Ягу, нос крючком, глаза маленькие и злющие. Правда не старуха, даже симпатичная, пусть и на любителя. Морщится, как будто чем-то воняет, но скорее это обычное её выражение лица.

Худой как жердь старик с хоть и длинной, но жидкой и узкой бородкой, как у козла. Как он вообще двигается с такими тонкими руками и ногами? Будто под мантией не то змея в человеческом обличье, не то скелет. Похоже он среди них главный. И я понимаю, что

должен убить их всех. Но потом. Сейчас лучше всего выполнять команды, крушить и ломать ещё успею. Никогда не было проблемы с тем, чтобы начать крушить и ломать.

Я медленно встал и пошёл к единственной двери. Странное чувство, словно заново учишься ходить после перелома ног. Тело чужое, даже ростом как будто ниже. Так, получается его бывшего хозяина эти трое успешно замучали. Паршивая ситуация.

Дойдя до двери, я успел освоиться. Снаружи стояли двое, парень и девка, так, старый хрен говорил про Лесникову. Я остановился перед ней и ждал развития событий.

— Значит ты теперь голем? Как интересно. Что ты умеешь?

— Я отведу его в комнату, — вмешался рыжий паренёк.

— Нет. Профессора сказали мне увести его. Возвращайся в спальню, Гриня. А ты иди за мной.

Вариантов получше всё равно нет. Мы прошли по тёмному коридору, поднялись по лестнице и оказались в коридоре повыше и посветлее с кучей дверей по обеим сторонам. Наконец девка остановилась у одной из них и приложила медальон к замку. Дверь щёлкнула и открылась.

— Заходи.

Комната явно девичья, зеркало над столиком со всякой ерундой прозрачно намекает, можно сказать отражает характер хозяйки. Хотя были здесь ещё и книжный шкаф с письменным столом. Кроватей две, но одна даже не застелена.

Оценив обстановку я снова посмотрел на новую знакомую. Та времени не теряла и распахнула мантию, обнажив роскошные груди.

— Мне всегда было интересно, каково это с големом.

Так, очень мило. Но хоть груди роскошны, а бёдра внушительны, мне не очень-то нравится её тон. Паршивое ощущение, будто используют как племенного бычка. Нет, милая, я предпочитаю сам проявлять инициативу.

— Глупый голем! Тебе нужны точные инструкции? Трахни меня!

Хм, инструкции... У слова трахнуть ведь есть несколько значений.

Точный удар в подбородок, и девка рухнула на кровать безвольной куклой. Так, вот теперь можно оценить ситуацию. Зеркало!

Я быстро подошёл и осмотрел своё новое тело. Молодой парень. Смазливый, но хиловат. Это плохо. Девку я ещё могу вырубить по старой памяти, но с противником посерьёзнее будут проблемы. Нужно срочно наращивать мышечную массу. Да и рост теперь средний, это печально, я как-то привык смотреть на людей с высоты двух метров. Не удержался и приспустил штаны дабы осмотреть достоинство. Да уж, размерчик тоже средний. Нет, может это и к лучшему, как известно главное не размер, а мастерство, да и привычным поленом каждую вторую подругу я поначалу скорее пугал чем возбуждал, но всё же душу охватила тоска по утрате верного друга.

Ладно, с этим разобрались. Теперь подвести итог. Я студент магической академии, а значит имею право на койку в общежитии. Осталось её найти. Девка пользовалась медальоном. Я быстро осмотрел бесчувственное тело, вот он, на шее. Портрет, имя Татьяна Лесникова и номер 1488, хм, смешные цифры. Если мы поднимались из подвала, то оказались на четвёртом этаже. Единица видимо номер здания, четвёрка номер этажа, и восемьдесят восьмая комната, комнат на этаже по двадцать четыре, успел сосчитать по дороге, всё сходится.

У меня на шее похожий медальон, так, портрет тот же что и в зеркале, номер 2228, хех,

тоже смешно, и имя... Дмитрий Сталин... И только в этот момент меня накрыло. Когда кажется, что ты прошёл через самые кошмарные и непостижимые уму события, а значит нет в мире ничего, что могло бы тебя удивить, в голове взрывается кошмарное озарение. Я — попаданец в Сталина!

Глава вторая. Стуломант: Начало

Я вернулся на лестницу, спустился на первый этаж и нашёл единственный переход в мужское общежитие. Дальше проложить маршрут было делом техники. Вот и двадцать восьмая комната, недалеко от лестничной клетки. Так, медальон надо поднести к двери, совсем как электронный ключ, кстати, может это он и есть? Пока об уровне местных технологий можно только догадываться. Невидимый замок щёлкнул. За дверью кто-то есть, ну да, хоть Лесникова и жила одна, комнаты двухместные. Но неизвестный сосед вместо того чтобы спокойно дрыхнуть, бодрствует, и судя по дыханию на взводе. Так что заходя в комнату я был готов к тому, что сосед бросился на меня со стулом наперевес.

Вот тебе и мир волшебства, магией здесь даже не пахнет, только звериная ярость бушующих малолеток. Конечно я легко увернулся, попутно ткнув под дых нападающего, от чего он сложился пополам. Отобрал стул из обмякших рук, уронил противника на пол, поставил стул на упирающееся тело и спокойно присел, разглядывая агрессора сверху вниз. Ну конечно, тот самый рыжий паренёк, Донников его зовут. Прелестно. Мы ещё и соседи по комнате. Эх, а комната могла быть подходящим логовом чтобы всё обмозговать. Ну и что теперь делать? Обустроить лёжку в какой-нибудь каморке под лестницей? Или рыжего прямо здесь придавить чтобы не проболтался. Нет. Тогда точно привлеку внимание. Попробую быть дипломатичным:

— Что случилось, Гриня? Ты не рад видеть друга?

Рыжий заревел, вроде бы яростно, но чувствуется, что готов заплакать:

— Ты! Ты трахнул её?

Так дело в этом? Приревновал девку, весьма шлюховатую, надо отметить, и сразу конец дружбе. Почему все встречные ведут себя как тупые озабоченные подростки? Ах да... Академия волшебства. Хотя на вид им всем есть восемнадцать, но жизненной мудрости явно не хватает.

— Ну да, трахнул. — Донников задёргался под стулом. — Кулаком по голове. Эта змея большего не заслужила.

Сосед затих и недоверчиво переспросил:

— Так ты с ней не миловался?

— Нет. Успокоился, стуломант недобитый?

Я поднялся и убрал стул. Рыжий осторожно поднялся с пола и присел на свою койку, что-то мучительно обдумывая, и наконец уверенно выдал:

— Ты не голем.

Ого, а парень оказывается может думать и верхней головой. Может разоблачить. Надо что-то делать:

— И ты, наглая рыжая морда, ещё смеешь меня этим упрекать? Думаешь я уже успел понять и простить?

Донников начал осознавать всю неоднозначность ситуации:

— Нет. Я не заслуживаю прощения. Но... Как? После извлечения гавваха душа отправляется прямо в Ад...

Ага, то есть ты не просто убил друга, но и обрёк на вечные муки. Гнида ты всё-таки. Ладно. Эмоции в сторону, нужно придумать убедительную легенду. Рецепт простой, хочешь убедительно врать — говори только правду, но дозированно и максимально расплывчато.

Если что, ты чистый, это тот, кто тебя неправильно понял, со всех сторон сам дурак.

— А я и был в Аду. Паршивое место, знаешь ли. И время там идёт совсем по-другому. Секунды тянутся годами. Так что теперь я гораздо старше тебя Донни. А ещё в Аду быстро учишься и становишься сильнее, по-другому там нельзя. И вот наконец я смог вырваться сюда. Много чего подзабыл правда, но главное помню. Например тех, кто меня подставил. И очень хочу отомстить.

Донни побледнел:

— Значит теперь ты меня убьёшь?

Вот и всё, рыжий полностью сломался. Нужно это использовать.

— Ну, ты в общем то не главный виновник. Так, мелкая сошка. Пожалуй, тебя я могу и пощадить. В память о старой дружбе. Если будешь полезным.

— Но тогда кому ты собираешься мстить? Лесникова, ты... убил её?

Я вздохнул.

— Нет, она тоже мелкая гадина. Больше всего я хочу разобраться с теми тремя. Не люблю богатых ублюдков, которые одних парней отправляют на смерть, а других превращают в подонков.

Вышло даже слишком убедительно. Конечно эти трое тоже мелочь в сравнении с теми, кому они этот самый гаввах и продают, но паренёк ещё не готов к рассуждениям о большой политике. И так вон смотрит с восхищением. И это хорошо. Чувство вины может быть неплохим мотиватором, но оно быстро проходит, появляются разные нехорошие мысли, например что долг давно выплачен. Но рыжий из не самой богатой семьи, раз пошёл на дело ради денег на учёбу, а значит крамола на тему неравенства сидит у него на уровне подсознания. Надо только подкинуть дровишек в топку классовой ненависти.

— Да, я никому не скажу...

Я продолжал хранить молчание, позволяя Донникову сохранить иллюзию того, что судьбоносное решение он принял сам.

— И я помогу чем смогу... Чтобы ты им отомстил.

Готово. У меня есть первый сподвижник. Не самый расторопный на вид, но тоже будет полезным. Чем больше вокруг сторонников, тем выше шансы, что очередную пулю вместо тебя поймает кто-то из них.

— Хорошо. Значит я буду на тебя рассчитывать. Кстати, пожрать бы. В Аду с кормёжкой совсем паршиво.

— Это можно! — рыжий искренне радовался поручению, будь у него хвост, наверняка завиллял бы. — В общей комнате наверняка что-то осталось со второго ужина. Сейчас принесу.

Как только рыжий резво выскочил из комнаты, я снова встал перед зеркалом, уже спокойно. Наверное должно быть странно видеть в отражении чужое лицо. Всё равно что год прожить в зоне очередной потешной войнушки, а потом оказаться в мирных местах и с удивлением находить новые особые приметы на собственном лице.

Хотя мне к такому не привыкать. И всё же отражение смотрит как-то настороженно. Что-то от старого хозяина тела до сих пор сидит в глубинах черепа, и внутренний Сталин мне не доверяет. Это неправильно. Никогда нельзя ссориться со своим вторым я, в этой схватке победителей не бывает. Так что ему нужно? Суровой мести что, недостаточно?

Обычно призраков держат незаконченные дела. Эта троица, в которой оказалось аж два предателя, пыталась проникнуть в хранилище артефактов, воспоминания смутные, но

ор возмущённого архимага так просто не забудешь. К тому же артефакты наверняка ценные, а деньги в новом мире нужны не меньше, чем в старом.

Лицо в отражении смягчилось, но всё ещё чего-то ждёт. Что же ещё... Младшая сестрёнка! Стоит только подумать, как по телу разливается тепло. Из воспоминаний послушно выплывает девчушка. Худенькая, сингелазая, со смешно оттопыренными ушками. Похоже Сталин очень любил эту миленькую чебурашку. У меня никогда не было младшей сестрёнки. Но если бы была, наверняка я бы любил её так же сильно. Нужно её защитить. Пока не знаю как, но я не позволю отдать её в младшие жёны какого-то богатого сынка из местных аристократов.

Отражение улыбнулось. Похоже мы пришли к взаимопониманию.

Пыхтение за дверью подсказало, что Гриня вернулся, я открыл дверь, у Донникова то руки заняты. На разносе красовались два плоских пирога, каждый размером с тарелку, десяток пряников и две кружки с чаем, в каждой на вид поллитра. Живём.

Я откусил кусок пирога, прогрызаясь к сочной сердцевине. Вкусно, хоть и остыло. Похоже на мясо с грибами. Я прикончил пирог и залпом опрокинул кружку. Да, это и правда чай, хоть и с травами. Донников к трапезе не присоединился, так что я без зазрения совести сожрал и второй пирог, затем откусил пряник. Мятные, никогда их особо не любил, но всё равно проглотил все, запив второй кружкой чая. Наконец зверский голод утих, а к восхищённому взгляду Донникова добавились оттенки ужаса.

И правда, новое тело по габаритам скромнее, и привычная двойная пайка для него чересчур. Нужно срочно найти качалочку, иначе быстр потеряю и без того не самую лучшую форму. Но это дело завтрашнего дня. Сейчас отдыхать. Жизнь давно научила — какое бы дерьмо не происходило вокруг, пока есть возможность сытно поесть и крепко поспать, дела идут не так уж плохо.

— Донни, у меня для тебя есть задание. Скорее упражнение для ума. Наш план по ограблению хранилища артефактов, подумай, что в нём было не так. Ну, кроме того что кто-то сдал меня с потрохами, — рыжий покраснел и теперь выглядел совсем как долговялая морковка. — Разложи по полочкам и найди слабые места, подумай что можно исправить. А завтра вечером вместе смекнём что к чему.

— Ты собираешься туда вернуться?

— Завтра обсудим. А пока отдыхать. Я скинул верхнюю одежду и с наслаждением растянулся на кровати, чуть не утонув в перине. Сон пришёл мгновенно.

* * *

Тьма, обволакивающая и такая родная. Хочется растворить в ней и отдаться убаюкивающему течению. Но разум остаётся настороже. Я чувствую чьё-то могущественное присутствие. Глаза пытаются найти неизвестного. Разве можно что-то увидеть в темноте?

Однако неизвестный решил не прятаться, он не излучал свет, скорее тьма приняла человеческую форму. Точно человеческую? Слишком велик, и слишком большая сила от него исходит. Я жду, и Тёмный разрывает тишину громогласным голосом.

— А ты хорош. Вот что я называю «сохранять невозмутимость». Обычно попав в другой мир люди начинают паниковать, метаться и успевают изрядно набить шишек, пока не адаптируются. Ты же действовал так, будто каждый день попадаешь в другие миры.

— Не каждый... Но я и правда успел хлебнуть самого разнообразного дерьма...

— Как и все мы... В любом случае начал ты неплохо, и даже правильно определил главную цель. Видишь ли, на тебя наложили проклятие, и если ничего предпринимать, то даже если и отомстишь обидчикам, жить тебе останется считанные недели.

— Это вряд ли. Я не могу умереть.

Тёмный гигант раскатисто засмеялся:

— Конечно не можешь. Ведь ты не из тех, кто будет сидеть сложа руки, в ожидании милости от судьбы. Мы оба знаем, что судьба не бывает милосердной. В любом случае путь к спасению этого брэнного тела, которое ты в настоящий момент занимаешь, прямо связан с мрачными секретами подвала академии волшебства.

— Как насчёт чего-то поконкретнее?

Но тёмный уже исчез, а следом развеялся и сон.

Глава третья. Разборки в столовой

Проснулся я от шума воды. Рыжий уже встал и занял душевую, значит день начался. Если конечно мой сосед не встаёт среди ночи помыться, в общем-то к таким странностям соседей не привыкать.

Но в комнате и правда стало намного светлее. Я поднялся с койки, поприседал и потжимался, потом подошёл к окну. Ночью было как-то не до разглядывания пейзажей, тем более вокруг всё равно была сплошная темнота, но сейчас снаружи зажглись фонари, да и небо понемногу начинало светлеть. Вокруг ухоженное поле, трава молочно-зелёная, значит здесь поздняя весна, хотя в моём мире был разгар лета. Луг упирается в смешанный лес. Деревья — моё почтение, местами виднеются гиганты метров на пятнадцать в высоту.

Рядом с лесом деревянная изба, из печной трубы валит чёрный дым, интересно, кому это там холодно?

Вода затихла, рыжий вышел из ванной.

— Без меня не уходи, на учёбу вместе пойдём, — на всякий случай уточнил я. В конце-концов я не знаю куда идти не говоря уже о таких мелочах как расписание.

— До учёбы ещё час. Сейчас завтрак...

— Тем более. Завтрак ещё важнее.

Я быстро сделал дела и принял душ с лейкой вполне привычного вида. Бриться пока не нужно.

В шкафу нашлась чистая одежда, больше напоминающая гимнастёрку с косым воротом. Каких-то ученических принадлежностей в комнате не наблюдалось, так что на этом приготовления были закончены.

Мы спустились по лестнице, прошли по переходу в соседнее здание, снова спустились и наконец оказались в столовой. Так, а вот и первая дилемма. Столы расставлены неравномерно. Две трети помещения занимает едва ли четверть мест, остальные сбиты в тесную кучу. И это явно не просто так. Приём пищи всегда тесно связан с иерархией, и важно выбрать правильное место.

С одной стороны, нужно не выделяться. Я как-никак полуразумный голем без амбиций. С другой стороны садиться в местный аналог петушиного угла тоже не вариант.

Донни, твой выход:

— Так, где мы обычно сидим?

— Трудно сказать...

Твою мать, Донни...

— В смысле, большой стол для настоящих аристо, а малый для... ну, для бедняков, которые учатся по милости Императора. Нас пускали за большой стол, но только с краю...

Ясно, от Донникова помощи не дождётся. А ведь решение важнее чем кажется. Я огляделся по сторонам в поисках подсказки. Справа раздача еды, от прилавка отходит девушка. Симпатичная, волосы русые, глаза большие, фигурка стройная. К ней подошёл какой-то сопляк. Встал кстати из-за большого стола, о чём-то говорит, потом как бы случайно сбивает с разноса кружку. Девушка замерла, не знает как себя вести. Мерзкая ситуация.

Несколько шагов и я нахожусь рядом. Белобрысый крысёныш явно издевается:

— Маша, какая-же ты неряха. Надо убирать за собой.

Я встал между ними. Может новое тело и меньше старого, но конкретно на этого гадёныша посмотреть свысока я ещё могу. Белобрысый начинает мелко ёрзать, но на попятную не идёт.

— Вот и хорошо, этот байстриук сейчас всё уберёт.

Не помню, что значит слово «байстриук», но судя по контексту ничего хорошего.

— Ты разлил чай, но хочешь чтобы убрал я?

— Конечно. Для тебя должно быть честью помочь благородному аристо.

Я гаденько ухмыльнулся. Ну, раз ты так хочешь...

— Конечно, я помогу тебе убрать.

В следующую секунду выскочка оказался на полу. Нет, он конечно пытался упираться, но не имел ни единого шанса вырваться Я пару раз провёл брыкающимся телом по полу.

— Всё, теперь чисто.

Разлитый чай и правда перекочевал на гимнастёрку выскочки. Я подержал его на полу ещё секунд двадцать, пока брыкания не ослабли. Теперь, если освободившись он бросится в отчаянную атаку, сил всё равно не хватит, так что я отпустил гадёныша и улыбнулся девушке. А вблизи она ещё симпатичнее. Не идеал, конечно, но приятная во всех отношениях. Самое время познакомиться поближе, но романтический момент безнадежно испорчен подскочившим белобрысым.

— Жалкий червь! Познай гнев аристо!

Я с интересом наблюдал за взмахами рук соперника. Неужели покажет настоящую магию? Или лучше не рисковать и сразу его вырубить?

— Прекратить! — громогласный голос словно окатил столовую ледяным ветром. Снегов собственной персоной.

— Профессор, этот байстриук оскорбил меня...

— Малафеев, после завтрака жду твоих объяснений в моём кабинете.

Малафеев, смешная фамилия. И сейчас он побледнел, в полном соответствии с ней.

— Но... — договаривать белобрысый не стал, просто съёжился, став ещё меньше ростом, только глазками зыркал особенно свирепо.

Ещё раз оглядев собравшихся, которые как один вытянулись по струнке. Снегов развернулся и ушёл. Малафеев тоже не нагнетал, а тихо вернулся за стол.

— Спасибо. — Маша легко погладила меня по руке и улыбнулась. — Я целительница, приходи если поранишься. — Девушка быстро достала из под одежды медальон, чтобы я успел запомнить номер.

— Обязательно, — я как мог улыбнулся. Целительница мне с моим образом жизни и правда не помешает.

Но почему Снегов за меня заступился? Хотя противоречия нет. Не за меня заступился, а за своего голема, который выполняет его приказы, в меру собственного разума. И если вместо того чтобы не отвечать, влипает в неприятности, это вина программиста. И насколько я знаком с этой братией, вместо выяснения причин Снегов сначала вдоволь поглумится над несчастным Малафеевым. Хотя его не жалко.

Я вернулся к Донни, который всё это время стоял столбом, а мог бы хоть для приличия подойти к очагу конфликта и выразить молчаливую поддержку. Учить и учить паренька...

— Наверное теперь мы можем смело сесть за большой стол. — Донни всё-же сделал свои выводы.

— Ответ неправильный. — Маша, со своим разносом, без кружки чая, устроилась с

краю столов в тесноте. — Лично мне ближе простой народ.

Я решительно шагнул к «малому столу».

— Утро в хату, час в радость, завтрак в сладость! Что грустим, народ? Тесновато тут у вас, давайте-ка столы подвинем, места в зале полно.

Аристо большого стола, кривили лица, но то ли пример Малафеева, то ли неожиданная позиция Снегова заставила их держать недовольство при себе. Скоро с победным скрипом столы распределились по комнате более-менее равномерно. Ладно, теперь можно и перекусить, вчерашние пироги были вкусными, но как-то быстро проскочили, что там у нас на завтрак? Каша, запахом напоминает гороховую, только горошины какие-то плоские, ну ничего, только намекну повару на двойную пайку...

Душераздирающий вопль, от которого задрожали оконные стекла, сбил с мысли.

— Донни, что за холмотень?

— Завтрак кончился, пора на занятия. Идём, Хренов не любит когда опаздывают.

Твою же мать... Студенты быстро побросали тарелки прямо на столе, о самообслуживании здесь никто не слышал, и шумной толпой рванули к выходу.

* * *

Когда Донни, а следом и я, добежали до нужного кабинета, преподаватель Хренов уже был на месте. Ну как был... Только в физическом плане. Он спал, громко похрапывая и источая резкий аромат перегара. А выглядел этот волшебник внушительно. Пожалуй даже крупнее чем я в прошлой жизни. На учительском столе возле косматой башки возлежал кулак, размером аккурат с голову студента. Да уж, злить такого не захочешь. Но всё-таки, нужно иметь какую-то совесть, я конечно тоже спал в своё время на лекциях, но по крайней мере не был преподавателем!

Поэтому я деликатно кашлянул. Кто-то из студентов последовал моему примеру. Скоро кабинет наполнился звуками туберкулёзного барака, и тогда его величество наконец продрал глаза и поднял голову с монументальным носом (характерного сине-красного оттенка) Нижнюю часть лица венчала борода, с одной стороны густая, хоть и с проседью, но с другой едва прикрывающая ожог на половину лица.

Преподаватель громогласно зевнул, а затем окинул нас усталым взглядом:

— Что, уже занятия? Ну ладно...

Хренов встал и вышел из-за трибуны. Аудитория замерла. Одет преподаватель был в помятую рубаху и широкие штаны. Но несмотря на всю ширину, штаны не могли скрыть выдающегося достоинства этого былинного богатыря. Хрен Хренова чётко прорисовывался под толстой тканью, ритмично покачиваясь вслед за движениями хозяина, и простирался он чуть ниже колена. Даже на меня такие габариты произвели впечатление, что уж говорить о студентках которые сами того не замечая водили шеями в такт движениям внушительного органа. словно кролики, загипнотизированные удавом.

Покачав хреном, Хренов собрался с мыслями:

— Так, студенты... И на чём мы в прошлый раз остановились?

— Вы рассказывали как героически побеждали могущественных магов в рукопашной один на один.

Лесникова съехидничала, только сейчас я заметил что она здесь. Подбородок замазан

белилами, вид недовольный.

Преподаватель задумался, а я обрадовался. Неужели первое же занятие окажется полезным? Мне не помешают знания о том, как бить волшебников, без какого-то колдунства, способностей к которому у меня до сих пор не пробудилось. Но если магов можно побеждать в рукопашную, у меня очевидное преимущество. Особенно если враги не будут знать, кто перед ними. Пусть видят хилого и молодого мага недоучку, под личиной которого скрывается опытный убийца из другого мира. Надеюсь, в этом мире не знакомы с концепцией попаданцев.

Хренов наконец пришёл в себя и вытащил из под стола какой-то кристалл, потряс его, поднёс к уху, постучал пальцем и, удовлетворённый результатом, поставил на стол.

— Отлично! Значит с этим мы закончили и можно начать новую тему. Сегодня поговорим о даймонах.

Ещё один щелчок по кристаллу и на стене отобразилась фотографически точная картина. Скелет какого-то динозавра, внутри которого скелет человека, сжимающий в руке плоский прямоугольник, похожий на окаменевший смартфон.

— Часто их называют попаданцами. Первые появления даймонов приходится ещё на доисторическую эру...

А вот это уже настоящее попадалово!

Глава четвертая. Попадалово

— Издревле даймоны загаживали нашу историю и всячески мешали процветанию Империи. И до воцарения нашего любимого, великого, солнцеподобного Императора, это сходило даймонам с рук. Многие из них становились военными, чиновниками, даже писателями.

На стене появился слайд с престарелым и бородатым, но всё ещё узнаваемым Гитлером.

— Интересно, что он написал?

Вопрос был риторическим, но сидевший рядом Донни встрепенулся:

— Разве ты не читал? Там культивация, кланы, нагиб, гарем...

— Тихо там! — Осадил разошедшегося читателя Хренов. — Читают всякую ересь, которой даймоны молодёжь развращают, а потом культивируют после отбоя под одеялом. Нет бы Святое Писание или Житие Императора Грозного полистать. И вообще, Донников, где это вы запрещённую литературу раздобыли? Уж точно не в нашей библиотеке, где она доступна только преподавателям, разумеется исключительно для исследовательских целей.

Донни сжался и покраснел, но великан совсем не жаждал крови и быстро вернулся к рассказу.

— Есть два пути, которыми даймоны попадают в наш мир. Чаще всего выходят не пойми откуда, обычно туманным утром. С этими проблем нет, говорят не по нашему, одежда странная, волков гонять не умеют. Опричники их быстро усмиряют, так что набедокурить не успевают. Но бывает хуже, родиться иной раз такой младенец, что за сиську мамкину повзрослому хватается, а почему? Да потому что дэймон это в младенческом теле, что память и разум сохраняет. Конечно вычислить его тоже немудрено, странно ведёт себя, не по годам блудлив. Но всё же сложнее, чем взрослого. Ведь если дэймон смышлённый попался, что хоть редко, но бывает, он до поры до времени себя не проявляет, говорить по нашенски учится, да и родители его до последнего прикрывают. Верят, что их ребёночек, просто умным уродился. А детёныш сам от горшка два вершка, но уже начинает планы коварные строить, ложи тайные создавать, машины бесовские придумывать. Вот чтобы не было такого, Император в мудрости своей необъятной и повелел двадцать лет назад: всех недорослей дворянских до шестнадцати годов в поместье держать, да приглядывать пристально. И только когда ясно станет, что не дэймон, а обычный недоумок, свойский, нашенский, тогда и отправлять уму-разуму учиться по Академиям разным. А ежели вдруг просочится дэймон через сито, то долг каждого благородного подозрения свои в царскую охранку сообщить, но как её найти вы и без меня знаете?

Хренов на секунду замолчал, и все взгляды устремились на худенькую девушку с длинными, до пояса, русыми волосами. Волосы конечно шикарные, заплетённые косы в этом мире я пока не видел, да и жалко было бы такую красоту прятать. Лицом тоже вроде недурна, правда от слов наставника девушка покраснелась, молча кивнула и укрылась ладошками от взглядов.

— Есть правда и другие пути для даймонов... — Хренов вдруг уставился на меня. — Но про них вам знать не положено.

Я принял максимально безмятежный вид, хотя разум бил тревогу. Он что, знает? Ну да, тот кто убивает магов в рукопашной и учит молодняк выявлять шпионов наверно и сам должен подмечать всякие нехорошие детали. И что дальше?

— Так, и что дальше... — Хренов замолк, на его лице росло смущение. — Сколько там до конца занятий?

— Всё ещё четыре часа, наставник, — снова съехидничала Лесникова.

— Вот как... — задумчивое лицо Хренова вдруг просияло надеждой. — Может у кого-то есть вопросы?

Тишина, которая с каждой секундой становится всё напряжённее. И снова Лесникова тянет руку.

— Да, есть один вопрос. Какое отношение даймоны имеют к физической культивации?

— Непосредственное! Хотите культивировать? Тогда встаём и шагаем к опушке леса. А то разговоры и разговоры, надо уже и делу поучиться.

Хренов распахнул дверь и студенты пошли к выходу. Я не спешил, понемногу отставая чтобы обдумать ситуацию. Итак, это великан если и не знает обо мне, то подозревает. Но что он собирается делать? Вывести в лес, подальше от учеников, и там попытаться устранить? Или же... наоборот? Ведь он по факту показал мне зачем-то ту девчонку, которая наверняка приставлена чтобы докладывать обо всём в тайную полицию. В моём мире тоже на каждом шагу такие тихони были, и как правило все об их сотрудничестве с тайной полицией прекрасно знали. Все, кроме пришлых. Так что возможно великан просто хочет поговорить, возможно завербовать. Ладно, разберёмся на месте. Главное ввязаться в бой, а дальше можно просто действовать по обстановке, так было, так есть и так будет.

* * *

Наконец мы пришли на опушку и как то сами собой построились в линию. Я с интересом вглядывался в темноту леса, другой мир как никак, и где-то там наверняка обитают фантастические твари. Хренов почесался и, дождавшись всеобщего внимания, огласил:

— Вот вам задача. Идите в лес, найдите там что-нибудь полезное и несите сюда. На всё про всё три часа... А, и надо объяснить что именно вы притащили и зачем вам это нужно. Ходить по одному, медальоны не снимать, я всё увижу.

— Наставник... — в голосе Лесниковой пропала былая дерзость. Ха-ха, а ведь судя по фамилии задание для неё должно быть привычным. — Там же волки!

— Так спят они, волки те. На охоту ночью выходят. Да я их ещё подкармливаю, не тронут они никого. Всё, пошли. Да не разом, по одному, и в разные стороны, сказано же, по одному.

Похлопав по плечу Донникова, я вошёл под сень деревьев. Так, лес как лес, хвойный с лиственным вперемешку. И что я должен принести? Паршиво, но в памяти не малейшего следа о местных уроках ботаники. Просто отобрать чью-то добычу, в смысле уговорить поделиться? Не, Хренов поэтому и сказал ходить по одному, да ещё и подсказал, что в медальонах жучки, хотя не сказать что я сам не догадывался.

За этими мыслями я отошёл от опушки достаточно далеко, чтобы больше не слышать других студентов, так что вариант отжать добычу сам собой отпал. Тут бы самому не потеряться. Деревья густые, расстояния между стволами хватает, зато ветки сплетаются в арки отнюдь не ровными дорожками, это настоящий лабиринт. Ничего, ориентироваться на местности я умею. Осталось определиться с добычей. Лучше всего просто найти любой

объект, который выделяется. Мрачная тень впереди разрывалась проблеском света, небольшая поляна, может там что есть? Я пошёл вперёд.

И правда, необычного хоть завались. Если до того вокруг были в общем-то обычные деревья и привычный лес, то хреновина посреди освещённой плешки, назвать поляной эту мёртвую землю язык не поворачивался, явно отличалась от пейзажа. Цвета сырого мяса, эта пародия на дерево высотой метра три как будто шевелила своим веткообразными отростками. А ещё она усыпана не то чешуёй, не то зубами, на вид они кажутся острыми, если отломать ветку, наверняка порежешься. Ещё и какой-то слизью сочится. Прикоснуться к непонятной штуке не хотелось, наверняка ядовитая. Но вдруг это и есть ценная находка? Холм с ней, поищу что-нибудь поприятнее.

И едва отойдя от проплешины, я чуть не влетел лицом в паутину. Толстая, зараза, как леска, и прозрачная. Можно увидеть только по капелькам росы. Может паутина ценная? Я осторожно потрогал пальцем, ничего себе, даже не думает рваться, что же за пауки тут водятся? Пришлось пригнуться чтобы не зацепить эту красоту, но через пару шагов я снова упёрся в паутину. Снова и снова, похоже маршрут не самый удачный, но впереди виднеется ещё один просвет. Может там повезёт больше.

Снова в центре дерево, но уже нормальное. Не кедр, ветки слишком широкие, но похож. И шишки здоровые. Забраться и нарвать что ли? Тем более утром со всеми этими разборками так и не позавтракал.

Ветки наверху подозрительно зашуршали. Я быстр поднял голову, но успел заметить только стройный силуэт и гриву белоснежных волос, стремительно скрывающихся в зелени.

— Я тебя видел. Выходи.

Незнакомая фигурка выходить не спешила, только зашуршала громче, а мелодичный голос зазвучал с другой стороны.

— Тебя прислал большой папочка?

А шустро она по веткам скачет, с дерева на дерево. Или их двое и меня дурят. Что за папочка, неужели Хренов?

— Просто гуляю. Ищу что-нибудь полезное. Ничего не видела?

Снова шорох, и ответ доносится с третьей стороны.

— Значит точно от папочки. Ты далеко зашёл. Значит ты смелый?

— Конечно, — я принял гордую позу и улыбнулся невидимке.

— А у нас беда. Рассад пророс, если не выкорчевать, весь лес задавит. А давай ты мне поможешь, а я тебе подарок для папочки! Он обрадуется.

Рассад... Наверняка та хреновина которую я побрезговал трогать.

— Что такое Рассад?

— Как деревья, только злые. Император злился, что холопы постоянно в лес убегают, вот и приказал рассадить эту дрянь по всем диким землям, чтобы там жизни не было. Все думали просто блажь, а он возьми и прижился, нигде спасу нет. Даже здесь...

Голос стал таким грустным, что сердце сжалось. Вот же наглая манипуляторша!

— А что сама не выкорчуешь?

— Мне нельзя, я же девочка. Рассад взбесится.

Ага, зачем марать нежные ручки, если можно заставить кого-то другого. И не поспоришь.

— Ладно, помогу. Только смотри чтобы подарок «папочке» понравился.

Я быстро вернулся той же тропой, ловко уворачиваясь от паутины, благо хорошо

запомнил где именно она висит. Странное тошнотворно-розовое дерево было на том же месте. И да, оно действительно шевелилось. Оживилось, словно чувствует угрозу. А ветки больше похожи на щупальца... Так, кажется я понял почему девушка не хочет с ним связываться, видел картинки на эту тему, в каждом первом трофейном телефоне своя коллекция.

Корни у дерева толстые, но какие-то рыхлые, и в землю почти не уходят, скользят по поверхности, выжимая соки из других растений. Думаю я смогу его повалить. Не помешали бы перчатки, голыми руками прикасаться к этому не рискну, так что придётся пожертвовать костюмчиком, в шкафу всё равно был запасной комплект. Я обхватил ствол локтями, оставив сжатые кулаки свободными, навалился всем телом, слегка согнув ноги, а затем стал их выпрямлять, чувствуя как корни медленно вырываются из земли. Ветки, до того слабо шевелившиеся, начали хлестать меня по спине, словно кнутом, благо дотянуться до меня могли лишь несколько не самых толстых. Я напрягся изо всех сил и наконец вырвал корни. Дерево сделал несколько конвульсивных движений и замерло, одеревенело, как и подобает растению. Я с отвращением бросил ствол на землю и придирчиво осмотрел костюм. Рукава разорваны в нескольких местах, едкий сок живого древа всё же попал на кожу, которая покраснела и чесалась, пришлось обтереть её землёй, это пусть немного, но помогло.

— Ты справился! Ты сильный и смелый! — голос невидимки снова зазвучал где-то среди крон деревьев. Так и не хочет показаться. Стеснительная или есть что скрывать? После дерева с щупальцами я уже ничему не удивлюсь.

— Ага, контракт выполнен. Поговорим о награде.

— Лови! — с вершины что-то полетело прямо на меня, а невидимка зашуршала по веткам куда-то в сторону. Эх, а я надеялся продолжить знакомство.

В руки свалился гриб. Красный, в белую крапинку, натуральный мухомор. Здоровый, сука. С мою голову. И это награда? Хотя сейчас вроде как весна, и грибы ещё не растут. И может это не мухомор, а какой-то редкий ингредиент. Или же меня просто надули. В любом случае бороться с деревьями мне надоело, время занятий истекает, и вообще главное вернуться не с пустыми руками, не победа а участие, все дела. Я быстро сориентировался и пошёл назад, добравшись до опушки без особых приключений.

Большая часть студентов уже расслаблялась сидя на травке, благодушно настроенный Хренов (похоже пока студенты бродили по лесу он успел опохмелиться) восседал на поваленном бревне, окружённый дарами природы — пучки трав, какие-то ягоды, не то грибы не то лишайники... Я пристроился к очереди из ожидающих оценки своей добычи.

— Вот, паучий шёлк. — долговязый парень протягивал комок белесых нитей. — Годится для дорогой ткани. Ещё из него делают нитки, которыми зашивают раны.

А что, так можно было? Эх, сколько этой паутины я аккуратно обошёл...

— Ты ж её в комок смял. Как нитки распутывать будешь?

Парень улыбнулся, поднял руку над комком, который вдруг загорелся фиолетовым свечением, а пальцы парня замелькали с невероятно скоростью. Почти невидимая тонкая нить будто сама собой стала закручиваться вокруг его мизинца.

— Молодец! А зачем зашивать рану?

— Чтобы когда целитель будет её закрывать не осталось шрамов.

Хренов одобрительно кивнул, и счастливый студент оставив подношение пошёл к отстрелявшимся.

Следующей подошла та худенькая тихоня, что работает на охранку. В руках покрытый

белесым лишайником пласт мха.

— Вот. Его вытяжка успокаивает, уменьшает голод, помогает при магическом истощении... И он высоко ценится.

— Всё правильно, молодец.

Девушка наклонилась чтоб оставить добычу, но здоровенная рука её остановила.

— Нет. Он до завтра стухнет, а мне некогда возиться. Унеси его. Аптекарь, тот у которого лавка на перекрёстке, с руками оторвёт, как раз после занятий успеешь сбегать.

Щёки девушки покрылись румянцем, она выдохнула быстрое «Спасибо» и убежала в сторонку, неся в руках сокровище.

Последней предо мной была сама Лесникова, до сих пор не удостоившая несостоявшегося любовника даже взглядом. В руках она держала нечто похожее на древесный гриб.

— Вот. Древесник. Если перемолоть в порошок долго хранится. Восстанавливает силы, усиливает магию. Тоже ценится.

— Да, ценная добыча. Но ты сломала гриб у самого ствола, и теперь он снова отрастёт только через несколько лет. Брать всегда нужно только половину, тогда он отрастает за один сезон.

Лесникова смерила наставника презрительным взглядом и молча отошла.

Моя очередь. Я протянул гриб.

— Вот... — слова кончились. Я как-то совсем забыл, что находку нужно ещё и обосновать.

— Отлично! — Хренов просиял, выхватил гриб из рук и быстро спрятал в плечевую сумку. Воспользовавшись моментом я быстро ушёл к «отстрелявшимся».

— Наставник, все вернулись, может закончим пораньше.

Наполненный надеждой голос незнакомого студента тут же поддержал одобрительный гул.

— А?.. — оказалось Хренов снова задремал. — Ладно. Только расходитесь малыми группами, не привлекая внимания. Мне ещё ваши трофеи сортировать.

Итак, первое занятие прошло относительно успешно, если не считать изорванного мундира.

— Донни, что у нас дальше?

— А на сегодня всё! — радостно заулыбался рыжий. — До отбоя можно заниматься своими делами.

— И чем здесь обычно занимаются? — я вспомнил свою легенду, изобразил пустой взгляд и тут же поправился. — Я уже и забыл чем можно заниматься в этом мире, сам понимаешь...

— А, сегодня понедельник, ты обычно навещаешь сестру в приюте, но туда пускают только вечером.

Несмотря на мой посттравматический вид, рыжий ничуть не смутился и держался так же весело, похоже он не привык долго о чём то переживать. Обычно это полезная черта, но моим планам может помешать. Значит нужно его чем-то занять, пока лояльность не испарилась.

— Значит вечером навещу сестрёнку. А до того... Напомни, где здесь обычно тренируются.

— Ты про зал культивации? Так это для байстрюков место. Аристо туда не ходят...

Интересно. Я догадывался о местном разделении на группировки ещё в столовой, но теперь картина окончательно сложилась. Аристо судя по всему богатые детки. Или благородные, обычно это одно и то же. Их мало, но у них привилегии, а в случае чего наверняка вступятся родители.

Есть байстрюки, из семей победнее, которых ни во что не ставят, да и держат их только для того, чтобы аристо было над кем доминировать. Но байстрюков много, и у них есть свои места, а значит и сила их удерживать. Лавировать между группировками, как делали Сталин и Донников до моего попадания, бесперспективно. Лучше сразу выбрать сторону в этом бесконечном противостоянии. С аристо у меня уже был конфликт, и вряд ли он разрешится сам собой. Но вот у байстрюков в ходе всё того же конфликта я завоевал какое-то уважение. К тому же их много, а чем больше сподвижников — тем лучше. Решено, налаживаем контакт.

— Донни, я бы советовал тебе не называть наших новых друзей «байстрюками». Что-то подсказывает, им это слово не понравится. Я иду в зал культивации, ты со мной?

* * *

Разумеется Донни пошёл со мной, очень кстати, дороги я всё равно не знал, хотя спуститься в подвал догадался бы и без подсказок спутника.

Тускло освещённый непонятными светильниками обшарпанный коридор, тяжёлая скрипучая дверь, стойкий запах пота — совсем как дома. Зал культивации до боли напоминал простую земную качалочку. Несколько самодельных турников, вдоль стены грубые скамейки, всюду гири, гантели, даже штанги, правда не сборные, а больше похожие на всё те же гантели, только с двуручным хватом. Довершали идиллическую картину два полуголых парня, один из которых обмотался кожаным ремешком, дурачившиеся в шуточной борьбе.

В дальнем углу качал бицуху крупный парень, окружённый подбадривающей толпой. Явный лидер, он то мне и нужен.

— День добрый, — я подошёл к местному вожаку и пристально смотрел в лицо ожидая ответа.

Вожак отложил гантели, встал и протянул руку:

— Виделись уже, утром в столовой. Я Александр, младший сын рода Боровых.

— Сталин, Дмитрий Сталин, — я пожал протянутую руку, мучительно соображая как правильно обозначить свой родовой статус. Про сестру я знаю, а вот других братьев внутренний Сталин не вспоминал, как и родителей. Так что может я не просто старший сын, но глава рода, или как тут у местных? Вот и пришлось представиться уклончиво.

К счастью, Боровой на приветствие не по традициям внимания не обратил, может не так это и важно. Жестами байстрюк разогнал толпу и сел на лавку, предложив мне устроиться рядом. Я в ответ тоже отправил Донни куда-то в сторону гирь, пусть подкачается, пока серьёзные люди разговаривают.

— Ты пришёл за помощью? — медленно начал Боровой. Голос неуверенный, ему самому очень не нравится то, что он хочет сейчас сказать. А раз сказанного не вернёшь, нужно действовать на опережение.

— За помощью? Я и сам неплохо справляюсь. Скорее вам нужна моя помощь, и

из самых благородных стремлений я готов её предоставить.

Кабан, это прозвище для Борового возникло в голове само собой, скорее всего даже без помощи внутреннего Сталина. В каждой компании есть крепкий парень по прозвищу Кабан, а этот ещё и Боровой, тут, как говорится, и вариантов других нет. И сейчас Кабан крепко задумался, прежде чем выдать своё мнение.

— Ты поступил красиво. Мысленно все за тебя. Но это было... чересчур. Аристо не простят унижения, и буду мстить. Не только тебе, всем кто рядом с тобой. И нам тоже, если мы тебя поддержим.

Я вздохнул.

— Ты же понимаешь, что если ничего не сделать, лучше уже не будет?

— Но если сделаем может быть хуже?

— Хуже? О вас уже вытирают ноги. Что может быть хуже? — эти слова я произнёс погромче, на случай если кто-то недостаточно усердно подслушивает.

Кабан даже покраснел от распирающей злобы. К его чести, здоровяк не пытался излить негодование на кого-то поблизости и держал себя в руках.

— Думаешь я ничего не понимаю? Думаешь меня от этого не воротит? Но аристо сильнее во всём! Чем благородней род, тем сильнее дар, и с этим ничего не поделаешь. А среди этих есть даже байстрюки Великого Князя. наших сил не хватит чтобы одолеть кого-то из них.

Опять байстрюки... Кажется припоминаю это слово, что-то вроде бастарда, интересно, они ради красного словца называют друг друга ублюдками, или здесь что-то большее.

— Но что-то же вы должны делать, раз до сих пор не сбежали?

Кабан выдохнул:

— Мы просто стараемся не ходить по одиночке. На толпу аристо не нападают.

Я укоризненно покачал головой:

— Ты неправильно мыслишь. Даже если аристо сильнее, вас намного больше. Так что это они должны бояться ходить по одиночке.

Кабан демонстративно расхохотался:

— Хотел бы я посмотреть на того, кто так напугает наших аристо.

— Договорились. — мой голос из дружелюбного стал ледяным, не позволяющим возражений. — Ты плохо меня знаешь, и поэтому твои сомнения простительны. Но ты должен пообещать. Когда я заставлю ваших аристо бояться ходить по одному, ты и твои друзья больше не будут сомневаться в моих словах.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Кабан, то ли не поверил, то ли наоборот поверил слишком сильно. — Если сделаешь такое чудо, мы пойдём за тобой хоть в огонь, хоть в воду.

— Ловлю на слове, а теперь, если вы не против, я хочу потренироваться.

— Конечно, мы всегда тебе рады, Сталин. Чувствуй себя как дома.

Следующий час я посвятил изучению физических возможностей нового тела. Дмитрий хоть и не выглядел как силач, но и слабаком не был. Осторожно, чтобы не повредить связки или суставы, я подобрал подходящий вес и от души погрузился в ритм упражнений. Донников последовал моему примеру и надо сказать, в этот раз рыжий удивил меня приятно, он оказался неожиданно крепким малым, мне удалось обойти его в упражнениях только благодаря тому, что я много тренировался в прошлом теле и техникой владел куда лучше. Нет, надо тренироваться, а то ещё обгонит.

Наконец я решил что хватит, утащил слишком увлѣкшегося Донникова, бедолага, завтра у него будет болеть каждая мышца, и мы вернулись в комнату. Я с наслаждением принял душ, горячая вода успокаивала напряжѣнные мышцы, а когда вышел, сосед по комнате уже раздобыл где-то самовар, нет, парень всё-таки полезный, надо его как-то поощрить.

— Кстати, Донни, почему Боровой называл аристо байстрюками. Со зла или по факту?

— Ну, в основном они и правда байстрюки. Только чьи надо байстрюки, вот нос и задирают. Разве настоящие аристо стали бы в нашей Академии учиться? Они все в Университетах, пять лет уму-разуму учатся, а мы только три года — и сразу на службу, куда возьмут милостью Императора-батюшки.

Я обхватил голову руками и замолк, осмысливая очередную издѣвку судьбы. Новый мир, аристо, Академия волшебства... За громкими словами всегда скрывается горькая правда. Я студент магического ПТУ...

Личная карточка преподавателя

Хренов Бирюк Горынович

Предмет: Физическая культивация.

Особые приметы:

Высокий рост, огромная сила, высочайшее сопротивление любым заклятьям магическим, заметный шрам через левый глаз, выбитые клыки, на правой стороне лица след от ожога.

Биография:

Бывший священнослужитель. Лишён прихода за греховные проступки: пьянство во время проповедей, заправливание рясы в исподнее, растление мирянок, побивание опричников.

Будучи сильным антимагом, промышлял охотой на неугодных колдунов и ведьм за награду, выполнил множество опасных поручений, затем остепенился и занял пост в Академии, но пьянствует и развратничает пуще прежнего. Кулачными боями с отрочества увлекается и дюже в них хорош.

Допрос:

Допросить нет никакой возможности, ибо дознаватели магическую защиту его расколоть не могут.

Приписка от руки:

Ох, не прост бывший батюшка. На вид обычный смутьян, что греховную природу свою переборол и стал на путь исправления и служения Императору. Вот только власть государственную презирает не меньше прежнего, да и подвиги его душком отдают. Дела колдунов убитых обезображены были до невозможности, от многих и вовсе одну голову приносил. Что набожен — того не отнять, но вот каким именно богам поклоняется, то неведомо.

Записи стенограмм

— Горынович, ты опять распивал вина во время проповедей? Ты совсем не боишься гнева Императора?

— Я не боюсь ничего, колдун. Я — батюшка...

Неразборчивая ругань, звук раздаваемых подзатыльников

Запись сделана агентом охраны во время репетиции студенческого театра, на которую случайно забрёл объект.

Глава пятая. Опасная сестренка

Вечерело. Я решил прервать горькие раздумья и прогуляться, тем более в городе ждала младшая сестрёнка, которой я совершенно не знал что сказать, да и куда идти не знаю, так что для начала решил просто осмотреть окрестности.

От Донни в качестве проводника пользы не было, мышцы после усердных тренировок у него уже отказали, и сейчас мой сосед тихо постанывал лёжа на кровати. Ворота я нашёл и без его помощи и бесстрашно шагнул в незнакомый мир, где в меня сразу врезалась какая-то девушка. Я легко придержал её одной рукой, не давая упасть, второй рукой поймал какой-то свёрток.

— С-с-спасибо.

Надо же, Ходунова, какая неожиданная случайная встреча... Да, ей ведь нужно к аптекарю продавать сегодняшней улов. Или же, как подсказывает верная паранойя, я успел на чём-то погореть и заслужил внимание охранки. Второй вариант выглядит хуже, но в принципе терпимо, главное вести себя естественно. А что в данной ситуации может быть естественнее, чем флирт, девушка то и правда прекрасна.

— Это тебе спасибо, поймать такую красавицу уже само по себе было наградой. Ты тоже в город?

— Д-да. В аптеку... Ничего такого, просто... — девушка покраснела и опустила глаза.

— Ага, я слышал нашего Хренова. И так думаю, пусть лучше дары из леса пойдут на доброе дело, чем просто сгниют. А я вот сестрёнку навестить иду.

— Правда? Значит нам почти по пути, — скромняшка покраснела ещё сильнее. Или она гениальный шпион, или я сегодня особенно неотразим.

— Значит пойдём вместе. — Я деликатно высвободил Ходунову из объятий, и взял её за руку. Во второй руке держал свёрток, чтобы трогательно помочь его донести.

Пара дежурных шуток, несколько неуклюжих комплиментов. Никогда непонимал как, но это всегда срабатывает. Девушка смеётся и рассказывает о себе, пока я выуживаю крупницы информации о работе местной охранки. Главное уметь внимательно слушать, а самому болтать поменьше. С разговорами вообще нужно быть осторожным, тем более я вдруг понял, что не знаю имени девушки. А Сталин наверняка знал, даже если близко не общался, как-никак учились вместе, на этом можно погореть. Нужно усадить Донникова за составление досье на всех общих знакомых, а пока приходится в разговоре избегать имён. Это неудобно, в конце-концов имя человека имеет над ним власть и помогает быстрее установить контакт, втереться в доверие. Но как говорится, чем богаты.

Ходунова и правда разговорилась, бедняжка, наверняка с ней никто не общается из-за дурной репутации осведомителя. Эх, была, не была, рискну копнуть поглубже.

— Сегодня, когда Хренов заговорил про охранку и посмотрел на тебя, ты расстроилась? Ходунова глубоко вздохнула.

— Нет... Хренов вообще-то добрый, вот и сегодня помог, аптекаря посоветовал. И я привыкла. Меня никто не обижает, обычно просто стараются не обращать внимания.

— Значит это правда? И как ты стала тайным советником? Уверен, что это было захватывающее приключение! Хотя это наверняка государственная тайна...

— Нет, государственных тайн мне не доверяют... — пусть тема была неприятной, девушка плотно сидела на крючке неподдельного интереса к её судьбе, чем дольше хранишь

секрет, тем сильнее хочется рассказать его новому другу, который ещё не успел дать поводов для подозрений.

— Мы с братом остались одни, когда родителей убили бомбисты. В клане мы оказались не нужны никому, кроме дядюшки. Он и пристроил брата в охранку. Брат даже обрадовался, сказал что за родителей отомстит. А меня не взяли, дядюшка сказал что маленькая. Но предложили стать агентом, правда я до сих пор не понимаю что это такое. Просто сказали докладывать если произойдёт что-то плохое, но не объяснили что именно...

— А твой брат?

— А его тоже скоро убили.

Вот это я обычно и называю неловким разговором. Думалуже, что девушка сейчас заплачет, но она так же спокойно шла и улыбалась, и это было ещё страшнее. Успела хлебнуть горя, таких разговором не проймёшь. Лучше перевести разговор на другую тему. Даже так узнал немало. Во-первых местная охранка звёзд с неба не хватает, раз их агенты мрут как мухи, во-вторых есть какие-то бомбисты, а значит империя тоже держится на соплях и рухнет в ближайшие десять-двадцать лет, а если не рухнет, будет эпоха перемен, когда даже никому не известный байстрюк может резко подняться. А ещё это значит, что здесь есть бомбы! А значит и огнестрел. Это хорошо, если прижмут, не придётся полагаться на какую-то магию.

— А мы пришли! Спасибо что проводил.

Ходунова так светится, только в глазах видно грустинку, неужели всё дело в прогулке и приятной компании?

— Могу и обратно проводить.

— Нет. Не стоит. Тебе же ещё к сестрёнке надо, девушка повернула голову к одному из соседних зданий и я машинально отметил пункт назначения. Отлично, не придётся расспрашивать прохожих.

— Ладно, увидимся в Академии.

Я слегка приобнял девушку за плечи и повернулся в сторону мрачного сиротского приюта.

Старое здание, у входа хтонического вида облупившиеся статуи, не то львы, не то свиньи с рыбьими хвостами. Дюжий дворник скользнулвзглядом на жетон Академии, признал и молча кивнул. Я вошёл внутрь.

Мерзкое ощущение. Очень душно, пахнет пригоревшей едой и сыростью, окна грязные, на каждом синие занавески, так и нагоняют тоску. Я огляделся в поисках воспитателей, никого нет, это хорошо, и решительно шагнул вперёд, высматривая сестрёнку.

Но искать не пришлось. Из-за угла вырвалась маленькая комета и одним рывком прижалась ко мне в области талии.

— Братик! Ты пришёл!

Получилось волнительно, девчонка растёт настоящей красавицей, светловолосая, личико как у куклы, сердито поджатые губы, голубые глазищи, в которых наворачиваются слёзы, и эти уши. Всегда считал уши самой красивой частью лица, а эти будто светились от проникающих сквозь занавески солнечных лучей.

— Ну же братик, пойдём в комнату, там сейчас никого нет.

Девочка наконец отлипла, неожиданно крепко вцепилась в запястье и потащила в сторону, пока мы не оказались где-то под лестницей. Тут сестрёнка меня отпустила и засунула руку в широченную дверную щель запертого на кривую и ржавую щеколду чулана.

— Что-то не похоже на комнату...

Сестрёнка на миг повернулась, злобно зыркнула глазами и поднесла палец свободной руки к губам. Я понял намёк и замолчал. Спустя несколько секунд сестрёнка наконец нащупала то что искала.

На свет появился кожаный чехол, похожий на папку. Сестрёнка раскрыла её и сунула мне под нос какую-то бумагу.

— Вот. Они согласны взять меня на обучение и забрать отсюда, подальше от этого мерзкого Бериева. Но им нужна предоплата, а я смогу брать контракты только через три года. Братик, помоги. А я... Я никому не расскажу как ты воровал мои трусики!

Что за холм! И почему так громко?! Сталин, твою мать, это же родная сестра! Потрясение оказалось слишком сильным, и чтобы собраться с мыслями я присел на скамью возле чулана. К сожалению сестрёнка истолковала этот жест по-своему.

— Пожалуйста-пожалуйста! Я всё для тебя сделаю, милый, милый братик! Ты самый лучший!

В тот же миг она оказалась у меня на коленях, обхватила за шею, крепко прижала свою щеку к моей, подводя губы прямо к уху...

— Ты не мой брат.

Шёпот стал ледяным, а под ключицей я ощутил холод металла. Пока острие лишь оцарапало кожу, но стоит надавить чуть глубже, и невидимый глазу клинок войдёт прямо в сердце. Краем глаза я наконец разобрал что написано на той чёртовой бумажке. «Раскольникофф. Школа убийц». Похоже сестрёнка не ошиблась в выборе будущей профессии.

* * *

Я осторожно откинулся назад и вбок, вслушиваясь в многообещающий скрип старой лавки, скрип превратился в хруст, ножка подломилась и той секунды пока мелкая бестия потеряла равновесие мне хватило, чтобы вывернуться из объятий и выхватить из тонкой ручонки самодельную заточку. Вот ведь рукодельница, из вязальной спицы смастерила. Сестрёнка готова закричать, а мне паника ни к чему, нужно что-то сделать.

— Подожди. Я не враг. А твой брат до сих пор в этом теле. Где-то очень глубоко.

— Что ты с ним сделал? — голос спокойный, но на лбу бьётся жилка.

— Ничего. Я просто очнулся в этом теле. Но иногда будто слышу его мысли. Он постоянно думал о тебе. Хотел чтобы я тебя защитил. Хотя непохоже что тебя так уж нужно защищать...

— Как именно всё произошло? Что случилось с моим братом.

Я вздохнул и пересказал что случилось в подвале Академии. Даже самому полегчало от того, что наконец смог выговориться. Сестрёнка, всё ещё сидящая на коленях, задумалась.

— Может братика ещё можно вернуть? Нужно забрать кристалл у Огородничего, пока он его не продал.

— Отличная идея. Вот только ты бы подумала, что тогда будет со мной?

Ух какой злобный взгляд.

— Об этом подумаем в другой раз. Главное сейчас сохранить кристалл. Достань его и принеси мне.

— Может ещё и школу убийц оплатить?

— Да, и оплаты школу убийц. А я никому не скажу что ты даймон.

Вот ведь мерзкая шантажистка. И сделать ничего нельзя, не убивать же в конце-концов младшую сестрёнку, я всё-таки не настолько отморозок. Да и внутренний Сталин не простит. И последнее что мне сейчас нужно — это шиза из-за внутренних противоречий.

— Ладно. Я помогу тебе, из уважения к бывшему обитателю этого тела...

— Тогда живи.

Сестрёнка улыбнулась, наконец убрала левую руку с моей талии и демонстративно растегнула рукав. Всё это время там была ещё одна заточенная спица. Вот же зараза! Всегда мечтал о такой младшей сестре...

Я наконец-то встал с поломанной лавки.

— А теперь услуга за услугу. Я здесь недавно, но уже вляпался в какое-то дерьмо. Расскажи что именно твой брат искал в хранилище Академии? Дело ведь не только в деньгах, чтобы оплатить учёбу любимой сестрёнки?

Девочка снова просверлила меня злобным взглядом, но через пару секунд смягчилась.

— Не знаю. Он мне не всё рассказывал. И деньги нам были нужны, чтобы не отдавать меня Бериевым.

Я продолжал пристально смотреть на сестрёнку, всем видом давая понять, что не уйду пока не получу хоть какие-то ответы. Она ещё немного помялась и продолжила:

— Эта ваша Академия, там раньше жил Чернобог Рашимил.

— Рашимил? Это что, местный Чёрный Властелин? И эта шарага была его главной базой?

Сестрёнка помотала головой:

— Нет, Цитадель Рашимила, ну, то что осталось, до сих пор стоит в Зонийских руинах между Окраинами и Гнилоземьем. Здесь было что-то вроде охотничьего домика. Но он очень часто там бывал. А ещё, даймон, постарайся лишний раз не произносить смешные слова из своего мира.

Я пропустил очередную шпильку мимо ушей и продолжил наседать:

— Так что такого ценного в этом охотничьем домике? Артефакты? И их за сотни лет даже не разворовали?

Сестрёнка вздохнула:

— Конечно самые полезные растащили. Зато осталась целая куча проклятых вещей, от которых больше вреда, чем пользы, но нельзя просто так взять и уничтожить. Поэтому просто стали отправлять провинившихся магов охранять эти штуки.

— Отлично. Это не просто волшебная шарага, это ещё и филиал Фонда, удержать, сохранить, обезопасить... Да-да, опять смешные слова из моего мира, не делай такое лицо. А студентов то зачем нагнали? Или тоже проклятые, но так просто не избавиться?

Сестрёнка с усмешкой кивнула:

— Именно так. Сироты, байстрюки, дети опальных...

— Потому и мрут как мухи, а никто не задаёт вопросов, — продолжил я мысль сестрёнки. — Прелестно... Только зачем твоему брату понадобились проклятые артефакты?

— Они всё равно могут сделать намного сильнее. Сейчас настоящих магов очень мало, и многие согласятся принять проклятие ради силы.

— А значит их можно продать, — подвёл я итог. — Спасибо, сестрёнка. И да, понимаю, сейчас я покажу себя не самым лучшим родственником, но как тебя зовут?

— Елизавета. Ивановна. Сталина. — злобно отчеканила сквозь зубы эта милаха.

— Тогда до встречи, Лизавета Ивановна. Я что-нибудь придумаю с кристаллами, артефактами и этим твоим Бериевым...

За окном внезапно заржали кони, раздались малопонятная ругань и бабский визг. Сестрёнка побледнела:

— Вот с него можешь и начать. Бериев приехал... Куда ты идёшь, дурак! Уходи через чёрный ход!

Я аккуратно убрал руки вцепившийся Лизы:

— Не волнуйся. Я разберусь.

Глава шестая. Еще более опасная сестренка

Ругань становилась громче и я ускорил шаг, лучше разобраться на улице, внутри как никак дети. Я вышел через дверь и застал отвратительную сцену. Бедно одетые женщины, судя по всему нянечки, выстроились в ряд и упёрлись взглядом в Землю, под насмешливые взгляды двух громил возле кареты с тройкой лошадей, а какой-то черноволосый пухлик с аккуратно подстриженной бородкой методично хлестал по щекам впавшего в ступор дворника. Заметив меня он прервал экзекуцию.

— А, Сталин! Не стой столбом, давай веди свою сестрёнку. Всё, я решил что она созрела для супружеской жизни у теперь будет жить в нашем поместье. Ты оглох что ли? Пошевеливайся!

Я сделал несколько шагов вперёд:

— Увы, моя сестрёнка совсем не хочет выходить замуж и переезжать в чьё-то поместье. Так что лучше бы вам всем удалиться.

Я подошёл совсем близко, а Бериев вдруг осознал, что инстинктивно шагнул назад, и это привело его в ярость:

— Ты что удумал! Драться хочешь? Один?

— Вы тоже одни.

Первый из громил заслонил хозяина, схватил меня за плечи и попытался ударить коленом не то в пах, не то под дых. К его величайшему сожалению я предвидел атаку и перехватил поднимающееся колено ткнув кулаком чуть выше чашечки, этого хватило чтобы громила, оказавшийся на одной ноге, потерял равновесие, второй удар, уже в подбородок, отправил его на землю.

Второй громила прореагировал быстро, но недостаточно. Как заправский борцуха он попытался пройти в ноги чтобы отправить на землю уже меня, но тело Сталина было таким лёгким и подвижным, что я легко ушёл от захвата и вырубил противника мощным ударом в затылок.

— Вот и всё, теперь и ты один.

Бериев попытался сделать какие-то пассы руками, но я схватил его за горло и отвесил оплеуху, от которой он удержался на ногах лишь благодаря моей поддержке. Попытался снова взмахнуть руками и снова получил оплеуху, а вместо ругательств из его горла шёл только хрип. Ха-ха, и каково это, оказаться на месте несчастного дворника?

Пока я проводил показательную порку, к приюту подъехала вторая карета. А вот и подкрепление. Бериев, не брыкайся, сейчас поработаешь живым щитом, комплекция для этого у тебя идеальная.

Дверь кареты отворилась, но вместо отряда головорезов показалась девушка в длинном чёрном платье с меховым воротником. Я невольно залюбовался восточной красавицей. Высокая, стройная, правильные черты лица и густые чёрные волосы, но главное, всё в её облике работало на то, чтобы подчеркнуть естественную красоту, и одежда, и причёска, и украшения, даже манера держаться. Опасного противника легко можно узнать по состоянию оружия, а главное оружие красавицы выглядело идеально.

Она с интересом наблюдала как я продолжаю душить свирепо пучащего глаза Бериева и наконец высказалась.

— Прошу простить мою бестактность, но не соизволят благородные мужи прервать

свою беседу и уделить внимание слабой женщине?

Бериев к этому моменту уже почти обмяк, так что я отпустил хватку. Посрамленный отшатнулся как от чумы и возопил:

— Наташа! Почему ты просто смотришь? Это враг рода Бериевых!

— Не Наташа, а Наталья Магомедовна, моё родство с Великим Ханом-Калифом Лаврием ближе твоего, не забывай об этом, братец. И пока что я вижу как младший сын нашего славного рода прогневил достойного человека, который может стать нашим другом и союзником.

— Он не друг! Он предатель! Помешал забрать Елизавету, которая моя по договору!

Улыбка девушки всё больше напоминала волчий оскал, одновременно подчёркивая что, зубы у леди идеально ровные и белые:

— О, братец, так ты ничего не знаешь? Неудивительно. Тебя ведь до сих пор не пускают за стол старейшин. — Бериев побагровел от этой опдковки, а может и от того, что я до сих пор сжимал его глотку, хоть и ослабил хватку.

Неожиданная союзница смотрела на муки братца с умилением и медленно, наслаждаясь растягиванием каждого звука, продолжала:

— Ведь благородный Дмитрий Сталин уже помолвлен с дочерью клана Бериевых! Но при всё уважении к Сталиным, два брака с одним малым родом могут ослабить наши позиции, поэтому твой договор с сегодняшнего дня разорван. Но не волнуйся, ты получишь компенсацию. Мой папенька готов отдать тебе любую овечку из личной отары, какую сам выберешь. Поспеши!

— Твой папенька? Почему? Неужели...

— Да, братец, с сегодняшнего я помолвлена с Дмитрием Сталиным.

Чтооооо? Нет, девушка конечно прекрасна и судя по всему выгодная партия, но всё происходит как-то слишком быстро. Никогда не стремился к долгим отношениям, с моей то жизнью, но вдруг наступает тот самый романтический момент семейное счастье само находит сурового одиночку, идёт по следу, загоняет в угол и припирает к стенке.

Бериев опешил и замотал головой:

— Нет! Этого не может быть. — Пожалуй, сейчас я был полностью солидарен с недавним врагом, даже душить без пяти минут родственника перестал. — О такой помолвке сказали бы всем, не только за столом старейшин!

— Как, разве ты так плохо помнишь? А может недостаточно внимательно слушаешь старейшин? — Бериев просто затрясся от такого обвинения, от былой спеси не осталось ни малейшего следа. Наталья выдержала эффектную паузу, но наконец смилостивилась. — Когда мне исполнилось девятнадцать, сам Старший сказал:

«Наташа, ты умнейшая и хитрейшая из дочерей рода, дарую тебе милость самой выбрать себе мужа и одобрю помолвку с любым твоим избранником, ведь ты всё равно извернёшься так, чтобы получить желанное, и сами горы не смогут тебе помешать».

Последнюю фразу умнейшая из клана Бериевых произнесла глухим басом с ярким акцентом, перед глазами так и предстал престарелый аксакал, я с трудом сдерживал смех от внезапной пародии из уст прирождённой актрисы.

А вот Бериеву младшему было не до смеха. Полностью раздавленный он попытался растолкать своих головорезов, в итоге один пришёл в себя, второго так без сознания и затащили в карету, на которой поспешно скрылись. Бериева жестом поманила меня к себе, но поскольку я всё ещё пребывал в раздумьях, позвала голосом, на этот раз своим, без

пародий:

— Ну же, суженый, не робей, сядь в карету и поговори с будущей женой.

Я принял приглашение, соблазнительное и сомнительное одновременно.

— Начнём с главного, то что ты говорила про помолвку — это...

— Чистейшая правда, мой дорогой, — Бериева обворожительно улыбнулась. — Но не спеши терять голову от столь неожиданного счастья. Это лишь помолвка, которую можно расторгнуть, если того потребуют интересы рода. Пока что помолвка означает лишь то, что никто из нас не сможет вступить в брак с кем-то другим, пока помолвка не будет расторгнута.

Ладно, такое положение дел меня устраивало. Судя по хорошо подвешенному языку и деловой хватке, Бериева вместо замужества собирается строить карьеру, а значит угрожать моей свободе не станет.

— Хорошо, но к чему был этот спектакль. Только пожалуйста не надо начинать про любовь с первого взгляда, это слишком очевидно.

Бериева издевательски хихикнула:

— Ах. Дорогой, ты разбиваешь мне сердце. Теперь ты просто обязан сделать что-то приятное чтобы вернуть своей возлюбленной душевный покой.

Сразу к делу? Мне нравится такой подход.

— Понимаю. И что же способно вернуть душевный покой моей «возлюбленной»?

— Лишь слава рода вернёт покой его дочери. Видишь ли, когда то Бериевы служили Рашимилу, но в нужный момент Великий Хан-Калиф Лаврий перешёл на нужную сторону, и теперь мы занимаем высочайшее положение при дворе Императора.

Бериева в очередной раз обворожительно улыбнулась:

— Но с каждым годом положение нашего клана становится всё более шатким. Столбовые бояре не хотят считать горский клан равными себе, а байстрюки обвиняют нас во всех грехах. Справедливости ради, дураки вроде моего братца делают всё, чтобы эти обвинения имели под собой основания. А старейшины ничего не делают чтобы исправить ситуацию. Иногда мне даже кажется... — княжна наклонилась к моему уху, едва не касаясь губами и прошептала — ... кажется будто старейшины такие же дураки, хоть бороды у них и седые.

Она рассмеялась, будто сказала какую-то романтическую глупость. Хотя глаза были серьезнее некуда.

— К сожалению чтобы исправить положение и вернуть клану былую славу нужно быть старейшиной, а у меня, увы, вряд ли вырастет борода. А даже если и случится такое чудо — вряд ли княжну будут принимать всерьёз. И поэтому мне нужен ты.

— Понимаю, — я кивнул ещё многозначительнее. — Ты ищешь сильного мужа, который решит все проблемы, и твои, и клана. И вот ты встретила меня. Жаль огорчать, но у меня есть свои дела...

Бериева снова звонко рассмеялась:

— А ты решительный! Не из тех кто подолгу тянет барашка за рога, это мне в тебе и понравилось. Но нет, ты слишком торопишь события. Для начала я попрошу тебя о небольшой услуге, в благодарность за то, что избавила твою сестрёнку от ужасной участи провести остаток дней с ослом в человеческом обличье. После того как ты справишься с заданием мы поговорим о том, чтобы освободить тебя от обязательств связанных с помолвкой. Или же, — Бериева демонстративно облизала губы, — о том чтобы и дальше

укреплять наш союз.

Как бы заманчиво не выглядела перспектива, всё в облике княжн излучало смертельную опасность. Её задание точно не будет лёгкой прогулкой.

— Расскажи подробнее что за услугу ты хочешь. На случай если она противоречит моим собственным целям.

— О нет, нисколько не противоречит. Я слышала что ты интересуешься хранилищем Академии и при этом до сих пор жив. В этом хранилище есть одна вещь, и я хочу чтобы её там не было.

— Что за вещь?

— Всего лишь письмо. То самое, что мой далёкий предок должен был принести Рашимилу, но вместо этого перешёл на сторону Императора. Сам факт существования этого письма компрометирует нашу репутацию.

— Хочешь чтобы я принёс его тебе или уничтожил?

— Ни то, ни другое. Мне оно без надобности, столь ценную добычу наверняка захочет забрать кто-то из старейшин, а я, хрупкая дева, не смогу этому помешать. Но уничтожить... Вряд ли это возможно. Иначе моё давний предок сам бы сжёг письмо, избавив всех нас от будущих проблем. Хоть это на вид простое письмо, оно неразруσιμο, по крайней мере до того, как его прочитает тот, кому оно было отправлено, а с этим возникают очевидные проблемы. Письмо можно только спрятать. Там, где его не найдёт ни одна живая душа. Ты сделаешь это ради меня, милый?

Я вздохнул:

— Возможно. Если оно попадётся под руку.

— О большем и не смею просить! И да, не беспокойся об отступных моему братцу, я всё улажу. А теперь, раз мы закончили...

Я подошёл ближе и положил руку на бедро княжне:

— Разве мы уже закончили?

— Ты снова забегаешь вперёд, милый. — Голос Бериевой был спокоен, но появившийся на щеках румянец выдавал истинные чувства.

Однако рука Бериевой многозначительно опустилась на рукоять кинжала.

— Нежели ты готова зарезать того, с кем только что объявила помолвку?

— Нет, милый. Этот кинжал нужен чтобы покончить с собой и так избежать бесчестья.

Весомый аргумент. Я убрал шаловливую руку:

— Не прими за оскорбление. Попытка не пытка, так ведь?

Бериева всё так же невозмутимо улыбнулась:

— Ты говоришь совсем как Великий Лаврий. Принеси письмо, и я подарю этот кинжал тебе...

— Ловлю на слове.

Я приобнял княжну, удерживая её в руках на секунду дольше, чем позволяли приличия, и покинул будуар. Сцена разыграна на отлично. Пусть думает, что свела меня с ума своей красотой. Свести с ума и правда есть чем, но к счастью я повидал достаточно, чтобы сохранять ясность мысли даже в таких ситуациях. Очевидно, с этим письмом не всё так просто, и очевидно меня хотят использовать в каких-то интригах. Но с другой стороны, я действительно могу прихватить это послание по пути, а когда оно окажется в руках, можно узнать какой именно компромат так пугает древний род, и переиграть ситуацию в свою пользу.

— Подожди!

Я остановился:

— Дорогая, хочешь подарить мне прощальный поцелуй?

— Не сейчас, дорогой. Лишь хочу предупредить, на ярмарке вновь взбунтовалась чернь, а доблестные опричники хоть и преданы Императору, часто в рвении своём крушат всех, кто попался под горячую руку. Так что ради нашей любви, избегай опасных мест пока будешь возвращаться в Академию.

Глава седьмая. Гойда!

Я машинально кивнул и подождал пока карета отъедет. Избегать опасных мест... знать бы ещё где эти самые места... За время нашего разговора мы заехали в незнакомую часть города. Ладно, где Север а где Юг помню, доберёмся, не в первый раз.

Более-менее сориентировавшись я двинулся в сторону Академии прямо по главной улице. Спустя несколько минут чутьё стало подсказывать, что направление не самое удачное. Где-то поблизости тоскливо завывали собаки. В двух-трёхэтажных домах захлопывались ставни, женщины и дети куда-то пропали, зато на каждом шагу собирались группы угрюмых мужиков с обречёнными лицами. В руках они держали ножи, топоры и вилы, а седой бородач с красным лицом и остекленевшим взглядом яростно играл на балалайке. Хорошо играл, талантище, даже не замечал, что пальцы порезаны струнами в кровь, и крохотные красные капли разлетались до середины улицы.

Меня провожали недобрыми взглядами, но нападать не спешили, душевный всё-таки здесь народ, понимающий. Ещё через несколько минут донеслись грохот и крики, среди воплей боли и ужаса отчётливо доносилось раскатистое «Гойда! Гойда!».

Всё-таки обойти опасное место не удалось, и прямо сейчас я окажусь в центре разгона демонстрации. Ладно, что поделать. Бежать бессмысленно, только привлеку ненужное внимание. Лучше отойду в сторонку, заодно посмотрю на местных опричников.

Я зашёл в небольшой дворик, укрытый высоким забором встал возле сарая с дровами и занял наблюдательную позицию прямо на поленнице, так я мог заглядывать за забор оставаясь незаметным. Увиденное не разочаровало. Я даже завис в ступоре. Сначала мимо просто пробежала толпа перепуганных людей, орущих чо-то нечленораздельное, по крайней мере я разобрал только слово «опричники». Ничего особенного, нормальный такой мирный пейзаж, сто раз видел.

И тут показалось НЕЧТО. Не то гусеница, не то многоножка, слепленная из множества человекоподобных существ в синих мундирах, ощерившаяся с обеих сторон кривыми саблями преследовала убегающих, извиваясь по стремительно пустеющей улицы.

«ГОЙДА!!!», громогласно проревела опричная гусеница и молнией ударила в кучку людей, разрезая тела на куски множеством лезвий. И всё же первая атака оказалась не такой разрушительной, убегающие рассыпались в овсе стороны, кто-то вжался в стены, а те, что поумнее, кинулись во дворы. В том числе и в мой. Так, позиция стремительно перестаёт быть безопасной. Монструозная гусеница на миг замешкалась, длинное тело даже смялось, как брошенная ленточка, но затем резко распрямилась и замерла, продолжая завывать громогласное «Гойда!». От гусеницы стали расходиться синеватые всполохи, а из под утопанной земли стали прорастать берёзовые колья, пронизывающие несчастных, которые не успели убежать достаточно далеко. Воздух наполнился запахом стружки и крови, всюду, куда хватало глаз, болтались на кольях изуродованные тела, а новые колья всё выскакивали в совершенно хаотичном порядке.

Вот жешь холм огромный, навестил сестрёнку называется!

Так, без суеты, нужно выждать пока атака не закончится. В конце-концов хоть и выглядит зловеще, но по факту эта штука не страшнее миномётного обстрела. Как только гусеница выйдет из транса, можно будет покинуть укрытие и тихо уходить. Всё равно я не могу умереть.

Внимание привлекала ловкая фигура, которая уже секунд тридцать уворачивалась от магических атак гусеницы, когда смотришь на такое мастерство, поневоле начинаешь болеть и переживать.

Увы, боевой танец продолжался недолго, очередная порция кольев выросла прямо перед ногами ловкача, но вместо того чтобы пронзить с силой подбросила в воздух. Интересно, так это был маг? От этой хреновины можно защититься? Хотя бедолаге всё равно крепко досталось, и теперь он летел прямо на меня окончательно демаскируя позицию. Отчаянным рывком я поймал тело, мимоходом отметив что весит оно совсем немного и одним рывком переместился от сарая, который спустя миг разлетелся в щепки, за уличный сортир. Так себе укрытие, и лучше не оставаться рядом, когда из под, кхм, «земли», ползут новые колья, но выбирать не приходится. Спасённое тело зашевелилось, с головы спал капюшон, обнажив роскошные рыжие волосы. Ещё одна девица-красавица, сегодня они на меня так и сыпятся. Нет, с личным счастьем явный перебор.

— Жива?

Девица бледная как смерть, пусть она пока шевелится, но лучше уточнить, вдруг это ненадолго, а я успею привязаться.

— Помоги...

Говорить ей явно трудно, но её рука тычет мне в грудь чем-то твёрдым. Я машинально отобрал непонятную хреновину. Похожа на кристалл, размером с кулак, нот сверху в него вбит металлический колышек, к которому приделано такое знакомое колечко. Граната?! Пусть не винтовка, но всё равно это праздник какой-то!

Колья наконец перестали расти из земли, но громогласная «гойда!» раздавалась уже под ухом. Передние сегменты гусеницы вошли во двор и, методично извиваясь, приближались к ненадёжному укрытию. Вот теперь самое время валить. Я закинул рыжую девицу себе на плечо и побежал к подворотне ведущей на соседнюю улицу. Гусеница отреагировала быстро, но недостаточно, её голова всё ещё была подворотне, когда я уже оказался снаружи и закинул едва обрётённую гранату за угол...

Не было ни взрыва, ни хлопка, но вот меня проняло, как-то враз вспомнилась прошлая жизнь. Бесчисленный легион мертвецов, некоторых я убил сам, другие просто умерли на моих глазах... По моей вине... Я выжил, а они нет... Это моя вина! Я должен был умереть! Почему я не могу просто умереть!!!

Отчаяние отпустило так же резко, как пришло. Грёбаная граната. Всего лишь светошумовая, ну, то есть местный аналог. Хотя что я ещё ожидал, она же по факту из дамской сумочки. Ещё и на психику действует. В следующий раз десять раз подумаю, прежде чем бахнуть.

Вот только опричникам досталось куда больше. Теперь, когда гусеница развалилась, стало ясно, что это был не монстр из человеческой плоти, а скорее боевое построение, успешно распавшееся на оглушённые боевые единицы. Синие мундиры зашевелились, кто-то стонал, кто-то пытался нащупать сабли, одновременно путаясь в сползших до колен штанах. У бывшей головы, судя по всему командира, вместо сабли была булава в виде метлы с петушиной головой на рукоятке. Такие же головы были золотом вышиты на рукаве мундира каждого опричника.

Ну а что, птица гордая, нечисть криком изгоняющая, самый подходящий символ для людей государевых... Нет, может я конечно что-то не понимаю в местной политике, но хозяева этой человеческой многоножки вряд ли окажутся хорошими парнями.

Но хватит смотреть, командир в сознании, скоро и остальные оправятся, надо уходить. Не спуская с плеч ношу я побежал подальше от места столкновений, а за спиной уже раздавались новые, всё более уверенные крики «Гойда!» и «Сплетаемся в объятьях братских!».

И вот, когда казалось что мы уже почти ушли, из подворотни выскользнул ещё один опричник в синей форменной шапке. В одной только синей форменной шапке.

Видно стоял в хвосте и оправился быстрее всех, чтобы броситься наперерез. А мундир что, по дороге потерял или для скорости скинул?

Опричник перегородил улицу словно ковбой из старых фильмов, только вместо блестящего револьвера или верного винчестера в руке он сжимал собственное достоинство.

— Попался, смутьян! Трепещи, ибо перед тобой сам Арбалетов! Узри же мою мощь!

Я даже не стал снижать скорость, просто отшвырнул извращенца с дороги свободной рукой, от толчка он впечатался в стену и к преследованию совершенно охладел. Я пробежал ещё пару кварталов, убедился что погони нет и наконец снял с плеч спасённую девицу.

— Сама идти сможешь? Жалко если такая красота в подворотне сдохнет.

— Смогу. И учти, у меня уже есть суженый, так что не надо этих пошлостей про красоту.

Прелестно. Ещё одна стерва.

— Я вообще-то рассчитывал на «Спасибо». Что за дрянь ты мне подсунула? До сих пор от мыслей тошнит.

— Гаввах-гренада. На крайний случай. Больше не осталось, даже не проси.

— Не очень то и хотелось, весь этот бардак что, из-за тебя?

Девица как могла приосанилась и с неподдельным пафосом выдала:

— Нет, он из-за того, что империя давно прогнила, а император опасный кровожадный идиот. Но, спасибо, я могла сегодня умереть или, что ещё хуже, попасться к эти тварям живьём.

— Одного спасибо маловато. Мне может понадобится ответная услуга.

Девушка кивнула:

— Справедливо. У меня есть связи с людьми Арладар, если столкнёшься с ними, скажи что Дора тебе обязана. Бывай, студент, дальше я сама.

Бестия поднялась опираясь на стену, предложенную руку она старательно проигнорировала, накинула капюшон и скрылась в ближайшей подворотне.

Не самое тёплое прощание, да и имя Арладар мне ни о чём не говорило, но приятно осознавать, что теперь в этом мире у меня есть не только враги. Только сейчас я почувствовал, насколько смертельно устал, к тому же болели кулаки, всё-таки тело Сталина не привыкло наносить удары такой силы и бегать со спасёнными девицами на плечах. К счастью остаток пути до академии прошёл без приключений.

Глава восьмая. Удача палача

Вернувшись в комнату я до самого отбоя пролежал на койке, игнорируя нетерпеливо шныряющего вокруг Донни и осмысливая происшествия, прервался только ради ужина, который сосед принёс прямо в комнату, удобно.

Интересно, это я такой счастливчик, или у них тут каждый день веселье с погромами, революционерами и гусеницей опричной? Наконец, восстановив силы, я допросил Донни по поводу сегодняшних событий. Ходунова вернулась в Академию до начала беспорядков, хорошо, я за неё немного беспокоился. Интересно, ей просто повезло или охранка предупредила?

О событиях на ярмарке тоже все слышали. Официальная версия — бомбисты что-то опять взорвали, полегла куча простого люда, но героические опричники всех победили. Классический сюжет для новостей. Подозрительного студента вроде бы никто не упоминал, да и видели меня в основном со спины, правда был ещё этот Арбалетов... надеюсь от удара об стенку ему отшибло память. Хотя судя по одежде, на момент нашей встречи он уже был отбитым. В любом случае, с опричниками пока лучше не пересекаться, во избежание.

Новость про взрыв на ярмарке успешно вытесняла светская хроника — оказывается уже все знали, что первая красавица и самая завидная невеста города Наталья Бериева объявила о помолвке, имя счастливчика оставалось в тайне, оно и к лучшему. Быстро, однако, расходятся слухи. Если только Бериева не стала распускать их ещё до нашей встречи, с неё станется.

В общем день вышел очень продуктивным, но расслабляться рано, нужно ещё добыть проклятый кристалл, срочная миссия, и нет ни малейшей зацепки как это сделать. А значит хватит прохлаждаться, нужно добывать информацию.

— Донни, собирайся, идём в разведку.

Конечно лучше бы сделать всё одному, но лучше если с тобой кто-то, кто знает устройство местных коридоров, не придётся плутать наугад. Перед выходом я снял свой жетон и спрятал под подушкой, вот так, для незримых наблюдателей я отсыпаюсь после трудного дня. Дверь на лестничную клетку заблокирована, но похоже здесь либо не привыкли к взломщикам либо всем наплевать на ночные визиты в чужие спальни. Замок конечно магический, а вот стёкла в дверях самые обыкновенные.

Я аккуратно отогнул деревянные штапики, вынул стекло, просунул руку и открыл дверь с противоположной стороны. Вот и всё, можно гулять свободно, все двери построены так, чтобы с нужной стороны открываться без ключа. Чтобы не выпускать студентов, но любой проверяющий мог при необходимости нанести ночной визит. Сейчас это нам на руку, перед выходом я забрал и жетон Донни и спрятал его под ковром в коридоре, всё-таки меньше подозрений.

Время от времени уточняя маршрут у компаньона, я добрался до преподавательского крыла. В спальню без ключа не проникнуть, но можно дождаться кого-нибудь в общей комнате и... честно говоря ещё не решил что дальше, но проследить не помешает.

Общая комната мне сразу понравилась. Толстые ковры на полу, которые так хорошо заглушают звук шагов или падающего тела, тусклый свет камина, который оставляет так много укромных теней, монументальные кресла и уходящие под потолок книжные шкафы, много мест где можно спрятаться. Решено, посидим здесь, наслаждаясь обстановкой. Я

воспользовался помощью Донни чтобы легко забраться на книжный шкаф, и следом затянул наверх сподвижника. Хорошее место, зал как на ладони, а если сесть спиной к стене, тебя вообще не видно. Пыльно правда, местные уборщики явно халтурят (кстати, до сих пор не видел уборщиков), но это мелочи.

Осталось только ждать, не думаю, что до утра, прошлый опыт подсказывает, все тёмные дела вершатся чуть позже отбоя, и заканчиваются обычно к двум часам ночи.

Так и вышло, примерно спустя полчаса в зал вошли три сжавшихся фигуры. Ба, Малафеев собственной персоной, и с ним два крупных студента, похоже он уже боится ходить один, это хорошо. Неловко переминаясь, Малафеев, пока его друзья стояли истуканами, решил было устроиться в преподавательском кресле, но явно слишком громкий скрип деревянных половиц заставил его вздрогнуть, подскочить и вытянуться по струнке. В зал вошёл Огородничий собственной персоной.

Архимаг прошёл мимо студентов словно тех не существует, вальяжно откинулся в кресле напротив камина, слегка вытянул ноги, и только тогда соизволил обратить внимание на гостей.

— Малафеев, подойдите.

Студент быстро выполнил приказ.

— Вот, передайте отцу.

Архимаг протянул в трясущиеся руки студента кожаный мешочек, а я почувствовал как кровь приливает к лицу. Внутренний Сталин пришёл в бешенство. Вот оно, в мешочке кристалл! Так просто, нужно только отобрать у этих трёх придурков. Но сначала дослушать разговор, связываться с архимагом ещё рано.

— В чём дело, Малафеев, у вас какие-то вопросы?

И правда, студент получив мешочек не спешил уходить, а смотрел а мага умоляюще-ждушим взглядом.

— Да... Сегодня в столовой... вы возможно не слышали, но этот Сталин оскорбил мой род, а Снегов заступился за него и не позволил мне разобраться с мерзавцем...

— Малафеев! — голос архимага стал зловещим. — То, что я знаком с вашим отцом не даёт вам права докучать мне своими детскими обидами. Что до Снегова, это мудрый человек, которого я уважаю, и не собираюсь слушать как его оговаривает какой-то недоросль. Убирайтесь отсюда.

Студенты выпорхнули из зала как по волшебству. Самое время броситься в погоню, но Огородничий, сука такая, решил выкурить трубку у камина. Один я бы может рискнул тихо спрыгнуть со шкафа и незаметно уйти, но со мной этот увалень, который явно не мастер скрытности. Пришлось ждать пока архимаг накурится и вернётся в личные покои. Малафеев с дружками получили фору. Если они сразу вернуться в комнату, придётся отложить перехват до завтра, а значит упустить инициативу. Однако я чувствовал кристалл, похоже внутренний Сталин сейчас выкладывался на полную, так что поманив Донни за собой, я поддался интуиции.

Это оказалось правильным решением. Я услышал голоса, причём сплошь знакомые, надменный Малафеев, испуганная Маша и задыхающийся от гнева Кабан. Мы подошли поближе пока оставаясь незамеченными.

— Что я вижу! — Малафеев торжествовал, явно отыгрываясь за все последние унижения. — Прогулки в ночное время без разрешения преподавателей. Тебе придётся хорошенько ублажить нас, всех троих, — на этой фразе спутники Малафеева издали

возбужденные звуки, похожие на хрюканье, — чтобы мы не доложили преподавателям. За такое нарушение могут и отчислить.

— Я ещё раз объясняю, — Кабан задыхался от подавленной ярости, — один из наших вывихнул плечо, оно воспалилось и Маша пришла чтобы его подлечить, до утра ждать было нельзя, утром стало бы намного хуже.

— Ты всё ещё здесь, байстрюк? Или ты просто хочешь посмотреть? Может я и разрешу тебе, если хорошо попросишь. А пока заткнись, а ты дрянь, — Малафеев повернулся к покрасневшей Маше, — живо раздевайся. Раньше начнём, раньше закончим.

— Ах ты ж гад! — Кабан рванул с места и бросился на врага, намереваясь размазать его своей внушительной тушей, но его ноги спутало что-то вроде эфирных щупалец, и здоровяк рухнул на пол, один из прихвостней Малафеева подошёл и начал бить парня ногами. Второго я тем временем аккуратным ударом по затылку отправил на пол. Минус один.

— Что за... Опять ты?!

Малафеев заметил как у него поубавилось сторонников и похоже начал осознавать, что потерял численное превосходство.

Донни, явно намереваясь оправдаться за утреннее бездействие, бросился на второго холуя, и сцепился в борьбе. Недолгой, потому что всё ещё стреноженный Кабан тоже принял деятельное участие и вцепился обидчику в ноги, вдвоем с Донни они повалили его и начали охаживать кулаками.

Я тем временем разбирался с виновником торжества. Хотя разбирался громко сказано. Заговорить то Малафеев успел, а вот сколдовать что-нибудь ещё уже нет, то ли истратил все силы на щупальца, то ли мои быстрые кулаки не давали сконцентрироваться. Серия быстрых ударов в лицо, сокрушающий в открывшийся живот, заход за спину и удар по почкам, и вот последний из врагов лежит на полу. Ещё и обмочился, тоже мне аристо. Хотя как говорится, хороший удар по почкам заменяет пять литров пива.

Закончив с Малафеевым, который потерял всякую волю и лишь тихонько скулил что-то про «отец отомстит» я проверил пульс холуя, которого вырубил первым. Мёртв. Мои нынешние кулаки хоть и далеки от наковален старого тела, но всё ещё способны крушить черепа, хоть и ценой разбитых костяшек. Боль в кисти усилилась и стала едва выносимой, как бы не перелом. Паршиво. Чувствую драться мне теперь придётся часто, и одной рукой побеждать будет сложнее.

Тем временем освобождённый Кабан и повеселившийся Донни всю торжествовали над своим противником:

— Ага, получили! Будете теперь знать. Это будет вам хорошим уроком. — Рыжий аж светился от счастья, да и Кабан улыбался скромно, но искреннее.

— Да. Это будет очень хорошим уроком. — Я обыскал Малафеева и ловко переправил мешочек с кристаллом к себе в карман. — Маша, ты сможешь сама дойти до комнаты? — девушка коротко кивнула. — Хорошо, позже я тебя навещу.

Маша поняла намёк и выскользнула из коридора.

— Вот и славно. А теперь положите этих двух возле стены. Нет, не так. Положите зубами на приступок. Да, вот так правильно. Эти трое больше никому не причинят вреда. Никогда.

И ударом ноги в основание черепа я казнил Малафеева. Быстрая и практически безболезненная смерть, почти обезглавливание. Пусть формально голова и осталась на плечах, но связь между головным и спинным мозгом разорвана. Затем я посмотрел на

последнего пока живого врага, затем на новых друзей. Кабан, в глазах которого всё ещё полыхал гнев, сразу отозвался на беззвучный зов. Он подошёл к малафеевскому холую и повторил мой удар. Пожалуй даже слишком сильно, голова едва не отлетела.

Донни же побледнел. Не веря глазам он смотрел то на три свежих трупа, то на нас, пока не выдавил:

— Дмитрий... Мы что, злодеи?

Эх, жалко парня, взрослая жизнь настигла тебя раньше, чем ты был готов. Такие чаще всего и погибают в первом бою. Если рядом нет того, кто поддержит и научит.

— Конечно мы злодеи. В их глазах. Только представь, ты король мира, богатый папочка не скупится на подарки, Архимаг приглашает в гости. А ещё все тебя боятся, можно унижать парней и насиловать девушек. Никто и пикнуть не посмеет. И вдруг приходят какие-то байстрюки и всё это забирают. Естественно для них мы злодеи. И лично я собираюсь и дальше быть таким злодеем. А тебе пора решать на чьей ты стороне.

— Я... Я на твоей стороне. — голос стал твёрже.

— Я тоже на твоей стороне. И все мои друзья теперь твои друзья, — вмешался Кабан.

Хорошо, эти двое теперь повязаны со мной кровью. А скоро подо мной будет и вся Академия. Надо только убрать мусор.

— Тогда первое задание. Нужно избавиться от тел. Унесём их в лес.

— Но там же волки...

— Разумеется. Они то нам и помогут, не одному же Хренову зверушек подкармливать... И вообще, волков бояться — от трупов не избавляться. Шустрее!

Я помог товарищам погрузить на плечи трупы потяжелее, Малафеева поднял сам. Чтобы выбраться из здания с грузом пришлось выставлять уже не стекло, а целую раму на втором этаже, к счастью пока получалось не шуметь. До леса добрались без приключений, тела пришлось бросить метрах в ста от опушки, дальше просто не дотащили бы, закапывать тоже некогда, не хватало ещё чтобы кто-то заметил выставленное окно, так что просто присыпали хвоей, волкам не помешает, а люди глядишь и не заметят.

Назад шли быстро и как раз поравнялись с избой, когда скрипнула дверь. Хренов, чтоб его, не спится дорогому наставнику.

Мы залегли в ближайших кустах, когда на крыльцо вышел красномордый, улыбающийся и покачивающийся великан в одном исподнем. Он сладко потянулся, почесался, выпростал из портков достоинство и шумно зажурчал в темноту, в полный голос напевая:

— И нет среди животных у старика врагов! Ведь нравится ему потрахивать волков!

Закончив дело он попытался засунуть хрен обратно в портки, но никак не получалось. Тогда богатырь резким движением сорвал остатки одежды, оставшись в чём мать родила, и с неожиданной для таких размеров прытью помчался сквозь траву в сторону леса, временами спотыкаясь и переходя на четвереньки.

Я с удивлением проводил преподавателя взглядом, машинально подумав, как бы он свой агрегат об камни не отбил. Хотя тут скорее камни в опасности.

Эта песня... Она звучит знакомо, напоминает о родном мире. Откуда он её знает? В принципе ответ лежит на поверхности, если он рассказывает про даймонов, то и сам мог чего-то нахвататься. Или это опять тайный знак? Сделал вид что не заметил, но этой песенкой дал понять, что всё знает. И это не просто пьяные танцы гольшом при Луне, а поиски улики. В любом случае уже нет возможности препятать трупы, придётся оставить всё как есть и придумать резервный план.

Остаток пути проделали в гробовом молчании, забрались в то же окно на втором этаже, я аккуратно поставил раму на место. Молчание нарушил Боровой.

— Я пойду в комнату Кстати, друзья называют меня Кабан, ты тоже так зови.

— Договорились. Никогда бы не подумал, что у тебя прозвище Кабан.

— Ой, не издевайся.

Мы рассмеялись, испытывая облегчение, как никак только что решили серьёзную проблему.

— Донни, ты тоже иди. Я проверю как там Маша.

После всех приключений найти нужную комнату было совсем простой задачей. Я на миг остановился перед дверью. Что если она живёт не одна? Но ведь ещё утром приглашала, так что я постучал, дверь открылась сразу, будто девушка давно стояла у порога. Выглядит немного нервной, но в руках себя держит и рыдать не собирается, уже хорошо.

— Ты пришёл. Спасибо за то что спас от этого негодяя. Во второй раз за день...

— Больше спасать не придётся. Если вдруг появится ещё какой-то подлец, просто говори, что ему придётся иметь дело со мной.

Маша кивнула, а всё её тело сразу расслабилось, девушке явно полегчало.

— Ты говорила что можешь подлечить. Кажется я отбил руку об пустые головы.

— Да, я чувствую, сейчас всё исправим. Сядь пока на кровать.

Я сел, наблюдая как девушка суетится. Она достала из шкафчика несколько склянок, смешала в стакане... и выпила сама.

Закончив с алхимией девушка села рядом и взяла меня за руку.

— Расслабься... сейчас боль уйдёт. Девушка будто впала в транс, слегка покачиваясь, а от её рук исходило тепло, разливающееся по всему телу. Пульсирующая боль отступила, я попробовал пошевелить пальцами, кисть работала идеально.

— С рукой всё. Давай посмотрим где ещё болит.

Маша села мне на колени так, что мы соприкоснулись лбами, а руки аккуратно прошли по спине.

— Как странно... Столько боли... Будто всё тело сплошная рана... Бедненький...

Она прижалась ко мне ещё сильнее, а я наконец тоже расслабился, поддаваясь волнам тепла, согревающим тело изнутри. Прошла четверть часа, а Маша всё не отлипала, я даже подумал что целительница ненароком уснула, но нет, её губы шевелились, шепча какие-то заклинания. Я посмотрел в настенное зеркало и едва не вздрогнул. Пусть в отражении можно было нормально разглядеть только один бок, даже так бросалось в глаза, что бицепс, трапеция и шея заметно набухли. Вот это я понимаю магия! Должно быть неведомая сила почувствовала разницу между сознанием и телом, распознала разницу в мышечной массе как травму и стала восстанавливать мышцы с невероятной скоростью!

— Маша, посмотри, кажется местами я стал больше!

Девушка покраснела и хихикнула:

— Какой же ты нахальный! — голос вдруг стал томным. — Думаешь я сама не заметила?

Нежная рука опустилась на моего дружка, который и впрямь напрягся так, словно тоже старался дорасти до размеров как минимум руки. Дальнейший сеанс лечения продолжился в горизонтальном положении и длился до самого рассвета.

Интерлюдия. Герои и Злодеи

— Я не понимаю, почему мы до сих пор не начинаем. Мне скучно, — капризничала Горелова.

— Мы ждём пока подойдёт Хренов. — Огородничий процедил фразу сквозь зубы, едва сдерживая гнев.

За тот год, что я здесь проработал, успел убедиться, что архимаг не то презирает, не то вожделеет магичку, скорее всего и то, и другое, вопрос лишь в каких пропорциях смешаны два этих яда?

— Я до сих пор не понимаю, что среди нас делает это животное? Его единственное достоинство тот огромный отросток, что выпирает из штанов. Неужели в нынешней Империи этого достаточно чтобы занять место в Академии? В то время когда сотни достойных магичек мечтают о подобном месте, мы терпим этого безответственного мужлана! С огромным...

— Будьте снисходительны барыня, — голос Огородничего сочился елеем, и это лучше всего выдавало насколько он взбешён. — На рассвете Хренов получил от меня срочное поручение, прямо связанное с нашим... происшествием.

Да уж, Горелова, с её непримиримой ненавистью ко всему мужскому роду, и Хренов, мужские черты которого столь явно выпирают — воистину горячая смесь. Не удивлюсь, если Огородничий будет до последнего удерживать его в Академии только чтобы позлить нашу горячую девицу. Ну и ради божественных эликсиров, само собой.

За дверью раздались тяжёлые шаги и в проёме возник знакомый силуэт. В руке он сжимал увесистый мешок, из горловины которого торчали ученические сапоги. Пять штук.

— Хренов, вы опять опоздали.

Ха, Огородничий похоже забыл, что Хренов отсутствовал по его поручению, настолько он раздражён. Но Хренов не обиделся и продолжал ухмыляться.

— Да ладно вам, всё равно первые полчаса Горелова как обычно мой хрен обсуждала.

— Да как ты смеешь!!!

— Извиняйте боярыня, не для вас дубок вырос. Разве что выпить... Да нет, не выпью я столько.

— Прошу вас, сослуживцы. Уважайте друг друга и тратьте время на бесполезные ссоры. — Вот теперь в голосе архимага проснулось железо, а значит он вернул самообладание. — Тем более что дело, по которому мы собрались, жизненно важно как для нас, так и для нашей многоуважаемой Академии!

Горелова заткнулась, Хренов продолжал ухмыляться, но тоже молчал. Архимаг продолжил:

— Сегодняшним утром мы не досчитались троих студентов. Мой волшебный глаз указал, что ночью они выставили окно на втором этаже и ушли в сторону леса, где след и пропал. Я отправил многоуважаемого Бирюка Горыныча поискать недорослей. Судя по всему, они в этом мешке?

— Ну, то что осталось, остальное разве что у волков из задниц выковыривать. А ведь говорил бестолочам, что ночью от леса нужно подальше держаться.

— Ты же сам их в лес отправляешь, недоумок! — вспыхнула Горелова.

— Не надо грязи, боярыня. С моих занятий ещё ни один школяр ни разу не пропал.

Прозвучало многозначительно.

— Прошу вас, не надо новых ссор. Бирюк Горыныч, благодарю вас за помощь, нам бы пришлось тратить на поиски целый день. Но благодаря вашей помощи можем с чистым сердцем написать несчастным родителям, что чада их нарушили правила Академии, самовольно ушли в Лес Зачарованный да там и сгинули в клыках тварей хищных. За сим задерживать вас не смею.

— Ну, тогда бывайте, сослуживцы.

На прощание Хренов будто случайно покачал своим достоинством, от чего у Гореловой едва не пошла пена изо рта, но всё же магичка сдержалась.

Едва исполинская фигура скрылась за дверью, архимаг помрачнел пуще прежнего.

— А теперь по делу. Версию для непосвящённых вы услышали, но есть нюансы. Во-первых, при Малафееве был крайне ценный предмет. Да, тот самый. И что-то подсказывает, что ни в мешке, ни, как метко выразился наш великан, в задницах у волков его нет. Во-вторых, выставленное окно, через которые вышли недоросли, вернулось на место, и без всякой магии. В Академии бродит убийца и вор, а у нас серьёзные неприятности. К великому сожалению, за пропавшую драгоценность уже была получена предоплата, и мне придётся приложить значительные усилия, дабы устранить последствия этого конфуза. Не говоря уже о том, что покупателем был отец почившего Малафеева.

— Я всегда говорила, что среди нынешних школяров слишком много всякого отребья. Желаете чтобы я усилила охранные чары на стенах и ограде?

— Да, благодарю вас. Пока что этого достаточно. Можете быть свободны.

Надо же, легко обошлось, пусть я сидел всё собрание словно безмолвная мебель, меня это полностью устраивает...

— А вас, Снегов, я попрошу остаться.

Вот и неприятности. Не нравится мне этот архимаг, и всё же я искренне пытался не портить с ним отношения.

— Разумеется.

Горелова просидела на месте чуть дольше, чем требовали приличия, должно быть проклиная про себя мужланов, что вершат какие-то тёмные дела в тайне от неё, но всё же на конфликт не пошла и убралась прочь.

А голос архимага прозвучал настолько доверительно, что я серьёзно напрягся:

— Семён Гнидович, не сочтите за оскорбление, дабы уберечь вашу репутацию я и решил поговорить наедине. Перед смертью я встретился с Малафеевым, и между делом тот упомянул, что на него пытался напасть Сталин. И вы, став свидетелем стычки, встали на его сторону.

Трое студентов несомненно убиты, и в деле замешан ваш голем. Я вынужден принять меры.

К концу фразы Архимаг чеканил каждое слово спокойным, но не допускающим неповиновения голосом.

— Подождите! Я знаю, Вы мне не доверяете! И для этого есть причины. Но в этом деле совершенно не при чём! Разумеется, вы вольны повесить на меня всех собак, но это не поможет найти истинного виновника.

Архимаг горько вздохнул.

— Снегов, я и правда хочу вам верить. Вы умный человек и умеете вести дела. Но слишком многое складывается против вас. Разумеется я не мог не навести справки и мастера

алхимии, что пришёл из ниоткуда и собирается на меня работать. Легенда о пытливом изобретателе, что интересуется проклятыми артефактами, была действительно хороша, но невозможно скрыть вашу связь с охранкой.

— Вот именно! Я работал на охранку и всегда был предан Империи!

— Ключевое слово здесь «работал». Вас изгнали, значит было за что, но не казнили, значит рассчитывали получить от вас какую-то пользу. Я копнул немного больше чем следовало. Вы были мастером над отравителями, создавали совершенные яды, способные гарантированно убить конкретного человека не оставив никаких следов. Годы безукоризненной службы, величайшая компетентность, и вдруг стремительное падение. С приземлением в нашем, простите мою грубость, отстойнике. Слишком много странностей, на которые я закрывал глаза, пока они не продолжились в Академии.

А вот теперь дело плохо. Мне нужно это место и, хотя подсидеть архимага было бы неплохим решением, я к этому не стремился, избегая лишних хлопот. Но теперь он меня подозревает, а значит я уже не смогу просто его отравить. Что делать? Похоже придётся пойти на крайнюю меру. Рассказать правду. Я закрыл лицо руками, сделал несколько глубоких вдохов, и лишь вернув совершенное спокойствие вновь поднял голову.

— Больше нет смысла скрывать. Я всегда был предан Империи и Императору. И виновен лишь в собственной ошибке. Император лично желал смерти одного смутьяна из боярских детей, причём смерть должна была стать хоть и внезапной, но совершенно не подозрительной. Я подготовил отраву, о как она была хороша, настоящий шедевр. И шедевр не сработал. Боярин выжил, да ещё и заболел так, что каждой собаке стало ясно, его пытались отравить. Но так же быстро этот мятежник оправился и до того как была объявлена опала, успел скрыться. А я попал под подозрение. Будто спас мятежника не то корысти ради, не то ради личных амбиций.

— А вы значит были невиновны в этих пороках?

— Нет, если я и был виновен, то лишь в непредусмотрительности. Боярин по всем расчётам должен был умереть. Я предусмотрел всё, что возможно, но не смог догадаться, что он окажется даймоном, который при перерождении получил иммунитет к ядам, должно быть имел дело с ними ещё в прошлой жизни. Я должен был предвидеть, и хоть не виню охранку за то, что меня изгнали, но поклялся, что больше не допущу подобной ошибки и буду учитывать самые невероятные теории. И если вы доверитесь мне, я поделюсь фанатическими соображениями с вами.

— Хорошо, можете считать что вы меня заинтересовали. В этом деле тоже замешан даймон?

— Этот вариант никогда нельзя сбрасывать со счетов, уж мне это известно лучше прочих. Но здесь может скрываться кое-что похуже. Сознание голема надёжно защищено от обычных воздействий, но как и в случае с тем чёртовым мятежником, я не мог предусмотреть использование запретных искусств. Существует магия, которая во много схожа с созданием голема.

— Так... Значит среди нас есть адепт тёмных искусств виновный в происшествии. И кто это? Горелова? А может Хренов, хотя всем известно что его магические силы дотла выжжены в сотнях дуэлей? А может, — брови Архимага нахмурились, — Вы подозреваете меня?

— Нет... Вас я проверил в первую очередь. Истина в том, что опытный Ведун не попался бы так глупо. Но если это юный талант, всё становится на свои места. Донников...

— Этот рыжий недотёпа?

— Да, именно этот недотёпа. Его способностей богатыря едва-едва хватает чтобы удержаться в нашей, прямо скажем, не самой престижной академии. Другими талантами он также обделён... Так мы должны были считать. Но что если богатырь лишь завеса, скрывающая родовую предрасположенность к чернокнижию? Род Донниковых настолько древний, что связан с самими Рюриковичами. А значит наверняка хранит некие тайные знания, пришедшие с тех тёмных времён, когда в землях скальдов бушевала бесконечная зима, и мёртвые вставали из могил. Постигая искусство создания ядов, я ознакомился с практиками создания, о, это невозможное сочетание слов, живых мертвецов.

— Не вижу ничего особенного в поднятии пары мертвецов...

— Не просто мертвяков или упырей. Скальды владели таинством создания трэллов, мёртвых слуг, которые создавались из ещё живых людей. Разумеется, любой человек, даже распоследний холоп сможет сопротивляться обращению, поэтому для ритуала требовались долгие пытки с полным подавлением воли, что было совсем неэффективно, так как сводило на нет все ценные качества будущего трэлла, но что если...

— Погоди! — в глазах Архимага загорелся огонёк живого интереса. — Я хочу догадаться сам. Если для создания трэлла нужно живое тело с полностью разрушенной душой, то голем, у которого нет собственной воли, позволяет создать трэлла без особых усилий. С этим может справиться даже студент с небольшими склонностями к запретным искусствам. Если же за дело возьмутся опытные маги... Эти трэллы, насколько они хороши?

— Идеальные слуги. Они сохраняют все знания, полученные при жизни. Способны учиться, но при этом лишены человеческих слабостей, а главное — не способны предать хозяина. Донников, который оказался один на один с големом не мог удержаться от соблазна опробовать магию предков. И его эксперимент удался! Бедолага Сталин стал орудием для удовлетворения жалких амбиций этого выскочки.

Архимаг задумался, и через пару минут наконец выдал:

— Хорошо. Думаю я смогу утрясти неприятную ситуацию, хотя о торговле гаввахом на пару месяцев придётся забыть. Я понесу значительные убытки, но если мы сможем создавать трэллов, то легко возместим все потери и останемся в плюсе.

— Так что делать с Донниковым?

— Пока просто следить, не допуская новых инцидентов. В нужный момент мы прижмем его и вытянем необходимые знания. Считайте что временно вы вернули моё доверие. А сейчас мне нужно удалиться на несколько дней. Вести переговоры с Малафеевым-старшим, который взбешён гибелью отпрыска.

— Это создаст помехи делу?

— Нет. Малафеев всего лишь посредник, побрыкается для вида и вернётся в стойло. К сожалению, мне придётся потратить драгоценное время на это ничтожество. Постарайтесь сохранить порядок в Академии до моего возвращения.

— Не волнуйтесь, я обеспечу порядок.

— При всём уважении... У меня отвратительное предчувствие. Намедни снился неприятный сон, что по возвращении в Академию я застал лишь дымящиеся руины... Примите все меры, что сон не воплотился в реальность.

Из архивов охраны. Снегов

Личная карточка преподавателя

Снегов Семён Гнидович

Предмет: Алхимия.

Особые приметы:

Бледное лицо, чёрные глаза, нос крючком, рост выше среднего, для дев юных дюже привлекателен. Ум острый, голос спокойный, характер мрачный

Биография:

Работал на охранку в закрытой лаборатории, посему всё что ранее было тайной окутано. Причины ухода неизвестны. Пришёл в Академию дабы научными изысканиями заниматься, посему студентов от дел сих отвлекающих ненавидит искренне и спуску не даёт.

Допрос:

Имеет допуск к тайнам государственным, посему допрашивать его может лицо рангом не ниже статского советника.

Приписка от руки: странный тип. Видно, что был большим начальником, и подчиняться даже Архимагу ему непривычно и неприятно. Однако же ведёт себя сдержанно. С охранкой никак не контактирует, и судя по всему послан не шпионить, слишком важная фигура для простого агента, а сослан в наказание за серьёзный проступок. Прекрасно разбирается в ядах, так что наверняка либо отравил кого-то не того, либо наоборот, не смог отравить.

Записи стенограмм

— Прошу вас, угощайтесь.

— Снегов, вы держите меня за идиота? Вы правда думаете, что я стану пить что-то из ваших рук?

— Вы открыли дверь в мой кабинет повернув ручку, вы поднесли к глазам мою записку, и даже не попытались затушить эти свечи. Если после всего вы предпочтёте отказаться от бокала этого чудесного вина — ваша воля.

Из протокола личной встречи с *****.

Глава девятая. Хренов приглашает в гости

Казалось бы, после приятного завершения вчерашнего дня можно с чистой совестью проспать до обеда, но вышло иначе, я проснулся от девичьего стога, причём совсем не эротичного. Маша кричала, и я быстро её растолкал, не хватало ещё чтобы кто-то прибежал на выручку и застал компрометирующую ситуацию.

— Что случилось? — я поглаживал её по голове, и девушка инстинктивно жалась к телу.

— Просто страшный сон. Так всегда бывает когда кого-то исцеляешь... Боль нельзя просто снять, её нужно забрать и пережить, хотя бы во сне...

— Что именно ты видела?

Я ощутил неприятный укол совести, принял помощь от Маши как должное, даже не подумал о возможной цене. Пора бы привыкнуть, что ничего бесплатного не бывает. Но что хуже всего, если она и правда пережила во сне что-то из моего опыта, всё прикрытие сейчас под угрозой.

— Было трудно разобрать, — Маша напряглась вспоминая сон. — Будто земля задрожала, с неба посыпались камни, и больно, будто падаешь с высоты. И темнота...

— Извини. Не стоило просить о помощи. Если я могу как-то отблагодарить.

— Нет-нет! — Маша улыбнулась, покрывшись румянцем. — Ты меня так вчера приласкал, что почти не было больно. Только немножко страшно... Надо просто выпить успокаивающий отвар. У меня ещё осталось немного, спасибо Хренову.

Надо же, богатырь и тут поспел. Я даже ощутил укол ревности, уж не захаживал и этот преподаватель подлечиться? Хотя вряд ли. Кровать бы точно не выдержала. Да и Маша тоже. Тут не факт, что и кентавриха бы справилась. Не о том думаю. Обняв девушку я оделся и ушёл пока она прихорашивалась. Двинулся само собой в столовую, не в моих правилах упускать возможность пожрать. День только начинался, но студентам не спалось. На каждом углу стоят стайками и перешёптываются. Слухи уже разошлись. Я с удовольствием отметил, что аристо и правда попадают только стайками, по одному не ходят.

Я зашёл в трапезную, где несмотря на ранний час уже сидели парни Кабана, а вот Донни похоже до сих пор отсыпался. Стол спешно накрывали, а мне быстр освободили целую скамью рядом с Кабаном, причём Кабан тоже подвинулся.

Я с удовольствием позавтракал гречневой кашей с разваренным до приятной мягкости мясом, не отвлекаясь на разговоры, как бы многозначительно все собравшиеся ни переглядывались. Насытившись пошёл в сторону коридора, в сопровождении солидной свиты. Аристо поспешно расступались, давая байстрюкам дорогу, но смотрели скорее с интересом, чем с ненавистью. За ночь в студенческом сообществе сменилась власть, а теперь поменяются и порядки.

Увы, мне не дали насладиться новым статусом первого парня в Академии. Из дверей, ведущих в глубины кухни показалась исполинская фигура. Хренов тащил два увесистых мешка, по одному на каждом плече. Он не то оскалился, не то улыбнулся, голос по крайней мере был весёлым и доброжелательным.

— А, Сталин! Подсоби ка старику. Давай, не стой столбом. Мешки с сахаром таскать — это тебе не по лесу бегать.

Если до этого момента у меня ещё были сомнения по поводу осведомлённости Хренова о ночных похождениях, теперь их не осталось. Жестом я приказал Боровому остаться,

ввалил мешок (тяжёлый, зараза) на плечи и пошёл за великаном. Шаги у него были широкие, хоть и вразвалочку, пришлось напрягаться чтобы не отставать.

Пока мы добрались до хижины, я, и без того хорошо потрудившийся ночью, порядком устал. Хренов ловко подцепил дверь носком сапога и ввалился внутрь, я последовал за ним, ожидая откровенного разговора. Но вместо этого следующие полчаса я помогал наставнику рассыпать сахар в медные фляги, из которых недвусмысленно пахло дрожжевой закваской.

В той же комнате стояла каменная печь, на которой возвышался бак самогонного аппарата, чуть ли не вплавившийся в плиту от частого использования. Стены были уставлены грубо сколоченными полками, заставленными банками и бутылками всех размеров, большей частью пустыми, но были и натопленные прозрачной жидкостью, а иногда и непрозрачной. В некоторых заспиртовывались многочисленные дары местного леса: шишки, грибы, ягоды, кора, травы, даже змеи с ящерицами. В одной из банок я с удовлетворением заметил добытый вчера мухомор. Ну, хотя бы не пропал зря.

Наконец Хренов закончил с алхимическими опытами и уселся за стол. Я сел напротив. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Наконец наставник засунул руку куда под стол, вытащил бутылку с таинственной зелёной жидкостью и вынул деревянную пробку. В ноздри ударил запах спирта смешанный с ароматом полыни и ещё чего-то непонятного.

Следом на столе материализовались два стакана и деревянная миска с солёными огурцами. Наполнив стаканы, Хренов ловким движением толкнул один в мою сторону, а второй немедленно опорожнил сам. Я осторожно отхлебнул жидкость. Градусов в ней было не меньше семидесяти. По вкусу напоминала абсент, ещё один аргумент в пользу связи Хренова с попаданцами.

Вот только выпивка была до отвращения тёплой и потому особенно мерзкой. Я закурил огурцом, но сочетание солёного огурца и абсента было воистину тошнотворным.

Впрочем Хренов опустошил свой стакан даже не моргнув глазом и, похоже, несколько не опьянев. Он снова наполнил свой стакан, но вместо того чтобы пить пристально уставился мне в глаза.

— Ну, Сталин, рассказывай. Как ты докатился до жизни такой?

Я всё ещё молчал.

— Ты это, не вставай в третью позицию. Я знаю что ты дэймон.

— Ты тоже дэймон. — дальше молчать не было смысла.

— Да, — Хренов ухмыльнулся. — И что меня выдало? Песни? Пословицы? Или как всегда, огромный х...?

— Ты помогаешь мне, но я не понимаю зачем.

— Не обращай внимания, я сам порой не понимаю что делаю. Считай что я увидел в тебе потенциал.

— Это значит, что ты не будешь сдавать меня охранке, хотя это долг каждого честного гражданина Империи.

Хренов рассмеялся:

— Нет. Как честный гражданин я должен был убить тебя на месте при первых подозрениях. А как мудрый наставник я должен был сразу выбить из головы юного Сталина всю дурь. Ведь мы в Академии, где бесполезных недорослей превращают в хороших, натасканных сторожевых пёсиков. Ну а из кого собачка не получилась — получится жертвенный агнец. Но к твоему счастью, и наставник, и гражданин из меня получился хреновый.

Наконец отвратительное поило улеглось в желудке и по телу разлилось приятное тепло. Хренов заметил мой повеселевший взгляд и тоже ухмыльнулся.

— Вот теперь пора научить тебя настоящей магии. Признавайся, уже пытался что-то колдануть, да не вышло?

Я покачал головой.

— Нет. Мне не особо нужна магия. До этого обходился и без неё.

— Ага, наверняка в родном мире ты был тем ещё крутым парнем. Спецназовец с высшим инженерным образованием, увлекающийся фехтованием и историческими реконструкциями или что-то типа того?

— Нет. Простой наёмник.

— Тоже неплохо. Ты видел смерть и привык убивать. Это хорошо... Нет, в смысле это очень плохо и вообще так нельзя, но вот овладению магией это поспособствует. В твоём мире что-нибудь знали о гаввах?

Я напряг память вспоминая все эти пьяные (иногда даже трезвые) разговоры с разными психами.

— Только на уровне шизотеорий заговора. Якобы это энергия страдания, которой питаются истинные правители мира. Поэтому мы и жили так паршиво, что были фермой бесконечных страданий для кормления демонических существ.

Хренов почесал бороду:

— Хорошая теория. Есть удобный и непостижимый враг, на которого можно свалить все проблемы, а значит объективные задачи эта байка полностью выполняет. Но здоровое зерно в ней есть. Гаввах это действительно энергия страдания, и по крайней мере в этом мире её можно использовать. В том числе и для создания заклинаний. Какой из этого вывод?

Я вспомнил взрыв в подворотне и невольно поёжился:

— Колдовать должно быть неприятно?

— В точку! — радостный Хренов восторженно стукнул кулаком по столу, от чего бутылка с зелёной гадостью подскочила и явно собиралась слететь со стола, но великан легко подхватил её второй рукой и снова наполнил стаканы.

— Колдовать **ОЧЕНЬ** неприятно. А магическая сила зависит от страданий самого мага. Да, можно немного обмануть систему и выкачивать гаввах из других существ. Ну понимаешь, кровавые ритуалы с жестокими жертвоприношениями. Или относительно гуманный забой агнцев с кристаллизацией извлекаемого отчаяния. Но в итоге природа возьмёт своё. Людишки так устроены, что лишь единицы могут полностью отстраниться от чужой боли. Один лишь дедушка Рашимил был таким самородком, ну тот самый, который почти захватил мир пару сотен лет назад. А всех других, остальных, использование чужого гавваха медленно, но верно, подтачивает. Сначала маг просто становится сильнее, ну и мразотнее само собой. Но в один прекрасный день ему сносит крышу. Так появляется дикий колдун, который обычно просто уничтожает всё, до чего можно дотянуться. Чтобы утихомирить такого вызывают кого-то вроде меня. Убийцу магов.

Убийца магов? Разговор становится всё интереснее.

— Значит ты решил научить меня убивать магов? И какая тебе от этого польза?

Хренов на миг задумался, подбирая слова.

— Если я скажу, что делаю это ради высшего блага, истинной веры и из природной доброты, ты наверное не поверишь?

Я понимающе кивнул.

— Хорошо, тогда скажем так, что в моих интересах устранении нескольких магов, до которых я по ряду причин не могу добраться, но на которых у тебя есть зуб. Огородничий, Снегов. И Горелова, конечно дразнить её забавно, но правильнее будет наконец упокоить дамочку. Ты умеешь убивать людей, но маги — это другое. Я имею в виду настоящих магов, а не тех недомерков, которых ты запинал до смерти.

Отпираться было бесполезно, так что я просто пропустил обвинения в убийстве мимо ушей.

— И что же помешает мне просто запинать до смерти того же Снегова?

— Ну, со Снеговым может и получится. Если повезёт. А вот другие... Сила мага зависит от страданий. Поэтому они живучие как черви, мёртвые то страдать не могут. Так что гаввах в достаточной концентрации будет поддерживать жизнь даже в разорванных кусках тела. И самое паршивое — если тело разорвано на куски, оно неплохо так страдает, а значит покалеченный маг становится всё сильнее и сильнее. Живучесть кстати тоже повышается. Если затянуть с добиванием, твой противник вообще может превратиться в почти неуязвимое облако кровавого тумана.

Хренов сделал многозначительную паузу. Я вздохнул:

— Ты сказал «почти неуязвимое» и «если затянуть с убийством». Значит неприятностей можно избежать если убить мага одним точным ударом. И даже если не получилось, уязвимое место всё же есть.

Хренов одобрительно кивнул и опрокинул стакан. Я пока воздержался:

— Да, схватываешь на лету. Внезапный смертельный удар решает множество проблем. Но не все. Хорошо что у всех магов есть фатальный изъян. Предельно допустимая концентрация гаввах в организме ограничена. Если её превысить, вместо колдовства происходит пшик. Душа разрушается, тело превращается в мертвечину.

— То есть нужно просто продолжать бить пока маг не перегорит? Звучит просто.

Хренов покачал головой:

— Нет, не просто. Сам по себе маг может переполняться страданиями годами. Чтобы сработала перегрузка, нужно использовать концентрированный гаввах. Проще говоря, мага нужно бить его же оружием, перекармливать его той же дрянью, из которой он черпает силу. Если враг швыряется сгустками пламени, его самого надо медленно прожаривать, пока не сработает резонанс. А до того момента огонь ему и волосы не опалит. Сложно, да?

Я обдумывал первую полезную информацию о природе местной магии:

— То есть чтобы убить мага нужно самому быть магом, да ещё и той же стихии? Прелестно... И много таких стихий?

— Как минимум сотни. Как максимум — бесконечность. Теперь понимаешь, почему быть убийцей магов нелегко? Не напрягайся так. Я убил тридцать двух магов, и у всех были разные силы. Но если бы я владел тридцатью школами магии, давно стал бы новым Рашимилом.

Снова эффектная пауза, бородач ухмыляется и ждёт, хотя самого распирает поделиться мудростью. Я принимаю вызов и тоже жду, отхлёбывая пойло из своего стакана и катая самодельный абсент по небу словно бывалый сомелье. Наконец Хренов не выдержал:

— А истина в том, что силу мага можно позаимствовать. Да, только на время и только малую часть, но чтобы устроить резонанс с перегрузкой, этого хватит. Великий и запретный ритуал, древний настолько, что каждый о нём знает, но испытывает перед ним неодолимый ужас.

Хренов слегка наклонился, шаря ручищами под столом, пока не нащупал нужную вещь. На стол с грохотом опустилась стеклянная банка, внутри которой в прозрачной жидкости плавало человеческое сердце.

— Те немногие, кто говорят об этом, называют его ПОЖИРАНИЕ. Если вырвать из груди мага сердце и сожрать его, то получишь его силу, правда только на время. Время это недолгое, хотя чтобы закончить драку хватит. Ну и ночные кошмары довеском идут, они к сожалению останутся навсегда.

Я слегка опешил от такого поворота:

— До этого момента я думал, что если вырвать врагу сердце, то проблема уже решена...

— Ха, сразу видно, что ты никогда не сражался с настоящими магами. Без сердца они только матереют. Хотя по правде говоря сердце это уже для гарантии, обычно достаточно просто кровушки вражеской испить. На худой конец можно прямо в бою кусок мяса зубами отхватить.

Я молчал, осмысливая услышанное. Не то чтобы меня смущала перспектива пожирания плоти врагов, приходилось в жизни заниматься вещами и похуже, но надо признать, Хренов сумел нагнать жути, превратив моих новых врагов из обычных высокопоставленных мразей в хтонических исчадий.

— Ладно, студент, хватит голову ломать. Теорию мы изучили, пора к практике приступить. Пошли, научим тебя колдовать. Но сначала... — Хренов толкнул ко мне банку с заспиртованным сердцем. — Держи, лопай пока свежее.

Я ещё раз осмотрел сердце, будто по его виду мог определить хозяина. Хотя вариантов было немного.

— Это сердце Малафеева?

— Верно. Между прочим прямиком из волчьей пасти, можно сказать от сердца оторвал, ха-ха. Давай уже, научишься тентакли выпускать, девкам своим на радость.

Итак, источник силы передо мной, только протянуть руку и я смогу расквитаться со своими врагами. Где-то глубоко внутренний моралист кричал что-то про сделку с дьяволом, мораль, нравственность и прочую ерунду из книжек, но я слишком давно научился игнорировать неприятные голоса в голове. Есть проблема, и есть решение, следовательно преград быть не должно.

Я перевернул банку на стол, сердце выпало прямо в лужу спирта. Хренову от этого аж заплохело:

— Что ж ты творишь! Вилкой, вилкой надо было вытаскивать!

Но несмотря на искреннее возмущение Хренов не двигался, продолжая пристально наблюдать за мной, должно быть обращение нового ученика в свою странную веру всё-таки было ему дороже литра выпивки. Я поднял сердце и вонзил зубы. Непросто есть человеческие сердца, слишком твёрдое, даже чтобы откусить пришлось помотать головой, словно зверю, жевалось и того хуже, челюсть заболела к тому моменту, когда масса во рту оказалась пригодной для проглатывания. И всё же я смог сделать это...

— На вот, запей.

Хренов протянул мне стакан, от которого на этот раз пахло хвоёй, и я опрокинул его залпом. Мир потемнел, время словно остановилось, внушительная фигура наставника расплылась в воздухе. А затем над мной нависло что-то ещё более исполинское. Тёмная фигура рассмеялась, и от этого зловещего хохота стыла кровь:

— Поздравляю. Ты только что сделал первый шаг на долгом пути к познанию истинной

сути.

— Истинной сути чего?

— Магии разумеется. Или же, как говорят в этом мире, гавваха.

Глава десятая. Хреновая магия

Яркая вспышка света разогнала тьму, а когда я протёр глаза, вместо непостижимой тёмной фигуры надо мной возвышался земной, реальный Хренов.

— Эк тебя срубило. Шёл сюда как истукан, натуральный голем. Хотя я сам виноват, нечего было тебе как себе наливать. Ну, раз прочухался, пора тренироваться. Мишеней полно, выбирай любую.

Голова плыла, зверски тошнило, но я уже оценивал окружение. Опушка леса, только деревья здесь чахлые, засохшие, разве что у некоторых ещё верхушка зеленеет. Вокруг бурьян по пояс, но впереди даже трава исчезает. И появляется стена из тошнотворно розового рассада. Ветки мясных деревьев тянутся ко мне, но как-то вяло, неохотно. Не очень то я их привлекаю.

А в следующий миг на меня словно летит товарный поезд. Хренов замахнулся исполинским кулаком и двигается слишком быстро для своих размеров. Я как могу уклоняюсь корпусом и обеими руками отвожу кулачище в сторону. Хренов явно недоволен:

— Магией! Магией отбивай! Что ты кулаками махать умеешь я уже знаю.

Да уж, наставник от бога. Вместо того чтобы объяснять сразу устраивает экзамен. Ха-ха, прямо как жизнь. Ладно, думай, Бессмертный, и думай быстро. Магия, гаввах, страдание... Уж чего, а страданий я повидал достаточно. Одно за другим в голове проплывают воспоминания. Грязь, голод и нищета. Кровавые драки чтобы отстоять своё место, даже если это место на окраинах человеческого мусорника. Первое убийство. Допросы и мрачные перспективы оказаться на следующий десяток лет в клетке. Первый контракт, первая война, кишки боевых товарищей разбросанные по полю, когда на тебе ни царапины. Внутри бушует гнев, который надо выплеснуть на кого угодно, да хоть бы на этого бородатого великана. Нужен только спусковой крючок. Я прикусываю указательный палец, достаточно сильно, чтобы потекла кровь, и когда Хренов словно на крыльях подлетает для сокрушающего удара, из под земли вырываются узловатые корни. Часть из них оплетает ноги гиганта (без особого впрочем успеха), другие сплетаются в деревянный щит. Хренов раскалывает его без особых усилий, но атака остановлена. Наставник ухмыляется.

— Хорошо. Даже отлично! Сразу два приёма, атакующий и защитный. Завидный результат. Для студента естественно. Потому как и защита и атака получились хиловатой. А теперь, раз ты азы уже освоил, тренировка на выносливость. Попробуй скосить рассад. Эликсир был с закрепителем, так что тентаклями махать сможешь ещё часа полтора, посмотрим сколько земли для леса расчистишь. Пары гектаров хватит.

Я шагнул к трепещущей пародии на деревья. Розовая поросль закрывала обзор, можно только гадать, насколько она разрослась. Если эта дрянь подавляет леса, однажды она заполонит весь мир... Мир конечно громко сказано, наверняка ей нужны подходящая почва и влажность, ив сё же, если кто намеренно распространил этот «рассад» — он или идиот или враг всему живому. Пора восстановить экологическое равновесие.

Я представил что погружаю пальцы в землю, и они прорастают мощными корнями. И правда, землистого цвета лианы выросли из земли, опутывая ближайший ствол рассада, начали его душить, сминать ветви... Мясному уродцу было хоть бы хны. Я разозлился и на этот раз на самом деле погрузил пальцы в грунт. Это придало лианам сил, они будто бы стали толще и сжали добычу сильнее. Всё ещё недостаточно сильно. Тогда я начал двигать

руками, словно дёргаю за ниточки, лианы начали раскачиваться, с трудом, но увлекая за собой ствол. Прошло каких-то десять минут, и ствол наконец рухнул.

Хренов тяжело вздохнул:

— Ну, хоть что-то.

Я отряхнул руки от налипшей земли, подошёл к другому стволу и быстро повалил его руками, чай не в первый раз, технология уже отработана.

— Отличная магия. За каких-то десять минут я могу сделать то, что голыми руками делаю за несколько секунд.

— Да, слабовато вышло. Но если бы так душил Малафеева, он бы перегорел.

— Или я мог бы придушить его этими руками. Но ладно. Я ведь сделал только первый шаг к мастерству. Если тренироваться, изучать заклинания и побеждать магов, эти способности станут сильнее? Ведь станут?

Выражение лица Хренова говорило само за себя:

— Эм, нет. Мастерство конечно оттачивается годами. Но вот потенциал виден сразу. Гавваха в тебе скопилось немало, но ты как-то подавляешь его выход. С одной стороны это даже хорошо, значит тебя магией особо не прошибёшь....

— Но в остальном маг из меня никудышный, так?

— Так, — как-то слишком легко согласился Хренов. — Но не переживай, все знают, что в наши дни маги кончились. Так что твой уровень — это крепкий середнячок. Теперь либо смиришься со скромным уделом и доживай век скромным аристо без амбиций на императорской службе, либо...

Эти эффектные паузы уже начали меня раздражать.

— Либо что?

— Настоящий Сталин додумался сам.

Опять загадки. Но тут я вспомнил разговор с сестрой.

— Ты говоришь про артефакты. Раздобыв себе такой я смогу колдовать?

— Не факт. Но проклятые вещицы из наследия Рашимила и правда увеличат твои шансы. Но есть нюанс... Даже три нюанса.

Хренов щёлкнул пальцами, и из-под земли, явно насмехаясь над моими магическими талантами, вырос внушительный пень, спустя ещё пару секунд на нём выросло плоское подобие школьной доски. Хренов безжалостно содрал с неё кору, обнажив гладкую древесину, толстым кривым ногтем очертил прямоугольник, в котором такими же грубыми царапинами вывел длинноволосую голову с карикатурно длинным носом:

— Снегов. Коварный ублюдок, но ему не приходилось самому драться. Яды, ловушки, големы и послушные марионетки его главное оружие.

— Хм, похоже он человек разумный.

— Да. Уж точно поумнее обычного благородного мага, как-никак из мещан выбился, это чего-то да стоит. Сможешь навязать ему драку на своих условиях — победишь. Но если он решит напасть первым и хоть немного подготовится — не выкрутишься.

Второй портрет Хренов начал с всхрапывания схематичной груди, причём в щедрости своей приписал магичке как минимум пятый размер.

— Горелова. Полная противоположность Снегову. Она во всех смыслах горячая штучка. По секрету — эта стерва может контролировать не только огонь, просто огонь лучшее средство против её главного кошмара. Не знаю почему, но она боится всего, что связано со льдом, а обычные сосульки доводят её до истерики. Как-то по весне их поленились сбить, и

ведьма снесла половину крыши.

— Значит я могу использовать лёд чтобы вывести её из равновесия.

— Ты меня совсем не слушал? Эх, молодёжь, ничему не учатся. Ты им про проклятия, они про артефакты. Ни о чём думать не хотят... Нет, в принципе страхом мага тоже можно перегрузить, но это слишком уж ненадёжно, никогда не знаешь чего маг боится на самом деле. К тому же Горелова стихийный маг, и в панике просто будет уничтожать всё вокруг. Если ты будешь близко, всё закончится очень быстро.

— И что же посоветует мудрый наставник? Обещаю слушать внимательно.

Хренов заметно подобрел, даже удивительно, как подействовала на него такая простая лесть.

— Тактика, мой юный друг, тактика. Во-первых от стихий неплохо защищают эликсиры, я быстро научился их варить, когда эта ведьма положила глаз на моего красавца. Во-вторых, правильно выбери время и место для атаки. К слову, подозреваю что Горелова до сих пор девственница, подумай как это можно использовать. — Хренов многозначительно покосился на до сих пор извивающиеся ветви рассада. — Ну и с ней, так и быть, я тебе подсоблю если всё пойдёт совсем плохо.

Третий нацарапанный портрет начинался с бороды, скрывающей и лицо, и хлипкое тело с тростинками вместо рук и ног.

— Теперь Огородничий. Не знаю за какие грехи его отправили гнить в этой дыре. Может статья, что это и не ссылка вовсе, а чей-то хитрый план. Сильный маг, и при том универсал, даже тёмными искусствами балуется. Но не это главное. Даже я не могу пробить стены, которыми он себя защищает. Полностью непроницаемые для магии щиты, против обычного оружия тоже работают неплохо. Их можно было бы истощить, но Огородников из тех самородков, что могут держать щиты и атаковать магией одновременно. Так что если его щиты и истощать, то только командой. И страшно представить, что будет если Архимаг одичает и его сила вырвется из-под контроля.

— Я могу подобраться незаметно и ударить до того как он выставит щиты...

— О, так у нас юный гений? Думаешь я не мог бы тихо подкрасться.

Я с сомнением оглядел гороподобную тушу. Лицо Хренова налилось неподдельным возмущением.

— Я могу быть незаметным когда это нужно. Но Огородников никогда не снимает щиты, даже во сне. Гавваха на это уходит тьма-тьмушая.

— Ради этого он высасывает силы из студентов? Чтобы питать свои щиты?

— Нет, у него есть какой-то секретный источник. И скорее всего он связан с хранилищем проклятых артефактов. Как говорится, дорог много, да все в Рим ведут.

Я сделал самое благожелательно и почтительное лицо, какое смог, судя по нахмурившемуся Хренову получалось не очень, но раз уж начал, спектакль надо продолжать, шоу маст гоу он:

— Благодарю тебя, о мудрый наставник! Оказавшись в этом мире я был словно слепой щенок и не знал что делать, но твоя премудрость наставила меня на путь истинный! Теперь я точно знаю что должен делать. Спуститься в мрачное подземелье, добыть там могущественные волшебные артефакты и с их помощью победить трёх злодеев, каждого со своей уникальной историей и набором способностей. Так я исполню предназначение и добыю то, что не смог сделать мой несчастный предшественник. Это ведь ты надоумил Сталина пойти за артефактами? А когда он закономерно облажался, ты нашёл другого

дурака, который выполнит за тебя грязную работу. Чем тебе насолили эти трое? Мсть, борьба за власть или просто деньги?

Хренов нарочито медленно похлопал в ладоши, и звук от хлопков напоминал удары в бубен.

— Закончил, сыщик? Нет, по факту ты всё сказал правильно. Я учил Сталина, хоть наставник из меня паршивый, и я не против помочиться на могилы этих паршивцев магов, хоть и не настолько, чтобы убивать их самому. Вот только правильно не значит верно. Однако боюсь что ты прожил в этом мире недостаточно долго, чтобы принять мои истинные мотивы. Потому что дело в религии, пророчестве и предназначении.

— Ну, ты можешь попробовать мне объяснить, обещаю не иронизировать слишком громко.

— Конечно могу. Согласно моей вере и паре древних пророчеств, кто-то из этой Академии окажется достаточно сильным, чтобы принять наследие Рашимила. И этот кто-то на своём пути уничтожит кучу магов, чего для моего полного удовлетворения более чем достаточно. Сталин подходил под описание. Ему, увы. Не повезло.

— Дело не в везении. Парню не хватало сил и опыта.

— Согласен. Но вместо Сталина пришёл ты. Совпадение? Не думаю.

— А, понятно. То есть теперь я должен пойти не знаю куда добывать не знаю что потому что так гласит пророчество и вообще такова воля высших сил?

— Именно! — вот теперь Хренов был абсолютно счастлив. — А самое смешное то, что ты и правда пойдёшь. Жить то тебе осталось в лучшем случае неделю, а в подземельях Академии единственный шанс на избавление от голема. И кстати, лесные пташки напели мне, что Огородничий этой ночью в Академии не будет.

— Точно пташки? Не волки? — с неподдельным любопытством поинтересовался я.

— Нет, волки о другом поют. А ты не мешкай, дело, как говорится, не волк.

— Да-да, только волк волк.

Хренов на миг задумался над философским изречением, и продолжил:

— Ах да, возьми это, — из-за пазухи ловко появилась литровая бутылка с коричневой жидкостью.

— Спасибо. Мне на сегодня хватит.

— Это не тебе. Я немного задолжал нашим сторожам. Отдай от моего имени, и вход в подземелья останется без охраны.

— Ты подмешал в бутылку яд или снотворное?

— Обижает. Мои эликсиры и без того прекрасно сработают. Забыл уже, как до леса добирались.

Хм, а вот тут мне и правда стало неловко. Я сдержанно попрощался с преподавателем и пошёл прочь из леса. Судя по тому, что он меня не окликнул, направление я выбрал правильно. Значит Огородничего сегодня нет, а сторожей можно нейтрализовать. Это звучит как надёжный план. А как обычно заканчиваются надёжные планы? Горой трупов и единственным уцелевшим Бессмертным. Но как ни крути, великан прав, пусть я по сути работаю на его высокие цели, но исключительно ради собственного выживания. Так было, так есть. И похоже что будет всегда.

За размышлениями я добрался до Академии. Похоже что из-за внеурочных занятий по антимагии я пропустил пару лекций, но всё равно их вели не те преподаватели, в которых я был особенно заинтересован, так что я просто нашёл Донни. Он оказался в кампании

Кабана, и похоже прекрасно в неё вписался. Я быстро подозвал поделщика.

— Ну как? Ты подумал над нашим планом.

— Да! Всю ночь глаз не смыкал.

К сожалению я ночевал в другом месте, вдали от храпа соратника, так что не мог знать насколько он искренен.

— И до чего додумался?

— Мы сделали кучу ошибок!

Ну кто бы мог подумать.

— А поконкретнее?

— Мы пошли в обход через подвалы чтобы быть незаметными, но на самом деле это и бросалось в глаза. Было бы надёжнее договориться со сторожем.

— Хорошо. Что-то ещё?

— Преподаватели... Они пристально следят за подземельем. Нужно было их отвлечь, а лучше дожидаться пока они куда-нибудь не уедут.

— Тоже верно. И наконец главное?

Рыжий покраснел:

— Тебе нужно было идти в одиночку. Меньше шума, меньше шансов... что кто-нибудь тебя выдаст.

— Молодец. Ты вынес правильные уроки. — я жестом подозвал Кабана, и тот подошёл источая воодушевление и готовность поучаствовать в любых неприятностях. — Вы в курсе, что Огородничий сегодня ночью покинет Академию?

— Неа, в первый раз слышу. А нам что с того? — задумался Боровой.

— А то, что это хороший шанс напомнить аристо о том, что на байстрюков не стоит смотреть свысока.

— Думаешь, стоит проучить кого-нибудь?

— Нет, не надо опускаться до личных обид. Но вот пройтись по коридорам, всей толпой, и пошуметь — милое дело. Только без перегибов, бить никого не надо, от этого проблем будет больше чем пользы, просто напомнить о себе. Пусть богатые детки немного потрясутся в своих комнатах, пока наши гуляют и веселятся

— Понял, — Кабан ухмыльнулся. — Назовём это марш Байстрюков. В полночь будет нормально?

— В самый раз. А для тебя, Донни, у меня особое поручение.

Донни с готовностью кивнул.

— Наш Хренов попросил передать сторожам старый должок.

Глава одиннадцатая. Сокровище Рашимила

Пока что операция проходила по «тщательно продуманному плану». Кабан сотоварищи устроили шумиху, которая хоть и привлекла внимание, но никого не удивила, просто застарелый конфликт вылился в выступление народных масс, и морально все к этому знаковому событию давно были готовы.

Оба сторожа (хотя дежурить должен был только один) оказались на посту, но помешать не могли, так как пребывали в блаженном сне. Я спустился по лестнице и оказался в тёмном мрачном коридоре, где так и подмывало встать на цыпочки и красться как вор.

Когда тьма наконец рассеялась, в свете непонятого светильника выросла занимающая половину стены эмблема, до боли похожая на солнцеворот, но вместо абстрактных линий этот символ состоял из восьми кинжалов. В первый раз я её и не заметил, неудивительно, выходил то я к ней спиной, а головой вертеть в той ситуации явно не стоило. Зато теперь ничего не мешает осмотреться как следует. Этот зал слишком хорошо освещён, что быть просто «предбанником». Больше похоже на место для собраний, где избранные в ряды ордена принимают клятвы и делятся тайными знаниями.

Интересно, сколько в этой ложе действительных членов? Я знаю только троих. И то, членов среди них максимум два...

Пройдя под эмблемой я наконец оказался в хранилище. Вот они, те самые артефакты, которые всем так нужны, только руку протяни.

Лежат под стеклом на маленьких подушках, рядом с каждым табличка. Посмотрим что почём.

«Кольцо тьмы» — подчиняет носителей младших колец, при снятии убивает владельца. Младшие кольца считаются утраченными'.

Великолепно. Кольцо не только бесполезно, но и внешне не примечательное. Обычный золотой ободок без камней и гравировке. Было бы их хотя бы два, был бы символический подарок на свадьбу.

Так, а вот этот миниатюрный волшебный посох с нехилым набалдашником:

«Нефритовый стержень — делает владельца желанным для противоположного пола. Лишает мужской силы. Эффект необратим. Изъят в гареме султана Салям-баши».

Тот, кто создал эту шутку (может сам Рашимил?), был человеком с юмором. Наверняка вручил как награду.

На очередной подушке маленькая и круглая коробочка, инкрустирована синеватым камнем, на котором грубо вырезана ухмыляющаяся морда:

«Пудра Фиолетовой Луны. Осыпанный ею приобретает мировую славу, но обращается в бесноватого. Эффект необратим».

Ничего не понятно, но очень интересно. Лучше не трогать.

Здоровенный кусок прозрачного янтаря с заточённой и тоже полупрозрачной рыбой:

«Зеркальный карп. Дарует владельцу невероятное красноречие. Говорящий вызывает ненависть со стороны всех разумных и неразумных существ, исключая [ДАННЫЕ УДАЛЕННЫЕ], пока не будет убит».

Хммм, [ДАННЫЕ УДАЛЕННЫЕ] — очень знакомая фраза. и почему зеркальный? О же прозрачный. Может станет зеркальным если разбить янтарь. Пробовать точно не буду, мне и своего ораторского мастерства хватает, и с ненавистью окружающих полный порядок.

Так, а дальше...

«Письмо Рашимилу от Грозного императора. Так и не было доставлено». Письмо в пожелтевшем конверте сжимал в иссохшей руке скелет, похоже настоящий. Я вырвал конверт из костяных пальцев и быстро спрятал в карман, будет чем порадовать красавицу Бериеву. Интересно, письмецо то подписано не Великим Лаврием. О ужас, неужели эта чернобурая лисица могла мне врать?

Так, а что-то полезное здесь есть? Или это просто свалка? Беспольных, даже опасных вещей, которые нельзя уничтожить, вот и пришлось свалить в подвал забытой всеми академии, да гонять малолетних идиотов, чтобы не покалечились. Как и говорил Огородничий... Неужели всё зря. Или же... Если хочешь спрятать дерево, прячь его в лесу. Есть ли здесь хот бы одна действительно стоящая вещь?

Я медленно прошёлся мимо стеллажей, не разглядывая артефакты и больше не читая таблички, пусть инстинкт, который столько раз помогал выжить. Выцепит что-то непохожее, уникальное.

Дойдя до конца коридора я упёрся в нишу с той самой адской машиной, благодаря которой перенёсся в этот мир. Да, штука важная, интересная, и наверняка дорогая, только вынести её отсюда будет сложновато, а каких особо ценных частей, которые можно снять и сунуть в карман, определить я не могу. Вернусь к ней позже, если не будет вариантов получше. А пока захожу на второй круг.

Интересно, весь подвал заставлен стеллажами, ниши строго симметричны, но вот здесь слепая зона. Крохотный закуток, у одной из ниш, почти полностью скрытой шкафами, вбок уходит небольшое ответвление. Совсем крохотное, вместились одна полка. Неужели оно?

Я одним прыжком переместился к желанной добыче и замер. Полка была заставлена изящными фарфоровыми куклами. Замечательно... Местный архимаг куклолюб...

Хотя нет, шутки в сторону. Кукла колдуна — чем не артефакт? Их много, опять дерево среди леса. И вместо поясняющей таблички металлическая пластина, на которой большими буквами введено «РАШИМИЛА». Хм, это что, феминизация того зловещего тёмного мага? И которая из кукол та самая Рашимила?

Я задумался. Все сделаны рукой мастера. Ни одного дефекта или пятнышка, что нарушал бы белизну фарфора. Одежда сшита надёжно, ни одной торчащей нитки, и подходит к этим игрушкам идеально. В чём отличие? Придётся снова положиться на инстинкты. Никогда раньше у меня не возникало желания играть в куклы, но вот эту, в пышном пурпурном платье почему то хочется взять в руки.

Я осторожно провёл рукой над куклами пытаюсь нащупать невидимые ниточки сигнализации или чего-то вроде того, и, не найдя ничего подозрительного, поднял потенциальный артефакт.

Не взорвалась, уже хорошо. Но потайных дверей не открылось, уже хуже. Может ошибся? А может здесь никогда и не было ценного артефакта, который я сам себе выдумал? Я ещё раз посмотрел на куклу. Интересно, насколько она детализирована? Древнее как мир любопытство само по себе подняло игрушку достаточно высоко, чтобы можно было заглянуть под юбку...

И тут щека вспыхнула от резкой боли, будто только что приложили дубиной. Настолько внезапно, что я чуть не споткнулся, хотя продолжал держать куклу в руках. Всё так же мертвенно бледна и холодна.

— Это... Это ты сделала?

— Это невыносимо! — голос несмотря на нотки гнева зазвучал как жизнерадостные колокольчики, явно неподходящие этому мрачному месту. — Первый человек за сотню лет, который пробрался в хранилище независимо от магократов... Первый человек, который дал надежду на освобождение... И оказался чёртовым извращенцем! Что ты надеялся увидеть? Ты что, на живых женщин не насмотрелся?

Я не знал что ответить, только механически отметил, что какая-то кукла унижает меня прямо во время тщательно спланированной спецоперации.

— Как тебя зовут? Я...

— Это неважно. Кукле не нужно имя. Имя для свободных, а не для тех, кого тянут за ниточки.

Первая попытка наладить контакт с артефактом, в том, что это проклятый артефакт, я уже не сомневался, провалилась. Неловкость момента зашкаливала. Так, главное что-то говорить, или неловкое молчание закончится взрывом.

— У тебя нет ниточек, я проверил. На табличке написано Рашимила. Может это твоё имя?

— Нет. Не имя. Просто клеймо. Знак качества. Означает что я Творение Рашимила. Вещь Рашимила. Игрушка Рашимила. Оружие Рашимила...

Хорошо, она уже рассказывает о себе. Если не отступать, можно выудить полезную информацию.

— Этот Рашимил. Я кое-что слышал о нём. Великий тёмный маг, так ведь?

— Не знаю. Вся моя жизнь, сколько помню, прошла в тёмных подвалах. Хотя нынешний Архимаг, который раз в год вытягивает из меня энергию... и его предшественники... они говорили между собой о нём. Что он чуть не уничтожил мир, но в последний момент его остановил какой-то грозный Император. А я была инструментом разрушения, поэтому меня держат здесь, в большой клетке.

Инструмент разрушения? Вот теперь магическая девочка меня по-настоящему заинтересовала.

— Они говорили только между собой? А ты не пробовала сама с ними заговорить?

— Нет. Видишь ли, никто из этих стариков не додумался заглянуть мне под юбку.

— Значит я особенный, — я попытался дружелюбно улыбнуться. Как обычно, вышло не очень.

— Особенный?.. и правда. Ты даймон.

Это было сказано так спокойно, что я почувствовал себя неловко.

— Верно. У нас обоих есть маленькие секреты...

— Подожди... Не просто даймон. Что-то ещё. Остатки души прошлого хозяина тела...

Контакт определённо налаживался.

— Да. Я иногда слышу его мысли.

— Что-то ещё. На тебя случайно не накладывали проклятие?

— Ты не поверишь... — я сделал эффектную паузу.

— Почему ты замолчал... А, это наверно шутка. В любом случае ты скоро умрёшь, как и все бесполезные смертные. Если конечно кто-то не разберётся с твоей проблемой.

Теперь кукла сделала эффектную паузу. Мысль о том, что она научилась этому у меня, вызывала улыбку.

— Этот кто-то ты?

— Возможно... Возможно я бы могла снять проклятие. Но это долго и трудно. Что ты

предложишь взамен?

Пока всё идёт отлично. Она может помочь и готова торговаться.

— Я могу вынести тебя отсюда.

— Боюсь что если и вынесешь, то далеко не уйдёшь. Архимаг сразу заметит, если я покину стены Академии.

— Понимаю. Значит если тебя перепрятать, но не выносить за стены Академии, то никто не заметит?

— Возможно. Но я не вижу в этом своей выгоды. Либо тебя прикончит Архимаг и вернёт меня на место. Либо ты сможешь от него избавиться и у меня прост поменяется хозяин. А теперь будь добр, поставь эту куклу на место!

Думай, Бессмертный, думай. От этого как обычно зависит твоя жизнь. Эта кукла могла просто не начинать разговор, а значит что-то от меня ей всё-таки нужно.

— Что если я буду называть тебя Раша? И у тебя будет настоящее имя.

— Раша... Звучит интересно. Так звали девушку из твоего мира?

— Можно и так сказать. — я горько усмехнулся

— И какая она была? — в голосе появился интерес, но пока непонятно, искренний или фальшивый.

— Ха, Гордая, неприступная и жестокая. Многие её любили настолько, что отдавали жизнь, но никому она не отвечала взаимностью.

— Мне нравится это имя. И раз ты его придумал, значит относишься ко мне как к человеку. А значит я могу пойти с тобой, чтобы помочь тебе снять проклятие... Ты на такую реакцию рассчитывал, глупый смертный?

Всё-таки издевается, ну да ладно, по другому она просто не умеет

— Ну, в общем да. А теперь пошли.

— Будет лучше если ты поставишь меня обратно на полку.

— Поздно.

Я развернулся и пошёл к выходу, не выпуская Рашу из рук, когда по щеке прилетел новый удар.

— Дурак! Ты что, думал здесь нет охраны? Марионетки проснулись!

Глава двенадцатая. Бунт марионеток

Откуда-то сверху раздался скрежет. Не выпуская куклу я резко шагнул назад, как раз вовремя, чтобы неизвестная тварь не приземлилась мне на голову. Хоть в хранилище и было темновато, разглядеть что существо в целом похоже на человека было нетрудно. Тварь резко повернула голову и попыталась сократить расстояние. Я не стал затягивать и двинул ей в подбородок. С левой руки разумеется, в правой я до сих пор сжимал драгоценный артефакт.

Удар получился точным и сильным, а противник неповоротливым. Живой человек наверняка отправился бы в нокаут, но тварь лишь пошатнулась и неестественно откинула спину назад, с диким скрежетом сохраняя равновесии.

— Смотри куда толкаешь, идиот! Марионетка чуть не разбила кукол!

Я коротко выругался, шагнул в сторону чтобы увернуться от неожиданно резкого выпада сразу двух рук этой самой марионетки. Шустрая зараза, тут одной левой не справишься. Быстро, но аккуратно поставив Рашу назад к её подругам я наконец сосредоточился на драке. Сначала отвести в сторону, артефакты нужны мне целыми, затем постараться понять, что за хреновина пытается меня убить. Мозг уже перешёл в боевой режим, когда тело двигается на инстинктах, а разум подмечает каждую деталь.

«Лицо» марионетки закрыто кожаной маской без прорезей для глаз, значит темнота в этот раз не мой союзник. Движения хоть и быстрые, но дёрганные, когда я кружу вокруг неё, марионетка сбивается с ритма и начинает тормозить, а это уже уязвимость. И суставы, из них торчат какие-то штифты. Несколько пробных ударов по голове и торсу не нанесли твари заметного вреда, значит сосредоточиться на конечностях. План готов, дело за малым — воплотить его в жизнь.

Очередной уход от резкого выпада но вместо того чтобы отскочить в сторону я прохожу в ноги и сбиваю марионетку на пол. Она не так уж много весит, не больше пятидесяти кило, так что даже нового тела хватит сокрушить такого врага.

С ног сбили, осталось только затоптать. И я бью ногами по локтям и плечам, пока одна из рук просто не отваливается, вторая к этому моменту уже просто висит, а встать без рук эта игрушка не может. Чистая победа.

Рассмотреть что ли поближе? Не свожу глаз с вяло трепыхающейся тушки и срываю маску, в нос сразу бьёт химический запах. Под маской безглазый череп обтянутый высохшей кожей. Настоящая мумия, даже трупами уже не воняет, гигиенично однако. Череп бессильно клацает зубами, но его шея слишком неповоротлива чтобы укусить. Теперь оторванная рука. Я вытряхнул её из тряпья и внимательно изучил. Ага, хоть основой для игрушки был человеческий труп, однако прямо в кость вкручены спицы, а в суставах пружины и шестерёнки, какой-то стимпанковский зомби. Ладно, хватит играть. На всякий случай я раздробил ногой скалящуюся черепушку и вернулся к полке с куклами чтобы забрать Рашу.

— Другие куклы, ты за них переживала. Это тоже артефакты? Или может заколдованные принцессы?

— Нет... обычные куклы. Просто иногда от скуки я с ними разговаривала, и немного привязалась. — мне послышалось лёгкое смущение в голосе

— Понимаю. Наверное тебе было одиноко. Идём отсюда.

Я снова протянул руку

— Не вздумай! Тебе что-то непонятно в слове МАРИОНЕТКИ? Не марионетка, марионетки!

А ведь она права. Опять расслабился раньше времени. Снова раздался скрип и на этот раз у успел заметить, как в потолке открываются люки откуда выпадают новые враги. На этот раз шестеро.

Я оставил куклу в покое, сейчас не время следить за хрупким фарфором, и передислоцировался в противоположную сторону коридора, по пути оттолкнув двух марионеток. Так, теперь они по крайней мере наступают с одной стороны, будет проще отбиваться.

Я огляделся в поисках оружия. Под это требование на ближайших полках подходил только один предмет — старый сломанный меч. Прежде чем хватать я мельком прочитал табличку с описанием: «вызывает у владельца жуткие сновидения и мысли о смерти». Отлично, для меня безвреден. Хоть это и был по большому счёту ржавый кусок металла, рукоять сломанного меча удобно легла в руку, добавляя ударам вес, а обломок линка оказался достаточно длинным, чтобы ткнуть самую шустрюю марионетку не попадая под удар.

Тычок обломанным лезвием в корпус ожидаемо противника не остановил, но заставил корпус марионетки отшатнуться, и остальные, до того двигавшиеся синхронно, резко смешались. Я продолжил двигаться по коридору, скользя между полок и стеллажей, и старался бить по сочленениям суставов — самому хрупкому месту искусственных тварей. Скоро двое лишились рук, а одной я очень удачно выломал ногу. Перевес явно на моей стороне. Обычно в такие моменты всё резко начинает идти не по плану.

Так и вышло. Боковым зрением я заметил движение где-то наверху, и в меня полетел какой-то маленький предмет, успевший разок отразить лунный свет из окон.

Я резко отскочил назад, когда в месте, где я находился секунду назад, разбилась склянка, из которой тут же повалил грязно-серый туман. Глаза, нос и горло невыносимо защипало. Паршиво. Газ быстро заполнит коридор, а на марионеток судя по всему он или не действует совсем, или действует, но слабее, чем на живых. И что за сволочь устроила газовую атаку?

Снегов. Алхимик стоял на ближайшем балконе, пристально смотрел на меня, примеривая в руке ещё одну склянку. Некстати вспомнились советы Хренова. Вот и напал неожиданно на слабого в бою мага...

Марионетки словно испугавшись начальства стали двигаться активнее. Слишком поздно я заметил, что Снегов как-то слишком подозрительно двигает левой рукой, явно управляя тварями. Нужно добраться до него. Но тут безрукие кинулись на мой меч, одноногая покатила под ноги, целые марионетки зашли с боков, и, как финальный аккорд, снова заскрежетал потолок и почти на голову свалились ещё пятеро. Обломок меча улетел в сторону, и схватка перехватилась в борьбу. Борьбу с толпой неустояющих противников. Скоро марионетки висели на мне словно мелкие шавки, но почему-то не пытались убить, просто не давали шевелиться.

Наконец Снегов заговорил:

— А ты крепкий, трэлл. Ценное приобретение. Не двигайся, сейчас я переподчиню тебя... Странно. Не работает.

— Может тебе надо подойти поближе и попробоваться ещё раз, — съязвил я.

— Это что, шутка? Трэлли не умеют шутить. Ты не трэлл.

— Сразу видно мудрого наставника, который не стесняется признавать ошибки...

Снегов не реагировал на очередную подколку:

— Понятно. Полный провал. Ты всего лишь ещё один даймон, который вселился в опустошённое тело, чтобы снова испортить мне жизнь. И что теперь говорить Огородничему?

— Я знаю что. Просто подойди поближе и я сразу расскажу.

Наконец Снегов удостоил меня взгляда:

— Видимо ты рассчитываешь из последних сил на меня наброситься? На такую уловку не купился бы даже трэлл. Ладно, хватит разговоров и пустых сожалений. Сейчас обездвигну тебя и передам Малафеевым, может они эти удовлетворятся.

Алхимик вынул из складок плаща длинную иглу с рукояткой как у ножа, положил её на парапет, достал коробочку, поставил рядом с иглоножом, поднял крышку, достал щипцы, вынул из коробочки кусочек вязкой дряни, аккуратно размазал по острию, и только после этого снова взял в руки иглу и швырнул в меня.

Пока шли все эти манипуляции я собрался с силами и в последний момент дёрнулся, вырываясь из неживой хватки, да так, чтобы спина одной из марионеток была между мной и летящим остриём. Но вместо того чтобы влететь в препятствие, иглонож совершил немислимую фигуру высшего пилотжа и влетел мне в грудь.

— Жалкая попытка, — мрачно прошипел Снегов. — Игла всегда находит цель. Это тоже проклятый артефакт. Яд должен парализовать через десять секунд... Готово.

Снегов сделал рукой отмашку и марионетки отвалили в стороны. Я остался один посреди коридора, застыв словно статуя. Снегов исчез с балкона и спустя несколько секунд уже оказался в коридоре, он шёл в мою сторону что-то бормоча и копаясь в квадратной сумке с кучей пузырьков. Наконец он подошёл вплотную.

Я прервал мнимое оцепенение, одним прыжком сбил алхимика с ног, воткнул его же иглу ему в горло и для врености обрушил град кулаков на голову и рёбра.

— Кхааак... — прохрипел алхимик.

Я продолжал бить. А маг всё не подыхал, хотя внутренности уже должны были превратиться в кашу.

— Даймон... кхррр... ненавижу!

Изо рта Снегова вырвалась струя зелёно-жёлтого газа, воздух наполнился запахами хлора и горчицы, уже не только глаза и горло, но все тело будто вспыхнуло огнём... глаза наполнились кровавыми слезами и я перестал видеть.

Неужели конец? Нет, я не могу умереть... Хренов... Что он там говорил? Вырвать магу сердце!

Инстинктивно отшатнувшись от токсичного мага я почувствовал под ногой железку. Меч! Нащупал рукоять, и из последних сил вогнал лезвие туда, откуда продолжал нести ядовитый ветер, а затем потянул вниз, распиливая грудную клетку. Свободную руку я запустил в разрез. Сердце — это мышца, а значит оно твёрже, чем другие потроха. Вот и оно. Я вырвал руку из изувеченной груди Снегова, когда мою уже разрывало от кашля, а сжимающие сердце пальцы скрутило невыносимой судорогой. Похоже магический яд комбинировал всё возможное химическое оружие.

Тело Снегова перестало хрипеть и дрыгаться, я победил. И что теперь? Я с нечеловеческим усилием поднёс скрюченную руку к онемевшим челюстям и вонзил зубы в кровавый трофей...

Глава тринадцатая. Куклаколдуна

Спустя миг я осознал, что снова могу видеть и, что важнее дышать. Жжение тоже исчезло без следа. Надеюсь кожа не успела сползти, в таком виде идти к Маше за лечением будет неудобно.

Марионетки лежали смиренно, не то потеряли волю сражаться без кукловода, не то передохли от ядрёной смеси зарина с ипритом.

Я бросил надкусанное сердце алхимика на пол и пинком отправил куда-то под шкафы, положил славно послуживший меч обратно на полку и вытер руки о Снеговскую мантию. Теперь можно и к Раше вернуться. Я аккуратно поднял куклу.

— Ты словно дикий зверь. Набросился и растерзал, не оставив ни шанса. Ты и правда можешь быть полезен.

Хоть голос куклы и сочился сарказмом, я чувствовал, что зрелище кровавой расправы явно пришлось ей по нраву.

— Не хвали слишком сильно. А то начну краснеть. Пойдём отсюда.

— Хорошо. — Я меньше секунды гордился тем, что укротил эту заразу, когда она продолжила. — Хорошо, ты догадался, что у отравителя есть защита от яда, иначе он просто издох бы на месте, и вовремя позаимствовал эту способность сожрав его сердце. Но как, гаввах тебя подери, ты уклонился от Путеводной иглы. Она всегда вонзается в сердце указанного человека. Игла потеряла силу? Нет. Тот, кого укололи, обязательно постарается убить того, кто его уколол. Ты и убил того кто её отправил. Значит проклятие сработало. Не понимаю...

Кукла замолчала, спросить прямо ей не позволяла гордость. Ладно, не буду издеваться. Я вытащил из кармана письмо.

— Вот, письмо Рашимилу. Я слышал что его нельзя уничтожить до того, как его прочитают. Вот и положил у сердца. Вместо брони.

— Ты дурак.

Эх, никакой благодарности за мою доброту и тактичность.

— Это письмо проклято. Теперь ты никогда от него избавишься, пока не встретишь Рашимила. А Рашимил давно мёртв.

Понятно теперь, почему письмо шло в комплекте со скелетом.

— Ну и ладно. Буду дальше у сердца держать. Кстати, тут нет ещё проклятых писем? Если обшить ими одежду...

— Ты невыносим. Просто вынеси меня из этой дыры.

— Именно это я и пытаюсь сделать.

— Подожди... Ты что, правда собираешься хранить меня в своей комнате? Или при себе таскать будешь?

— Ну, таскать тебя на руках и правда будет выглядеть странно, а в комнате чёртов Донни... — я задумался, куда спрятать трофей, который не влезет даже в глубокие в карманы.

— Как предсказуемо. Наложил руки на артефакт до того как придумал что с ним делать... Похоже я переоценила твою разумность.

Я вздохнул и просто ждал, пока Рашимила не изольёт весь накопившийся за годы заключения яд, в конце-концов иммунитет к отраве ещё действовал.

— ... в библиотеке есть заброшенная секция. Там должна быть тайная комната, спрячь меня там. И лучше избавься от трупа. Марионеток можно просто скинуть в угол, туда где старая мебель. А вот мёртвый маг слишком выделяется.

Прелестно. Она уже мною помыкает. Хотя и говорит по делу, вот только снова тащить труп до леса мне не хотелось.

— Просто закинь его в пустой доспех.

— Ты что, читаешь мои мысли?

— А ты заглядывал мне под юбку.

Возразить на это было нечем:

— Ладно, будем считать что мы в расчёте.

Я подтащил труп мага к ближайшему доспеху. Разобраться бы теперь на чём он держится, так, сначала снять шлем... Из шлема тут же выпала жёлтая черепушка с прилипшими остатками волос. А в голове раздался весёлый смех:

— Видел бы ты сейчас своё лицо. Но не сдавайся, здесь должна быть парочка свободных.

И правда, следующий доспех оказался пустым, вот только на то чтобы закинуть в него тело и снова всё закрепить ушёл целый час. Наконец я раскидал по углам остатки марионеток и пошёл на выход. Сторожа ещё блаженно спали, подлецы, Снегов или не стал их будить, или не смог.

— Иди направо. Там ещё одна лестница.

Я прошёл чуть дальше по коридору, и правда, неприметная дверь. Закрытая естественно.

— И что дальше?

— Подожди, я открою.

Кукла всё так же оставалась неподвижной, но замок тихо щёлкнул. Я посмотрел на артефакт с уважением, как минимум это прекрасная отмычка...

— Когда надо будет проходить через хитрые ловушки, я припомню эти твои мысли. Иди вниз по лестнице.

Интересно, сколько в этой Академии изолированных друг от друга подвалов? Хотя может не так уж они и изолированы, наверняка есть всякие потайные ходы...

— Да, здесь есть ходы.

— Раша, мне немного неудобно от того что ты постоянно читаешь мои мысли.

— Хорошо.

— Ты как-то слишком легко согласилась.

— Не согласилась. Я буду читать твои мысли, но больше не буду об этом напоминать, чтобы ты не нервничал.

Я вздохнул:

— Ты невыносима. А этот твой голос в голове, его можно как-то заблокировать? Положить тебя в свинцовый ящик например? Или самому в него лечь?

— Я знаю что ты так не сделаешь. Для тебя слушать голос в голове приятнее, чем собственные мысли.

Винтовая лестница наконец закончилась, подвал оказался на глубине этажей так трёх. Что называется, путь к знаниям долог и извилист, но судя по тому что коснувшись перил я стёр неплохой слой пыли, студенты храм знаний посещали не слишком часто. После лестницы Раша открыла ещё пару дверей и наконец мы оказались внутри. В крошечной тьме. Пусть я неплохо вижу в темноте, но сюда даже не доходил свет от звёзд и растущей

Луны.

Я начал шарить сначала по стенам в поисках выключателя, потом вспомнил, что ни разу не видел выключатели в новом мире. Но искать не перестал, а что ещё делать то? В конце-концов нащупал какую-то палку с круглым навершием, слишком тяжёлую для оружия. Факел? И как его зажечь.

— Ладно, — я почти обрадовался голосу в голове. — Если перестанешь думать о свинцовом ящике, я помогу. Нет, ящик всё равно бы не сработал.

Только здесь, в темноте, я заметил, что у куклы едва заметно засветились глаза, а потом и палка озарила вспышкой циклопический зал библиотеки. Теперь понятно. Почему лестница оказалась такой длинной, потолок терялся в высоте, волшебный факел (на конце палки оказался кристалл, испускающий мягкий дневной свет) просто не до доходил до такой высоты. А вот монументальные шкафы наверняка добирались до невидимого потолка. Взять книги с верхней полкой можно было разве что со стремянкой, две таких (одна из них поломанная), стояли по разным сторонам библиотеки.

— Похоже здесь и правда можно затеряться. Внушительная коллекция.

— Да... Он любил книги. И у него было что-то вроде голема, который превращал одну книгу в несколько. Он спрятал много таких библиотек, чтобы хоть одна уцелела.

Интересно. Кукла что-то вспоминает. Я шагнул вперёд осматривая кожаные корешки, некоторые со стёршимися названиями, но чаще просто чистые. Если каждая книга стоит не на своём месте, то найти нужный текст нереально. Разве что магия поможет.

— Он — это Рашимил? Ты помнишь его?

— Помню... И не помню... Но хорошо помню этот дом. Я жила здесь. Читала книги. Училась. Наверное здесь меня и создали, ведь ничего кроме дома я не помню.

— До этой минуты ты не помнил ничего кроме подвала. Может всё не так плохо?

Кукла молчала. Эх, бедняжка. Прямо принцесса в башне. Побывала бы ты там где я, не жаловалась бы на заточение в гигантском поместье со всеми удобствами.

Ряды монументальных шкафов закончились, теперь стояли шкафы поменьше, и поуже, некоторые совсем кривые, а просторный коридор перегороден столами, на которых тоже навалены книги, но в беспорядке. Ну, эти хотя бы читали. Я задержался, интересно же что читают местные. Так, а что это за потрёпанный том? На коже выдавлен профиль неуловимо знакомого лица... Не может быть. Это ж Гитлер! Ну да, Хренов упоминал этого литератора. Я машинально открыл обложку и пробежался по первым строкам:

'Я любил рисовать картины и баварские колбаски. Ничем хорошим это не кончилось, и я решил заняться политикой. Пригласили вступить в НСДАП, если точнее.

Но вместо долгой и упорной политической борьбы я почти сразу... очнулся в кресле рейхсканцлера? Здесь и Гинденбург с маразмом, и Россия теперь большевистская, и растленные западные демократии там что-то.

Прелестно!

Если у меня не получилось счастливо стать художником, то новый шанс я не упущу!

Со мной опыт МОЕЙ БОРЬБЫ и мои верные партайгеноссе. Этого УЖЕ достаточно чтобы поставить (((их))) на колени.

Осталось выяснить почему я в бункере и что это за чемоданчик забыл на совещании полковник Штауфенберг...

Стоп, что?.. '.

Ну и бред? Кто такое вообще читает? Очнулся я странице на двадцатой, спасибо

раздражённому голосу в голове:

— Ты до утра стоять собрался? У нас дела, потом дочитаешь.

Я нехотя закрыл книгу и засунул её за пазуху:

— А эта книга Рашимилу нравилась?

— Это принесли позже. Раньше сюда приходили студенты, я слышала их бестолковые мысли. Книги Рашимила им трогать не разрешали.

— И что, правда не трогали.

— Открывали украдкой, но всё равно ни слова не понимали. А когда нашёлся один который разобрался, то прочитал заклинание и устроил пожар. Себя угробил, и книги рядом сгубил.

В воздухе и правда чувствовался слабый запах гари:

— Обычная история, самые сообразительные всегда погибают первыми. Надеюсь тайная комната не сгорела?

— Нет, там дополнительная защита. Комнату сделали для опасных книг.

— Ага, но одну забыли снаружи...

— Нет, те что внутри могут делать вещи пострашнее пожара.

— И сейчас я несю тебя в хранилище запретных знаний, способных уничтожить мир, так?

— Именно так. Можешь развернуться и позволить голему разложить твою душу.

Я усмехнулся:

— Нет, я же вижу что ты хорошая девочка и не сделаешь ничего плохого.

Я демонстративно погладил куклу по голове. Волосы как настоящие... или они и есть настоящие? После чтения местных популярных авторов и бы и абажуру из кожи не удивился.

Ожидания гневной тирады, не оправдались, кукла отнеслась к ласке на удивление спокойно.

— Я выполню уговор. Найду в книгах способ помочь тебе. Что я буду делать дальше тебя не касается.

Ну вот, всё-таки обиделась. Нормально же общались... Мы дошли до конца коридора. Теперь я видел, что помещение построено в форме буквы «Г», и мы достигли её вершины. В нишах, каждая из которых сама по себе была размером с зал, снова стояли те же монументальные шкафы, и если справа они были в прекрасном состоянии, то левое крыло порядком обгорело. Обуглившиеся книги всё также стояли на полках, наверняка их даже не трогали после пожара, и может стать текст под обложками ещё можно прочитать. Но я здесь не за этим. Всю дальнюю стену перекрывал самый широкий шкаф, если где-то и скрывается тайны ход, то за ним.

— Так, и за какую книгу нужно потянуть чтобы открылся тайный ход?

— Сначала тридцатую справа и пятую снизу. Потом шестую снизу и семнадцатую слева. Когда надоест, просто сними книги с нижней полки и выбей стенку.

Я вздохнул, даже ругаться и спорить с этой язвой уже не хотелось. Вместо этого аккуратно вытащил книги и проверил стенку. Выбивать не стал, наверняка кукла опять издевается, а просто сдвинул в сторону, тихий щелчок подсказал, что всё правильно.

В открывшийся проём сначала закинул магический факел. Ловушек или монстров на первый взгляд нет, просто комната с книгами и какой-никакой мебелью, так что я забрался в лаз, затащил внутрь Рашу и недочитанную книжку бывшего художника, потом аккуратно прикрыл проход книгами, которые до того снял с полки и закрыл стенку. С внутренней

стороны на ней были хитрые защёлки, так что в комнате можно запереться. А может она и была заперта, просто кукла в нужный момент отомкнула и эти замки.

Теперь можно получше осмотреться. В центре комнаты круглый стол, наполовину заваленный фолиантами, туда я поставил Рашимилу. Три стены закрыты книжными шкафами. Интересно, а за ними есть ходы? Секретная комната в секретной комнате — что может быть оригинальней? Последняя стена была из камня, в котором оставалась просторная ниша, туда я положил книгу а затем устроился сам, отлично, здесь можно вытянуться во весь рост, и по ширине в самый раз. Можно будет выспаться в безопасном месте. Здесь же стоял квадратный стол с кучей ящиков и полки, должно быть секретер (никогда не видел секретеров, но всегда подозревал что примерно так они и выглядят), хотя и на верстак похож, тем более что лежит на нём всякий инструмент: клещи, молоточек, щипцы, маленькие тиски. Здесь же мотки проволоки из разных металлов, обрезки металла и прочий хлам.

Идеальное место для секретной базы. А что по этому поводу думает кукла?

— Раша, мы на месте.

— Спасибо, сама бы я никогда не догадалась. А теперь будь добр, не мешай. Я скажу когда понадобится.

Я пожал плечами, устроился в нише поудобнее и погрузился в увлекательную историю о приключениях бывшего ефрейтора в волшебном мире с злобными и носатыми чёрными магами, прекрасными белокуроыми валькириями, которых он почему то изобразил кентаврами, прочих зверюшек тоже было с запасом. Спустя два часа я наконец добрался до конца истории с очевидным хэппи-эндом и ожидаемым клиффхэнгером, захлопнул том, встал и в поисках новых развлечений снял с полки первый приглянувшийся том. «Артур фон Беренц. Справочникъ целебныхъ и магическихъ грибовъ Дикоземья в двухъ томахъ». Второго тома на полке не было.

— Не то.

Неужели кукла наконец решила подать голос?

— Положи на стол эти книги.

Дюжина светло-синих огоньков поднялись от стола и замерли напротив нужных томов. Я быстро разложил их вокруг куклы.

— Открой их.

— А страницы тоже придётся листать? — я печально вздохнул.

— Нет. Перелистывать страницы я могу сама. Просто подними обложки.

Я раскрыл правую книгу, и страницы, освещенные всё тем бледным светом, зашелестели. Это даже немного завораживало, так что я быстро открыл остальные тома. Интересно, значит кукла владеет телекинезом, но сил хватает только на лёгкие предметы. Теперь понятно как она открывает замки. Интересно, на что ещё способна Раша?

— Нет. Пока я не собираюсь пережимать твои артерии.

— Кажется мы договаривались.

— Ты прав... Я поступила бестактно. Обещаю, что если мне понадобится тебя убить, я выберу другой способ. А теперь достань кристалл, в который поместили душу хозяина тела. Нужно его изучить.

Я нехотя достал камень, который уже вообще-то обещал сестрѣнке.

— Я верну камень когда он будет не нужен.

Сожаления о бестактности оказались совсем уж недолгими. Я положил камень на стол.

— Нет, нужно прикоснуться, положи прямо на меня.

Я подбросил кристалл в ладони и развернулся к верстаку. Кукла ничего не сказала, только страницы зашелестели чуть громче. Я сдвинул хлам в стороны, разложил инструменты, выудил из металлолом обрывки цепочки и подходящий кусочек металла. Примерно через час импровизированная оправа, удерживающая кристалл с душой Сталина висела на заново скреплённой цепочке, которую я и надел на шею куклы.

— Вот. Так не потеряется.

— Очень мило. В своём мире ты был ювелиром?

— Нет. Просто мастерил всякое. Месяцами приходилось сидеть на одном месте, иногда под землей. Было скучно. Вот и наловчился делать разные шутки из хлама.

— Так значит ты был солдатом?

Надо же, в голосе куклы как будто появился интерес, по крайней мере он звучал уже не так презрительно.

— Нет. Никогда не любил весь этот порядок, устав, прогулки строем, форма, значки, приказы разных идиотов. Я был наёмником.

— Ты убивал ради денег?

— Это паршиво звучит. Но да. Правда не сразу. Сначала всё-таки убивал за мечту.

— И что же случилось с твоей мечтой?

— То, что происходит с мечтами. Она сбылась. Естественно не так, как хотел я. А может это была просто не моя мечта.

В разговоре возникла неловкая пауза. Похоже кукла всё-таки вспомнила что-то про бестактность и решила сменить тему

— Значит со скуки ты начал делать украшения?

— Не украшения... Обереги.

— Интересно. Значит в твоём мире тоже была магия?

— Нет. Магии не было. Но некоторые в неё всё равно верили. Меня спрашивали как я умудряюсь не умирать, не знал что ответить, вот и придумал байку про обереги, которые от пуль защищают. И все конечно захотели себе такие же. Кому-то из них повезло чудом выжить, и они начали все рассказывать, что обереги и правда работают.

— А те кто не выжили?

— А те ничего не рассказывали. Так что скоро те кто выжил считали меня волшебником и спасителем. Выстраивались в очередь за оберегами. Заодно верили каждому слову, готовы были пойти в огонь и воду... А потом все умерли. Конец. Мне пора, уже светает, и лучше мне к утру быть в своей комнате. Вернусь следующей ночью.

Я начал освобождать выход из тайной комнаты.

— Хорошо. Я буду ждать.

Глава четырнадцатая. Охранка уже близко

Первые лучи уже пробивались в окно, когда вернулся в комнату. Рыжий не спал, дожидаясь, и даже обрадовался, когда увидел. Ложиться спать уже не было смысла, я только сменил одежду, запасной костюм реквизирувал у Донникова, моя форма всё равно превратилась в окровавленные тряпки, которые теперь придётся как-то уничтожить. У Хренова есть печка, придётся сходить к нему и уничтожить улики. Хорошо что в комнате нашёлся холщовый мешок, Сталина или Донникова, неважно. Осталось только принять душ и, игнорируя любопытные взгляды и осторожные расспросы соседа пойти на завтрак.

Сегодня подали глазуню на сале, после ночных приключений аппетит разыгрался, так что в тарелку я закинул целый десяток яиц, прихватил половину каравай хлеба и начал вдумчиво всё это пожирать, не обращая внимания на галдёж. Аристо опять пытались отвоевать жизненное пространство, люди Кабана были с этим несогласны, всё шло к неизбежной драке, в общем привычный мирный пейзаж. Когда ругань стала уже совсем громкой, а я прикончил половину завтрака, спорящих грубо прервали. В центр столовой влетел настоящий огненный шар, спорщики как молнии разлетелись по углам, а на балконе, где вчера стоял Снегов, красовалась женщина. Горелова, и она явно не в настроении (а бывает она вообще в хорошем настроении?).

— Вы галдите как неотёсанное мужицё. — в голосе магички было столько же ледяного презрения, как и во взгляде. — Вас разбаловали. Мужчины слишком добры к дуракам, когда видят в них отражение собственной тупости. Но сейчас вам придётся научиться себя вести. Сообщаю вам, что архимаг Огородничий отбыл на неизвестный срок в Столицу, а столь любимый вами Снегов без предупреждения покинул стены Академии, должно быть испугавшись ответственности. Так что теперь я возглавляю Академию, и за то время, что она в моих руках, я не допущу никаких беспорядков. Завтрак окончен, занятия сегодня начнутся раньше и закончатся позже.

Студенты побросали ложки и послушно пошли к выходу, я быстро прикончил свою порцию и присоединился к последним выходящим. Донни ждал в коридоре, прислонившись к стенке, и проводил меня до кабинета. Сегодня зачитывали историю, я прислушался было, надеясь узнать что-то о загадочном Рашимиле или на худой конец выяснить международную обстановку, но разговор шёл про какие-то племена с непроизносимыми названиями, которые жили в незапамятные времена, так что я быстро потерял нить рассказа, как и всякий интерес к нему, и погрузился в насущные мысли.

Главный, можно сказать вечный вопрос: «Что делать?». Конечно можно просто подождать пока кукла сама всё придумает, но нет ничего хуже, чем просто ждать. Да и не факт что она чудом решит все проблемы, чай не в сказку попал. Заняться устранением Гореловой? Цель конечно достойная, но не главная. Ещё сестрёнка. Ей нужны деньги. Да и мне не помешают. Как минимум нужно прикупить запасной одежды, она на мне в последнее время долго не держится. И раздобыть какое-нибудь оружие. Конечно лучшее оружие кулаки, и они всегда при мне, но как минимум пригодится нож, чтобы удобнее было сердца магов из груди вырывать.

Итак, проблема обрела ясные очертания — добыть денег, желательно побольше. Вариант с работой отмечаем сразу как противоестественный. Можно показать Бериевой добытое письмо и, как заправский альфонс, вытянуть деньжат у прекрасной суженой.

Проблема в том, что я не знаю как выйти с ней на контакт. Есть Волшебный Лес, дары которого можно выгодно сбыть. Благо аптеку, которую Хренов присоветовал Ходуновой, я тоже видел и запомнил. Вот только в местной ботанике я тоже не очень. Надо исправлять пробелы в образовании, тем более что и книгу подходящую в руках держал. Опять же, дело не быстрое.

Остаётся последний, самый быстрый и надёжный вариант — мародёрство. Раз уж Снегова я прибил, надо бы его ещё и ограбить, наверняка этот гад хранил в комнате кубышку на чёрный день. И тревожный чемоданчик, вон, Горелова даже не удивилась что он исчез. Надо бы нанести визит.

За размышлениями я досидел до конца занятий... Ну как досидел, ближе к середине неплохо вздремнул и проснулся только когда студенты пошли на выход. Остаток дня потратил с пользой. Сначала отнёс окровавленные вещи в избушку Хренова. Там, многозначительно перемигнувшись с великаном, уничтожил доказательства вины. Потом была качалочка, где Кабан отчитался о ночном рейде. Пошумели знатно. Несколько аристов из благородных, которые оказались посмелее собратьев и вышли разобраться с «байстрюками», на личном опыте узнали что такое власть большинства. Их побили (Кабан божился, что никого не покалечили, а так, слегка вломили для острастки) и закинули обратно в комнаты. Закончилось выступление тем, что в коридор влетела разъярённая Горелова в ночной рубашке и начала поливать всех огнём и матами. Кабану, который возглавлял народные массы, опалило брови, а лицо пылало ярко-красным загаром, благо магичка хоть и вышла из себя, всё же не стала жечь молодняк напалмом. Ну, зато понятно с чего она сегодня не в настроении.

На ужин подали пустую гречку и чёрный хлеб, а вот и репрессии начались. Ну, посмотрим как плохая кормёжка предотвратит намечающийся бунт, это ведь всегда срабатывает. Или это я один возмущаюсь, потому что быстро привык к хорошему питанию?

Закончив с ужином, я собрался было в комнату чтобы вздремнуть перед вылазкой, но тут где-то в глубине поднялась тревога. Я насторожился. Ходунова, как-то слишком быстро и нервно шла к выходу. Я немного задержался, пропустив впереди стаю студентов, и пошёл за ней не привлекая внимания. В конце коридора Элен, Донников уже поведаль как её зовут, разговаривала с двумя типами в штатском. Остановиться и подслушать значит выдать себя, так что я как мог медленно прошёл мимо, боковым зрением оценивая визитёров.

Одеты с иголочки, глаза пустые, и кожа гладкая как у детей, хотя на вид им под сорок. Тайная полиция. Даже если бы я не знал, что Ходунова с ними сотрудничает, всё равно бы узнал, они во всех мирах на людей не особо похожи. Элен явно не в восторге от разговора, но старается не подавать виду. Интересно, они здесь с какой целью? Гадать не надо, поводов для беспокойства я им доставил порядочно. А значит сейчас они проверят всех, кто контактировал с Малафеевым. А может и про Снегова уже в курсе, слухи здесь быстро расходятся. И после разговора с агентом они пойдут в его комнату, а значит плакал мой возможный заработок. Разве что сыграть на опережение и успеть раньше них.

Я свернул в переход, потом в ещё один, привычным движением заныкал медальон под ковром в женском общежитии и пошёл в преподавательское крыло, на ходу придумывая план по проникновению. Эх, сейчас бы помощь Раши с её волшебной отмычкой пришлась кстати...

«Я могу помочь»

Прелестно, значит она может слышать меня по всей Академии.

«Могу. А ты значит решил ограбить мертвеца?»

— Да. Тебе прихватить сувенир?

«Возможно. Книги, реагенты, кристаллы. Всё пригодится».

— Тогда как насчёт...

Я не успел договорить, когда ближайшая дверь щёлкнула отомкнутым замком.

— Кстати, может мне не нужно говорить, раз ты и так читаешь мысли?

«Нет. Лучше говори. Мысли путаные, слова легче понять. Дорога свободна.

Преподаватели сейчас будут разговаривать с неожиданными гостями».

— Ты про тайную полицию? Очень кстати. А их разговор ты подслушать можешь?

«Думаешь расскажут что-то новое? Ты так наследил, что даже странно, как тебя до сих пор не скрутили. Если будут поблизости от тебя, я предупрежу».

Эта кукла слишком полезная помощница для проклятого артефакта. Интересно только, какой у неё побочный эффект. Постоянное чтение мыслей с ехидными комментариями, или...

«Тебе не понравится».

— А ты умеешь интриговать, — наконец я добрался до комнаты где Огородничий встречался с Малафеевым, осталась последняя лестница, и я попаду в святая святых.

«Стой! Один из охраны идёт сюда. Ты успеешь уйти».

Я мгновенно оценил ситуацию. Если уйду сейчас, то точно упущу возможность. Ясен холм, чтобы они там ни искали, значку Снегова прихватят и не поморщатся. А я уже считаю её своей! Трофей как-никак. И по пути могу столкнуться, тогда расспросов тоже не избежать. Не люблю я все эти моральные дилеммы... Лучше рискнуть и сделать, чем жалеть что не сделал.

— Раша, отомкни дверь, я успею.

«И всё-таки ты дурак, теперь придётся искать другого помощника».

— Можешь начинать, сразу после того как откроешь дверь.

Кукла не ответила, обиделась что ли? Но дверь приветливо открылась.

Теперь главное не терять времени. Сначала проверить выходы. Дверь, через которую я зашёл, тут же закрыл, благо изнутри и здесь замок закрывался без ключа. Окно выходит на балкон. Опа, а тут у всех комнат балконы, и можно перепрыгнуть с одного на другой, это плюс. Зато вниз выпрыгивать — высокогато. Теперь шкаф, несколько преподавательских мантий, плащи, халаты, ничего интересного. Письменный стол. Часы на цепочке, явно золотые, но с гравировкой, такое лучше не брать, обязательно попадётся на перепродаже.

Дневник, но там ничего кроме расписаний занятий и фамилий студентов с пометками. Может это и правда хитрый шифр, но возиться с ним некогда. Музыкальная шкатулка с балериной, алхимик не чужд прекрасного.

Теперь ящики. Куча записей, и почерк у Снегова был преотвратный, да ещё и мелкий, так что я просто начал шарить среди бумаг руками, пока не наткнулся на твёрдый кошель. Есть! Джекпот сорван. Я быстро распутал завязки, золотые монеты, два десятка. И перстень на печатке трезубец оплетённый ветвями, это уже интересно, может быть не просто побрякушкой. На оправе небольшой выступ, стоило нажать, ка трезубец поднялся, о опоясывающие его ветви превратили три лезвия в подобие ключа. Повторное нажатие на штырь вернуло лезвия в горизонтальное положение. Отлично. Осталось только найти замок для диковинного ключа.

В остальных ящиках нашлось ещё несколько монет, мелкие серебряные, явно просто

забытые, их я тоже прихватил. Всё-таки золотым на рынке не считаешься, придётся менялу искать, а деньги могут понадобиться в любой момент. Ладно, пора уходить. Я осторожно подкрался к двери....

Вот же холм огромный! Есть шаги. Тихие зараза. Будто крадётся кто-то.

«Я же говорила. Прощай, Сталин. Буду иногда тебя вспоминать. Умей я плакать, обязательно бы всплакнула».

Нет, не дождёшься, родная. На цыпочках я вышел на балкон, аккуратно прикрыл дверь, перескочил на соседний и вошёл в комнату. Так, теперь дождаться пока охранитель зайдёт куда ему надо и начнёт обыск.

Кстати, насчёт обыска... Может заодно и эту комнату обнести? И чья же она? Ну, тут без вариантов, портрет Гореловой на самом видном месте. Недостатком самолюбия ведьма не страдает. И побрякушки валяются на дамском столике у зеркала. Только трогать нельзя, наверняка хватится даже если я хоть одну пылинку сдую. Ну, разве что аккуратно ящики проверить. Начал с мелких, но не нашёл ничего интересного. Зато самый большой не подвёл. Внутри лежал резиновый (или каучуковый?) член. Размером с руку. Я закрыл ящик. Желание продолжать обыск сразу пропало.

Тем более шаги подошли к двери Снегова, ещё пара секунд и дверь хлопнула. Можно выходить, главное тихо...

Ах ты ж холм огромный! Если Горелова что-то и смазывала, то явно не дверь, скрипнула она совершенно зверски. И охранитель явно это услышал. Я рванул к лестнице на максимальной скорости

— Стой! Немедленно вернись!

Ага, уже разворачиваюсь. Ты меня только со спины видел, удачи отличить одного студента в форме от другого. Будто понимая всю глупость своих криков, охранитель пальнул какой-то молнией, воздух наполнился запахом озона, но я уже был этажом ниже и бросился вперёд. Охранитель гнался следом, но запутанные коридоры Академии сейчас были на моей стороне. Нужно сбросить хвост и спрятаться, пока тревога не пройдёт.

— Стоять! Ты окружён!

Голоса доносились издалека, но с двух сторон. Холм огромный, они могут связываться между собой и сейчас меня организованно берут в клещи. Так и примут, прямо в женском общежитии. Ну что же, придётся теперь прикончить слуг государевых и полностью переходить на нелегальное положение. Тут одна из дверей открылась и тонкая рука поманила внутрь. Я последовал приглашению, ворвался в комнату благотельницы. Элен, прижимая палец к губам, схватила меня за руку и чуть ли не силой втокнула в душ, а сама села за стол как нив чём не бывало. Просто прилежная студентка готовится к занятиям.

Эта актёрская игра оказалась лишней. Ещё минуту в коридоре была какая-то возня, приглушённый звук спора, который похоже закончился тем, что охранители смирились с неудачей и ушли прочь. Я вышел из душа и подошёл к Элен, как мог благожелательно улыбаясь:

— Что пишешь?

Девушка покраснела:

— М-мне сказали. Написать про всех.

— Покажешь? — я положил руку ей на плечо и забрал лист из тонких пальчиков, ага список фамилий и пара строчек характеристики на каждую. Глаза остановились на букве «С»

— Сталин, Дмитрий Иванович. Общительный, добрый, в подозрительных делах не замечен, — я засмеялся. — Ты забыла добавить «красивый».

Девушка на мгновение благодарно улыбнулась, но тут же погрузилась в задумчивость:?

— Я ничего не сказала им про тебя и Малафеева. Ты был добрым. Все держатся от меня подальше, но ты другой...

Я едва погладил девушку по щеке, и Ходунова прильнула ко мне всем телом. Я помог ей подняться со стула:

— Спасибо. Ты хорошая девушка. И смелая. Ты не боялась, что охранка сюда заглянет?

— Нет. Если бы они заглянули, я бы сказала, что специально тебя заманила. — Элен двусмысленно хихикнула

— Я даже догадываюсь зачем.

Похоже она в порядке. И мы стоим опасно близко. Рука сама легла на её талию, второй рукой я продолжал гладить её по шее, спускаясь всё ниже.

— Ч-ч-то? Что ты делаешь?

— Собираюсь поймать царскую охранку.

Глава пятнадцатая. От женщин кругом голова

От Элен я вышел уже за полночь, неплохо отдохнув. Внезапная проверка должна уже закончиться, утром расспрошу Кабана что конкретно типы из охраны здесь вынюхивали. И сестрёнку надо навестить, обрадовать хорошими новостями. Ну а пока можно заглянуть в библиотеку и узнать что там кукла надумала.

Добрался до цели без приключений, коридоры пустовали, после визита охранителей никто не хотел лишней раз показываться на свет, а двери дружелюбно распахивались, с одной стороны это удобно, хотя мысль о том, что за мной постоянно наблюдают, немного смущала. Я конечно не особо стеснительный, но всё равно как-то беспокойно на душе.

Наконец я добрался до нужного шкафа и забрался в потайную комнату. Раша продолжала молчать, так что я просто устроился в нише и немного полистал справочник грибов.

— Я думала этой ночью тебя можно не ждать.

Голос источал нотки обиды.

— Погоди? Ты меня ревнуешь?

Если она читает мысли, то может видеть всё в подробностях. А это уже и правда неловко.

— Дурак. Я не могу ревновать. Если ты не заметил, я проклятый магический артефакт, и у меня нет человеческого тела. Ваши человеческие утехы нелепы и отвратительны.

— Значит всё-таки ревнуешь, — я миролюбиво улыбнулся и решил сменить тему пока в меня не полетело смертоносное заклинание. — Ты нашла способ справиться с моей проблемой?

Кукла немного помолчала, словно собираясь с мыслями.

— Не совсем. То, что ты даймон, усложняет задачу. К тому же тело не твоё, проще всего было бы вернуть в него настоящего Сталина, а тебя изгнать вместе с големом.

— Но ты этого не сделаешь потому что я тебе нравлюсь больше чем Сталин, верно?

— Дурак... Ты можешь быть полезен, но не более.

Я отложил книгу и сел на свободный угол стола.

— Хорошо, я просто могу быть полезен. Так какие у тебя идеи?

Страницы разложенных вокруг куклы книг зашелестели. Но хоть в голову не полетел том поувесистей.

— Нужно обратить ритуал извлечения. Нам понадобится та машина. Её придумали после Рашимила, так что я не могу просто взять и использовать её. Нужны ключи. Всего их три.

— Дай угадаю, они должны быть у Огороднического, Гореловой и Снегова? Это случайно не один из них? — я достал из кармана перстень из комнаты алхимика.

— Да, — неужели в голосе куклы послышались нотки одобрения?

— И ты даже не скажешь что я молодец?

— Обойдётся. К тому же нужно найти ещё два. Хотя возможно мне хватит двух, Огороднического всё равно в Академии нет, значит нужно забрать у Гореловой.

Я кивнул:

— В её комнате ключа не было, если конечно её ключ не выглядит как здоровенный резиновый хрен...

— Пожалуйста, избавь меня от сальных шуточек. Горелова носит ключ при себе, добудь его. Можешь попытаться и её соблазнить. Или просто убей. Не важно.

Я изобразил гримасу отвращения:

— Соблазнять её? Увольте, сударыня. Никто не любит женщин, которые смотрят на мужчин свысока, оскорбляют, и главное — не ценят.

— Ха-ха. Очень смешно. Если бы ты тратил на поиск ключей столько же сил, сколько на глупые шутки, все они были бы уже у тебя.

— Но это было бы слишком скучно. Тебе нужно что-то ещё кроме этик колечек?

— Нет. Для ритуала нужен пустой кристалл, но это не проблема, можно очистить тот, что у меня на шее. Конечно, это окончательно убьёт Сталина, но какая разница, ты же всё рано не собираешься возвращать ему это тело.

Вот теперь кукла задела за живое, и внутренний Сталин напрягся. Хорошо когда тело в другом мире достаётся просто так, но это не мой случай. И как-то нехорошо коробит изнутри. Одно дело лишить кого-то жизни, когда он сам не против тебя убить. Но тут, по факту, я должен забрать жизнь у того, кто ничего мне не сделал. У гражданского. У меня не так много правил, но не убивать невинных — это основа, без которой ты просто очередной бандит. Даже не бандит, а хуже — беспредельщик.

— Прости, Раша, этот кристалл я уже кое-кому обещал. Так что использовать его не будем.

— Как хочешь. Тогда просто добудь пустой, для меня нет разницы. А теперь оставь меня, иди к одной из своих девок.

Я ухмыльнулся во все зубы.

— Конечно, пойду, буду тратить деньги. И трахать девок. Я ведь человек простой, лёгкие деньги, вкусная еда, красивые бабы, что ещё нужно для счастья? Ради этого я и живу. А ради чего ты делаешь это? Упиралась когда я тебя забирал, хотя уже присмотрела место. Прогоняешь, хотя сама ревнуешь, и не отпирайся. Зачем?

— А зачем ты стараешься выглядеть хуже, чем есть на самом деле?

Я рассмеялся:

— Ты правда считаешь что я на самом деле хороший парень, который защищает слабых и восстанавливает справедливость, а грубый только потому что жизнь была тяжёлой? С волками жить по волчьей выть и все дела?

— Нет, — отчеканила Раша. — Ты совершенно, абсолютно отвратителен. Но при этом как-то умудряешься выглядеть ещё хуже!

И тут мы одновременно рассмеялись, напряжение, которое повисло в воздухе и разве что не потрескивало статическим электричеством, как-то само собой растворилось. Ещё пару часов я провёл в комнате, достал с полки новые книги для Раши, потом под медитативный шелест страниц изучал справочник фон Беренца. Правда конкретно про грибы, которые можно было бы добыть в ближайшем лесу, я так ничего и не нашёл, в основном текст состоял из эзотерических рассуждений о природе гавваха и его влиянии на жителей Империи, впрочем написано было интересно. Стоявшая рядом с грибным справочником книга про скоростные гонки на каретах тоже не порадовала чем-то полезным, так что я вернулся в комнату и пару часов до подъёма даже поспал.

Нужно что-то делать с режимом, пока что я выдерживаю недосып только благодаря молодому телу Сталина, но такими темпами быстро обмякну. Усталость накопилась настолько, что на какой-то миг даже в столовую идти не хотелось, однако голод всё ещё был

достаточно сильным стимулом.

Настроение по пробуждении было паршивым. Вчерашний разговор с куклой никак не шёл из головы. Был ли я когда-нибудь хорошим человеком? Нет, когда-то я был наивным мальчишкой который верил в то, что однажды добро победит и всем будет хорошо, но жизнь быстро показала что к чему.

Доброта — это роскошь, доступная лишь тем, кто на самой вершине. А чтобы оказать на вершине нужно быть злым ублюдком, готовым грызть плетки... Как дикий зверь... И даже если прорвёшься на самый верх, останется в тебе хоть что-то человеческое? Что хуже, зверь или голем? Ради чего я вообще сражаюсь? Чтобы не сдохнуть? Так я ведь и не могу умереть. А если вдруг смогу, разве это не то, к чему я так долго стремился? Может и правда пришло время закончить всё к чертям?

Или всё не так плохо и это шанс начать всё сначала. Позаботиться о младшей сестрёнке, которой у меня никогда не было. Завести друзей, которые не умрут через пару месяцев. Правда и сестрёнка, и новые друзья жаждут убивать не меньше, чем враги. Есть между хорошими и плохими вообще хоть какая-то разница? Даже здесь, в Академии, куда свозят опасные отбросы со всей Империи, одни байстрюки с упоением травят других. И разве с моим появлением что-то поменялось?

Я оглядел трапезную. Столы снова стояли так же несправедливо, как в мой первый день. Только теперь уже «благородные» жмутся в углу, а подручные Кабана, моя новая стая, наслаждаются простором. Ещё вчера такой расклад полностью меня устраивал. Но сейчас из головы никак не уходили мысли, насколько же на самом деле тонка и размыта красная линия, разделяющая байстрюка и аристо.

Я вздохнул и громко, хоть и не переходя на крик, произнёс:

— Не так сели!

Я обвёл столовую стальным взглядом с удовольствием отмечая, как по залу пошёл холодок. Аристо сжались, в ожидании новых неприятностей, байстрюки звонко гоготали. Пока я не перевёл взгляд на них. Шум стихал, воцарилось гробовое молчание.

Кабан заёрзал и даже привстал, пытаясь понять, где накосячил. Неужели недостаточно прижал этих аристо?

— Переставьте столы. По справедливости. Ровно. — я сделал достаточно прозрачный намёк и наконец Кабан всё понял.

Байстрюки, пару секунд помявшись для приличия, немного скучковались, аристо приободрились, я переключился на них всё с тем же ледяным взглядом, чтобы не слишком увлеклись и не подумали, что возвращаются старые порядки. Они тоже сообразили что к чему и начали двигать столы, пока все не устроились одинаково удобно. Вроде бы мелочь, но это лишь первый шаг. Да, выбрать одну группировку и возвысить её за счёт другой всегда самый простой вариант, но если под моим началом будет две банды, это очевидно в два раза лучше.

Закончив с перестановками я почувствовал, что мрачное настроение понемногу отпускает и спокойно позавтракал жидкой и безвкусной кашей, Горелова дорвавшись до власти в Академии всерьез заботилась о том, чтобы студенты были стройными и подтянутыми.

Затем поручил Кабану продолжать наблюдение, в особенности следить за Гореловой, Донни приставил к нему, как усиление и своего адъютанта, а сам пошёл к выходу, не терпелось прогуляться в город. Занятия подождут, тем более что сегодня по расписанию был

Снегов, замену которому ещё не нашли.

Возле ворот меня уже ждали. Маша стояла у левой створки, а Элен у правой. И взгляды у обеих такие добрые-добрые. Отступать некуда, только включать наглость и идти напролом.

— Привет! — я как мог доброжелательно улыбнулся и взял обеих под руки. — Тоже в город собрались? Идём вместе.

Пока девушки приходили в себя от наглости, мы уже прошли метров сто. Я выкладывался на полную, постоянно переключая внимание девушек а не яркое солнце, синее небо, зелёную траву и щебечущих птичек, перебивая это на скорую руку переделанными под местные реалии сомнительными шутками... И это работало, Маша с Элен прекрасно проводили время, только я, дойдя до города чувствовал себя так, будто всю дорогу тащил на себе два мешка с сахаром.

Так мы и добрались до приюта, я оставил свой мини-гарем сидеть на лавочке и быстро зашёл в двери, на ходу отметив, что дворник учтиво поклонился. С одной стороны это льстило, но с другой, такое раболепие напрягало. Чем благодарить лучше бы научился за себя постоять. Хотя не слишком ли много я требую? Простой мужичок вряд ли что-то сможет противопоставить наглому выродку из богатой и влиятельной семьи. Всё что он может — это умереть. Ха-ха, а я и этого не могу...

Приют встретил пустотой, тишину нарушал только слабый гул из левого крыла, все зачем-то собрались там. У них какое-то мероприятие? Наверняка сестрёнка не обидится, если я вытащу её с унылого представления художественной самодеятельности или отчёта о том, как много стало хорошего и мало осталось плохого.

Я распахнул двери, из-за которых доносились аплодисменты и стал на свету в проёме, пытаюсь найти Лизавету. Одна из нянечек кинулась было коршуном на нарушителя регламента, но на полпути узнала и отошла. И тут мне в руку впились крохотные стальные пальчики и потащили за собой.

— А ты молодец. Даже не заметил как ты подкралась. Конечно здесь шумно и темно...

— Тихо — сестрёнка приложила палец к губам, — Сейчас Родион Романович будет выступать.

Сестрёнка подвела меня к пустующему креслу и уселась рядом, продолжая тянуть за собой.

Родион Романович... Знакомое имя. На сцену вышел худощавый мужчина с длинными волосами и измождённым лицом. На вид не слишком старый, но весь в морщинах и с особым, сибирским «загаром», какой появляется при долгом оздоровительном труде на свежем воздухе в тридцатиградусные морозы, на гладко выбритых щеках. Одет в потёртый неприметный плащ и высокую шляпу с полями, тень от которой закрывает глаза. За поясом два лёгких топора, рукоятки блестят белым металлом, должно быть серебром, и это единственный предмет роскоши.

Я наклонился к сестрёнке:

— Кто это?

Её глаза загорелись восхищением:

— Это сам Раскольников! — шёпот сестренки почти срывался на крик. — Он пришёл к нам! Чтобы выбрать императорских учеников! Я могу попасть в школу убийц даже без денег. Здорово, правда?

Глава шестнадцатая. Кровь дороже золота

Лизавета так искренне радовалась, что язвительная насмешка застряла в горле. Начни я ей объяснять, что убийства — это холмовая работа, сейчас точно не станет слушать. Вырастет — поймёт. Если конечно сумеет вырасти.

А Раскольников уже заговорил, голос у него оказался хриплым и шипящим, но всё же хорошо поставленным.

— Здравствуйте, юные дамы. Для меня огромное удовольствие видеть здесь столько прекрасных и радостных лиц. Когда-то, как и вы, я оказался один в этом мире. Потерянный, забытый, не знавший руки помощи. И на грани смерти от голода и чахотки я задал себе вопрос: «Тварь я дрожащая или право имею?». Жестокий вопрос, непростой, но именно он привёл меня к тому, кем я стал...

Дальше Раскольников в лучших традициях тренингов личностного роста рассказывало прелестях жизни, доступным убийцам на службе императора, так что скоро я начал пропускать поток словоблудия мимо ушей, вместо этого разглядывал Лизавету, которая до умиления радовалась, ловила каждое слово и только что с кресла не подпрыгивала.

Впрочем, самое важное в речи я выцепил. Во-первых, приют окучивали уже с начала года, поэтому у сестрёнки и были наготове бумаги. Во-вторых, в школу действительно могли взять бесплатно, точнее за счёт государственной казны. Но как говорится, есть нюанс. После двух лет обучения юных убийц могли призвать на службу, отдавать долг Империи. Те же, кто умудрялся найти деньги, от этой обязанности освобождались. Знакомая схема, и патлаты с каждой минутой нравился мне всё меньше и меньше.

— ...Каждый, кто хочет пройти испытание и попасть в школу убийц может зайти в кабинет настоятельницы через десять минут Слава Императору и многие ему лета!

Славить Императора девочки из приюта не спешили. Вместо этого они повскакивали с мест и ломанулись к выходу. Лизавета тоже было подорвалась, но я быстро схватил её за руку:

— Не суетись. Раскольников никуда не убежит. Тебя ничего не насторожило?

— Насторожило? Это ведь такой шанс! Ты собираешься мне помешать?

Глаза девчонки свирепо сверкнули, на мгновение было похоже, что сейчас она ткнёт спицей мне в живот. Я успокаивающе потрепал её по плечу:

— Пойдём вместе. Хочу познакомиться этим Родионом.

Сестрёнка мгновенно растаяла и сама вцепилась мне в руку. И её рука дрожала. Ни в чём она не уверена, и ни капли этому Раскольникову не верит. Просто другого пути не видит. А есть ли он этот мифический другой путь?

Возле кабинета настоятельницы уже собралась немаленькая очередь из девчонок, но женщина в чепце, судя по строгому виду это и была настоятельница, кивнула мне и нас пропустили без очереди.

— Здравствуйте, молодые люди, — Раскольников был неожиданно приветлив. — А вы значит брат и сестра? Можете не отвечать, фамильное сходство налицо.

Я не представлял что у меня и Елизаветы может быть общего, но одобрительно кивнул.

— Дмитрий и Елизавета Сталины. Нас интересует ваше предложение.

— Понимаю. Но должен сразу уточнить — по императорской милости набирают только юных девушек, так что вам, юноша, я вынужден отказать...

— Меня не интересует. Моя сестра хочет у вас учиться, и я предпочёл бы обойтись без «императорской милости».

Хоть я и старался быть невозмутимо вежливым, но не сдержал отвращения когда говорил о царской подачке.

— Во сколько обойдётся обучение?

Раскольников внимательно осмотрел мою ученическую форму с плеча Донникова, которая заметно жала в районе бицепсов.

— Цена серьёзная. Один год обойдётся в пять золотых червонцев. Плата за первые три года вносится сразу. Всё это время наши ученики занимаются физическими упражнениями и получением знаний. После трёх лет, а в исключительных случаях и после второго года, наша школа позволяет им брать простые контракты в счёт платы за обучение, так что при определённых успехах, а в потенциале вашей сестры я не сомневаюсь, дальнейшая плата не понадобится. Вы готовы внести эту сумму?

Лизавета покраснела и уставилась на меня. Ещё минута, и она расплечется от обиды.

— Значит пятнадцать золотых?

— Да, — Раскольников вздохнул, — возможно не стоит так резко отвергать милость Императора. Сударыня двигается как кошка, а её крепкие мышцы не скрыть под этим серым платьем. Жаль упускать такой самородок.

Я рассмеялся:

— Что вы, я просто немного удивился, думал что сумма будет больше. Рассчитаемся сразу?

Я вытащил из кармана мешочек с золотом и высыпал монеты на стол, ловко придержав пальцем лишнюю шестнадцатую.

На лице Елизаветы грусть сменилась страхом, постепенно переходящим в ужас.

— Откуда? — выдохнула она.

Родион не двигался, и внешне не выражал эмоций, но смотрел на меня в упор.

— Из профессионального интереса я вынужден спросить: где вы взяли эти деньги? Если вы ради них кого-то убили, брать их будет против правил.

Прозорливый малый, зрит что называется в корень. Но нет, убивал я не ради денег, а по зову сердца. Деньги лишь приятное дополнение. Однако надо выкручиваться:

— Одолжил у родителей невесты. Они дают солидное приданое.

— Что-о-о-о? Ты женишься и я об этом не знаю? Кто это? — страх сменился яростью.

Я интригуяюще молчал. Раскольников хмыкнул:

— Так вот в чём дело. Местные сплетники всю обсуждают помолвку Натальи Бериевой. Теперь я знаю кто этот счастливчик. В таком случае все вопросы о происхождении денег сняты.

— Подожди, — яростно зашипела сестрёнка. — Ты был против того чтобы я вышла за этого мерзкого Бериева, а теперь сам женишься на одной из них?

— Ну, она не настолько мерзкая как её братец. Кстати, твоя помолвка с Бериевым расторгнута. Тебе не обязательно идти в убийцы.

Сестрёнка замотала головой:

— Нет, я хочу учиться. Хочу стать сильной. Тем более теперь мне не придётся отдавать долги Императору, и я смогу просто защищать свой род. Чтобы никто не смог убить нас!

— Похвально, Сталина. Возможно через три года уже вы сможете защищать брата, — улыбнулся Раскольников.

— Это вряд ли, — ухмыльнулся я. — Приложу все усилия чтобы не уступать сестрѣнке. Так когда начнѣтся учёба?

— Через три дня. Как раз успеете наговориться на три года вперед. Не будем терять времени, скрепим договор на месте.

Раскольников быстро заполнил гербовую бумагу, поставил увесистую печать и отдал договор мне, я тут же передал его сестрѣнке и мы вышли под завистливые взгляды девочек из приюта.

Елизавета утянула меня к уже нашему месту возле чулана, лавочку уже починили, так что мы присели.

— Спасибо, даймон. Если я могу что-то сделать для тебя, только попроси. Даже если сейчас я бесполезная, через два года...

— Не беспокойся. Кстати, я отобрал у злодеев кристалл с душой твоего брата. Он в надёжном месте. Если хочешь, я принесу его тебе. Сможешь сохранить?

— Да, — Елизавета кивнула, украдкой смахнув непослушную слезинку. — Я буду хранить его пока ты не придумаешь как всё исправить. Ты ведь придумаешь, да?

Я погладил её по голове, и сестрѣнка даже не стала ершиться.

— Да, у меня появилась новая подруга, которая разбирается в магии и ищет решение.

— Эта твоя подруга что, Бериева?

— Нет, что ты, с Бериевой мы всего лишь помолвлены. Может когда-нибудь я вас познакомлю. А пока, мне и правда нужно кое-что от тебя.

Елизавета с самым наисерьѣзнейшим видом кивнула.

— Всё что в моих силах.

— Хорошо. Извини за непристойный вопрос, но, ты ведь девственница, верно?

Елизавета покраснела.

— Верно. И ты не получил пощёчину только потому что я тебе пока ещё не благодарна.

— Тогда уверен, что сейчас пощёчины не избежать. Мне нужны твои трусики, ношенные и нестиранные. Можешь бить.

— Что-о-о-о, — сестрѣнка чуть не задохнулась от возмущения а глаза округлились так, что стали похожи на золотые червонцы. — Как ты смеешь! Зачем они тебе нужны... Больной даймон!

— Послушай, мне они нужны для дела. Но я понимаю что любое объяснение будет слабовато. Так что просто отдай их мне.

— Отвернись, даймон.

Я послушался. Скоро мне на колени упал кусок кружевной ткани.

— Доволен?

— И платок. Нужно их завернуть.

— Зачем, чтобы запах не выветрился?

— Именно. Ещё раз, они нужны мне для дела. Я бы раздобыл в Академии, но девственниц там днём с огнём не сыщешь...

— Не говори ни слова. Просто притворюсь что ничего не было. Жду когда ты вернёшься с душой моего брата. Бывай, даймон.

Ладно. Похоже она не слишком обиделась. Не мог же я рассказать о своих планах по хладнокровному устранению преподавателей Академии, пусть уж лучше считает меня даймоном-извращенцем, чем бессердечным убийцей. Хотя убийцы ей вроде как нравятся. К чёрту всё, лучше пойду назад, к гарему, чтоб их.

Маша и Элен были там, где я их оставил. Я опасался, что они без присмотра вцепятся друг дружке в волосы, однако девушки беззаботно болтали, что-то о брачных традициях горских князей. Значит уже поделили между собой тело Сталина.

Приобняв подруг, я прошёлся поместным лавкам, внимательно разглядывая товары, это лучший способ узнать побольше об окружающем мире. Конечно, сходить на ярмарку было бы информативнее, и будь я один, так бы и сделал. Но там может быть небезопасно, а подруги висели балластом. Радовало, что они не слишком мешали, слишком увлеклись спором о днях недели, ведь семь не делится на два. Меня подмывало съязвить, что хотя бы один выходной надо оставить, но пока сдерживался.

Сначала завернули к портному, на пошить костюм с нуля не было времени, я уже с трудом влезал в форму, а Маша прозрачно намекала на очередной сеанс роста мышц, так что выбрал пять штук более-менее подходящих комплектов студенческой формы, и пока их ловко подшивали, мы заглянули в пекарню-кондитерскую, где выпили чаю с неизменными пирогами. В этот раз напитки интересовали меня больше чем еда. Так, ничего похожего на кофе не было, жаль я по нему уже скучаю. Пирогов с картошкой тоже не оказалось, похоже что этом мире Америки нет, либо её так и не открыли и сейчас где-то за океаном наслаждаются вольной жизнью и курят трубку гордые индейцы.

Лавочник расхваливал заграничный чай из самого Гнилоземья, естественно самый дорогой. Чай этот оказался довольно вкусным, и без всяких травяных добавок. Здесь есть другие страны, и с ними ведут торговлю, значит Империя пока не захватила мир. И это название — Гнилоземье... Довольно странное для страны. Хотя вероятнее всего так называют их только в наших краях, в моём мире германцы тоже не называли себя немцами. Нужно будет поискать в книгах что там за границами Империи.

Дальше купил девушкам по золотому браслету, надо было отблагодарить за приятно проведённое время, хотя сейчас их общество меня скорее отвлекало от основной задачи. Нет, девушки конечно хороши, но только в меру.

— Милый, разве ты не видишь, что эти красавицы предпочли бы кольца?

Даже не оборачиваясь я узнал этот мягкий и одновременно издевательский голос. Бериева во всей красе. Интересно, она зашла случайно, или ей докладывают о моих перемещениях? В том же приюте наверняка есть купленный человек. Во только сцен ревности мне тут не хватало. Ведь как показывает жизненный опыт, что бы сейчас ни произошло, в итоге я останусь виноватым.

— Здравствуй, Наташа. Это Маша и Элен, — я решил держаться доброжелательно и представил подруг своей «невесте».

— Рада познакомиться, — мило улыбнулась Бериева. — Хотя я слышала о вас. Лучшие целительница Академии, одна может исцелить любые раны тела, а другая снять печаль и помутнение рассудка.

Вот же холм огромный. Я до сих пор не поинтересовался что умеет Элен, не привык, что в этом мире все маги со своими особенностями. Но если Маша чувствует боль исцеляя раны, то Элен... Бедная девочка...

— У тебя прекрасный вкус, дорогой, — продолжала беспощадная Наташа. — Они прекрасны собой, а их умения усилят любой клан. Но надеюсь ты не забыл о нашей договорённости. Я должна быть первой женой, старшей и любимой. Но покушаться на твоё право взять в жёны ещё троих я не собираюсь.

— Так это ты? Ты помолвлен с Бериевой? — выдавила сквозь зубы покрасневшая Элен.

— Ага, сам ещё до конца такое счастье не осознал.

— Ничего дорогой, ты привыкнешь. А теперь, если вы не возражаете, нам с суженым нужно обсудить детали нашей помолвки. Наедине.

Тон Бериевой не допускал возражений, Маша и Элен сразу вспомнили, что у них дела в Академии и вежливо попрощались. Наконец я почти мог вздохнуть свободно. Почти — потому что одна из невест по-прежнему оставалась рядом.

— Ты пришла узнать насчёт письма?

— О, дорогой, зачем же так? Неужели я не могла просто соскучиться?

— Они уже ушли, давай к делу.

Лицо Бериевой наконец стало серьёзным, а я достал из нагрудного кармана конверт.

— Письмо у меня. Но я его тебе не отдам.

Девушка снова обворожительно улыбнулась.

— Разумеется, дорогой. Отдать письмо можно только самому Рашимилу. Перед тем как составить план я прочитала всё о его зачарованных посланиях. Их нельзя сжечь, разорвать или как-то подсмотреть содержимое. Нельзя выбросить, а забрать можно только у мертвеца.

Я вздохнул:

— Так в чём твой план? Собираешься прислать толпу головорезов чтобы забрали письмо с трупа? Или достанешь свой кинжал?

Берива картинно возмутилась:

— Как ты можешь говорить такие ужасные вещи! Если я и завладею этим письмом, то только вместе с тобой! К тому же, если с тобой вдруг произойдёт несчастье, а я, умирая от скорби, заберу это клочок бумаги в память о возлюбленном женихе, то несчастье может произойти и со мной. Поэтому прошу тебя, храни письмо до самой нашей свадьбы, и даже после неё, пока не решишь передать самому смышлённому наследнику!

Прелестно. Разговор уже дошёл до наследников. Наследников! То есть детишек в её планах ещё и целая толпа!

— Давай не будем спешить. У меня ещё есть дела. Не волнуйся, я присмотрю за письмом. И за тем, чтобы не было несчастных случаев.

Бериева наклонилась поближе:

— Надеюсь, ни одна из твоих подруг не знает о наших делах? Я прошу тебе любую интрижку, но не смирюсь, если ты передашь кому-то секреты клана.

Бериевой явно не следовало знать ещё и о Раше, горская княжна и без того знала обо мне подозрительно много.

— Я никому не рассказывал что завладел этой штукой. И она оказалась довольно полезной.

Я спрятал письмо обратно во внутренний карман.

— Я рада, что письмо тебе пригодилось. И должна отблагодарить тебя за услугу.

Я ухмыльнулся и придвинулся к княжне вплотную:

— ...но узнала, что ты уже умудрился получить от меня кучу золотых червонцев, и при этом ничуть не убавил казну клана. Я восхищена тобой, дорогой. Наш дом всегда будет полной чашей!

А вот это было обидно. Встреть я Бериеву чуть раньше, имел все шансы получить дополнительное финансирование. Но ничего не поделаешь, момент упущен.

— Ты обещала кое-что ещё. Свой кинжал.

Я обнял Бериеву за талию.

— Не здесь... И не сейчас. Но подарок для тебя у меня есть.

Княжна щёлкнула пальцами, и с улицы тут же зашёл смуглый слуга, склонился в почтительном поклоне вытянув перед собой свёрток из красного бархата. Интересно, как он услышал такой тихий звук? И лавочник куда-то запропастился... понятно. Это лавка либо принадлежит клану Бериевых, либо они её банально крышуют. Как и всю эту улицу. А может и город.

— Такой мужчина как ты должен любить охоту, но охота не закончится, пока крупный зверь не разделан и его сердце не выложено на блюдо.

Я развернул свёрток, это действительно был не кинжал, а тяжёлый охотничий нож. Я сжал рукоять и осмотрел лезвие. Матовое, не будет сверкать в темноте, лезвие выглядит острым, а сам клинок достаточно увесист, чтобы одним ударом проломить рёбра, даже если не удалось вонзить лезвие между ними. Самое то, чтобы вырезать магам сердца.

— Спасибо. Это хороший подарок. Обязательно буду им пользоваться.

Я забрал прилегающие к оружию ножны с ремнём, прикинул, стоит ли нацепить их прямо сейчас, но решил, что в обществе дамы это будет неприлично.

— Да, этот нож из сокровищ клана. Это артефакт, пусть он и не усиливает дар, но лезвие прочнее чем выглядит. Оно никогда не затупится и не сломается, им можно пробить стену или даже драконью чешую, если конечно достанет силы. Но у тебя её в избытке... Не смею больше тебя задерживать и отвлекать от важных дел, дорогой.

— Да, мне ведь ещё четвёртую невесту искать.

Если Наташу и разозлила моя подколка, она не подала виду, лишь невинно улыбнулась и выдала:

— Дорогой, твоя сестрёнка всегда будет в нашем доме желанной гостьей, но обычай клана строго запрещает брать в жёны единокровных сестёр, не забывай об этом.

Да уж, смутил эту лисицу называется. Но дела в городе сделаны, пора вернуться. И определиться уже где я сегодня буду ночевать.

Из архивов охраны. Горелова

Личная карточка преподавателя

Горелова Снежана Игоревна

Предмет: Элементалистика

Особые приметы:

Чёрные волосы, карие глаза, внешность привлекательная. Характер склочный, легко впадает в гнев.

Биография:

Дочка малого рода, рано осталась сиротой. Воспитывалась в приюте, откуда бежала в возрасте четырнадцати лет. В восемнадцать лет поступила в Академию Свиных, лично оплатив обучение. Несмотря на постоянные ссоры со студентами и преподавателями, успешно окончила Академию, сразу же начала преподавать элементалистику.

Допрос:

— Ваше имя.

— Как вы сметете! Мужланы! Скоты! Помогите! Насилуют!

Допрос прекращён

Приписка от руки:

Написал прошение освободить меня от наблюдения за объектом. Если откажут — уйду в дружину Заляпина.

Глава семнадцатая. Капкан расставлен

После ужина я поинтересовался у Кабана кто из студентов живёт по одиночке. Таких оказалось немало, до Сталина за этот года только умерло пятнадцать учеников, ещё пара десятков, кому было куда податься, просто сбежали из Академии. В итоге я реквизирувал у одиночек пару бесхозных одеял, и, скрутив их в рулон, привычным маршрутом спустился в библиотеку. Кивнув Рашимиле я начал раскатывать рулон в облюбованной нише.

— Ты... ты издеваешься? — кукла наконец прервала молчание, но отдающийся в голове голос скорее шипел, чем звенел.

— Никоим образом. Просто устраиваюсь поудобнее. Я конечно могу спать хоть на голой земле, но зачем отказываться от возможности добавить немного комфорта?

— Вообще-то это задумывалось как моё укрытие, — в голосе Раши зазвучали обречённые нотки. — Тебе что? ольше ночевать негде? У тебе же есть подруги. Целых две!

— Можно сказать что три. И это чертовски удобно. Элен думает что сегодня я у Маши, Маша, что я у Элен, Бериева не сомневается что я развлекаюсь сразу с обеими. А я в это время могу сходить сюда и спокойно почитать.

— Ты невыносим. Но похоже мне придётся с этим смириться. Ты придумал как разобраться с Гореловой?

— Да. Сегодня в городе я раздобыл идеальное оружие, — повозившись с новым ремнём я положил на стол нож. — Да, и ещё добыл неплохой ножик.

Наконец я нащупал на дне карман свёрток и торжественно развернул перед лицом куклы.

Её голос будто окатил меня ледяной волной презрения.

— Ты не только невыносим, но и порочен по своей сути. Настоящий даймон. Порождение мира, который даже хуже чем наш. Зачем ты притащил мне бельё одной из своих девок?

— Не надо грязи! — возмутился я. — Это вообще-то моей сестры!

Гробовое молчание Рашимилы длилось минут пять.

— Раньше я жалела о том, что заперта в тёмном подвале. Теперь я жалею что не могу закрыть лицо руками. Почему даже мне стыдно от твоих поступков?

Я рассмеялся.

— Расслабься, это часть моего плана.

— Не сомневаюсь, что только в твоей голове мог созреть настолько извращённый план.

— Да ладно, неужели ты не догадалась? Хренов говорил что Горелова до сих пор девственница. А те хищные деревья в волшебном лесу больше всего любят невинных девиц. Если заманить ведьму в чащу, они как минимум отвлекут её, а я тем временем нанесу смертельный удар.

— А бельё то тебе зачем? — кукла рассвирепела.

— Ну, Горелова наверняка знает о деревьях, и попытается от них защититься, запах духами отобьёт или заклинание там защитное наложит. Тогда я и вброшу эту маленькую бомбу чтобы их раззадорить, и ведьма растеряется.

— Ты безнадёжно болен, порочен и извращён... Но это может сработать. Этот рассад, все его деревья сплетены корнями и умеют обмениваться сигналами. Ещё они могут двигаться, и даже различают человеческие силуэты, и даже если Горелода сама не будет

пахнуть, то учуяв рядом с ней запах они уже от не не отвяжутся.

— Да, я примерно это и предполагал. Но хорошо, что ты уточнила детали.

— Только смотри, чтобы рассад тебя самого за невинную девицу не принял и ветками не опутал. Там в углу стоит стеклянная колба, спрячь свою «бомбу» в ней. И одежду смени. Пока нёс ты сам запахом пропитался.

— Спасибо. Даже безнадежно больному и порочному извращенцу приятно, когда о нём беспокоятся.

— Не обольщайся... Как ты собираешься выманить Горелову в лес?

— О, это будет просто. Она явно равнодушна к нашему убийце магов.

* * *

Утром вместо завтрака и двинулся в избушку Хренова. Как ни странно, наставник уже не спал (судя по усталому взгляду ещё и не ложился).

— А, Сталин. Пришёл помочь старику или так, поболтать о чём?

Великан сел за стол и потянулся было к бутылке, но на половине пути замер, и, после секундной внутренней борьбы, встал и снял с плиты чайник.

Я сел за стол и поймал гранёный стакан с почти кипящим напитком, который Хренов как заправский бармен толкнул по гладкой столешнице.

— Поговорить. — я отхлебнул обжигающий чай, больше напоминающий чефир. — Мне нужно разобраться с Гореловой, и для этого нужно чтобы ты помог её заманить.

Хренов опрокинул стакан даже не поморщившись и налил ещё один.

— И как ты собираешься её заманивать? Мои портки подбросишь?

Я поперхнулся. Он то откуда узнал? Ладно, сохраняем невозмутимость.

— Я конечно догадывался что она к тебе равнодушна, но думаю одних портков здесь недостаточно.

Второй стакан Хренов только ополовинил и откинулся на стуле, упершись плечами в стену.

— Равнодушна, это мягко сказать. Ты должно быть думаешь, что её интересует только мой хрен?

Я развёл руками:

— Нет, что ты. Наверняка её привлекают твой богатый внутренний мир и тонкая душевная организация.

Я ждал ответной остроты, но лицо Хренова вдруг стало серьёзным.

— Больше половины диких магов, головы которых я сдавал государевым людям, состояли в Пёсьем ковене. Принимали туда только ведьм, баб то есть, мужиков они ненавидели и до тела не допускали, между собой ласкались. Злющие были... Детишек варили в котле. Заживо. И колдовали знатно, разом накрыть их на шабаше даже мне было не по силам. Пришлось по одной вылавливать. Ясное дело, когда я их по большей части перебил, остальные разбежались и попрятались, тише воды, ниже травы. Да только привычки не изменить, всё равно рано или поздно должны на свет выползти и за старое взяться. Конечно снова в ковен они не сбиваются, научены горьким опытом. Другие места в жизни нашли, устроились значит получше. Так что не на хрен мой эта ведьма позарилась, а голову снять хочет, за подруг значит отомстить.

Душещипательная история. Если конечно это правда, а не очередная хитрость чтобы заставить другого выполнять за тебя грязную работу.

— Почему раньше не рассказал?

— Тогда неясно было, выйдет из тебя толк или нет. Но раз со Снеговым справился, может и выйдет.

Я вздохнул:

— Понимаю. Информацию агенту нужно выдавать дозированно, чтобы если провалится, много не рассказал. Вот только я не твоя пешка. Ладно, не буду выпытывать что там на самом деле за вражда у тебя была со Снеговым, то дело прошлое. Но вот про Горелову ты опять не договариваешь. Как ты узнал что она из ковена если по одной вылавливал, а эта спряталась? Значит видел в живую? И что мешает тебе сходить к людям государевым и рассказать, что в Академии скрывается дикий маг, они ведь вне закона как я понял.

Хренов допил чай из стакана и наполнил его уже в третий раз. Когда ставил чайник на место тот вдруг выскочил из рук и грохнулся на пол, окатив великана кипятком. Хренов выругался и стукнул кулаком по столу.

— Вот же дотошный! А, хрен на всё! Она тогда совсем соплячкой была, чуть старше твоей сестры. И красивая, зараза, глазища на пол лица, коса до пояса. Плакала и божилась, что новенькая, что ничего ещё сделать не успела. Врала конечно. Знал я какие у ведьм ритуалы для вступления. Но пожалел, не стал убивать решил что и так припугнул, что теперь она про ведьм и ковены до конца дней забудет... Когда в Академию пришёл и её увидел, то даже обрадовался, мол не ошибся тогда, девка за ум взялась, в люди вышла... А потом узнал, чем они тут занимаются. Всё тем же, хоть и без котла. И понял, что давить надо было, пока маленькая. Теперь веришь?

— Ни единому слову.

— И правильно. Никому никогда не верь. Даже себе. Но что до Гореловой... Попробуй намекнуть ей, что я в лесу валяюсь раненый и беспомощный. Такой шанс она не упустит.

Я критически осмотрел преподавателя:

— Может лучше напился до беспамятства? Так по мне убедительнее выйдет.

Наставник выругался, но кивнул:

— Будь по твоему, я сегодня в Академию не пойду, а схоронюсь поглубже в лесу, а уж из-за чего пропал — сам выдумывай. Место для засады выбрал?

— Да. Там где мы тренировались.

— Хорошо, глядишь и рассад заодно скосите.

Попрощавшись с Хреновым я вернулся в Академию, спокойно отсидел занятия, а когда все начали расходиться по своим делам, выловил Донникова. Рыжий вытянулся по струнке, всем видом давая понять, что ждёт новых указаний и готов их выполнять.

— Вольно, орёл. Ты с Лесниковой общаешься?

Рыжий покраснел и потупил взгляд.

— Иногда. Вчера разговаривал... Я ничего про тебя не рассказал! — последнюю фразу он выстрелил скороговоркой.

Я покачал головой:

— Кое-что рассказать можешь. Мне нужно чтобы ты восстановил её доверие. Передай ей какие-нибудь сплетни. Например, знаешь почему Хренов сегодня пропал?

Донни помотал головой.

— А он напился вусмерть, и валяется в лесу. Без портков, как в тот раз, помнишь? Вот,

подойди к окну.

Я выставил руку и убедился, что рыжий правильно сфокусировал взгляд.

— Вон на той полянке, где рассад начинается, прямо там и лежит. Лесниковой эта история понравится.

Донников замялся:

— Но ведь у Хренова будут проблемы. А он нормальный.

Я дружески засмеялся и похлопал Донни по плечу.

— Ха, да не будет ничего Огородничего нет, а Горелова только и может, что взбеситься. Но она и так бесится каждый раз ка его видит. Давай, вечером расскажешь как прошло.

Может Донников и чувствовал в поручении подвох. Но какой именно, до него не доходило, зато прямое указание на то, что вечером надо отчитаться, не даст увильнуть от сомнительного приказа. Задача простая, с ней даже он справится. А если вдруг нет, я пересказывал байку достаточно громко, чтобы нас слышали другие студенты. Кто-нибудь да донесёт. Осталось только занять позицию.

Глава восемнадцатая. Сожженная ведьма

Я залёг на самой границе рассада, устроился возле ствола дерева потолще, в нескольких шагах от узкой тропинки. Молодая поросль надёжно скрывала от вражеских глаз. Под ухом жужжали мошки, едва проснувшиеся после зимней спячки, и это жужжание даже раздражало, да и солнце припекает, настоящий рай.

Если бы не стена рассада в нескольких метрах. Там не росла мягкая трава, и даже мухи туда не летали, в искажённом, извращённом лесу царила мёртвая тишина, которую лишь изредка прерывало мерзкое хлюпанье. И пролежав пару часов, я понял, отчего мне так не по себе рядом с этими мясными пародиями на деревья. Они и правда двигались. По миллиметру в час, преодолевая отчаянное сопротивление древесных корней, отравляя землю сочащейся слизью. Медленно, но неумолимо. Миллиметр в час... За год они продвинутся на восемьдесят семь метров. Все эти маги, аристо, бояре... Грызутся за власть и деньги, и делают вид что это главное. А теме временем какая-то дрянь уничтожает мир миллиметр за миллиметром. И, что самое обидное, сейчас эта дрянь на моей стороне.

Я аккуратно поставил колбу со своеобразным биологическим оружием, расслабил мышцы и слегка вздремнул, но одним глазком, так что едва раздался тихий треск сломанной ветки, сразу очнулся, встряхнул головой приходя в сознание и сосредоточился на звуке.

День уже закончился, закатное небо ещё оставалось красным, но на небо уже поднималась здоровенная багровая Луна, так что света хватало, но рассад выглядел ещё хтоничней чем днём.

Ветки продолжали хрустеть одна за другой, к этим звукам примешивалось тяжёлое дыхание и, наконец, ругань женским голосом. Горелова не умела ходить тихо, или просто отвыкла бродить по лесам, как никак со времён ковена прошли годы. Если он конечно был, этот шабаш ведьм. Хренов мутный тип, и явно многое скрывает, но пока что наши интересы совпадают.

Горелова остановилась прямо на границе, разделяющей лес от рассада. Мясные деревья учуяли её и начали двигаться с удесятерённой скоростью так, что их перемещения были заметны уже и беглым взглядом.

И тут вечерний сумрак превратился в дневной свет. Яркая вспышка серпом прошла в стороны разрезая их стволы, да так, что пеньки будто оплавилась. Воздух наполнился запахом палёного. Не аппетитного жареного мяса, а скорее пригоревшей яичницы.

Горелова смело шагнула на несколько метров вперёд и остановилась. Задумалась. Это плохо. Ещё немного, и она поймёт, что Хренова здесь нет. План с секретным оружием перестал казаться хорошим. А может, ну его? Пока она отвлеклась, можно просто прикончить одним ударом, и ведьма даже пыхнуть не успеет своим встроенным огнём.

Я аккуратно встал и по кошачьи начал подкрадываться, примеряясь, куда лучше бить — сразу в сердце или всё-таки сначала перебить шейные позвонки, Снегов успел научить меня, что маги намного крепче обычных людей и одной смертельной раны может не хватить.

Не повезло... Горелова внезапно решила оглядеться, и естественно заметила меня. Я замер. Ели сейчас будет ещё одна вспышка — мне конец. Но я не могу умереть.

Горелова придирчиво осмотрела меня сверху донизу наморщив лоб и наконец вспомнила.

— Голем? Ты то что здесь делаешь? Ты должен умирать в Академии. Или тебя выгнали?

Она ждёт ответа, значит голем способен к диалогу.

— Да. Мне сказали не возвращаться пока не найду наставника. Он должен быть там. — максимально равнодушным жестом я указал в сторону самой густой чащи рассада.

Горелова неожиданно обрадовалась:

— Да? Надеюсь рассад придавил этого мужлана. Но надо проверить. Иди вперёд. Живо! Я мысленно пожал плечами, внешне разумеется никак не выдавая своих эмоций. Вперёд так вперёд, чем дальше тем лучше, благо что колбу я перед неудавшимся стелсом успел прихватить и спрятать за пазухой.

Правда ведьма за спиной немного нервировала время от времени она прижигала самые настырные ветки и, что хуже всего, постоянно бормотала:

— Хрен на ножках... Бешеный пёс... Безмозглый людоед... Монстролуб...

Ненависть так и кипела в ней. Такими темпами она перегорит даже без драки. Вот только если Снегов просто испортил воздух, эта и взорваться может. Думаю мы зашли достаточно глубоко в вотчину тентаклевых деревьев.

Я остановился и развернулся к ведьме лицом:

— Чего встал? Не знаешь куда идти?

— Хренова здесь нет.

— Вижу что нет, тупой голем! Узнаю кто это придумал — заживо поджарю!

Горелова развернулась явно намереваясь уйти. Ну нет, мы ещё не закончили.

— Тот кто это придумал прямо перед тобой!

Строго говоря, в момент произнесения пафосной фразы я был не перед, а за спиной Гореловой, но на уточнения не оставалось времени, потому что я уже швырнул колбу прямо под ноги ведьмы. Разумеется, метил я не в неё, в удачно лежащую корягу, при ударе о которую стекло звонко разбилось.

Горелова резко развернулась, вот теперь её лицо стало по настоящему бешеным, а в меня полетел поток пламени.

Который ушёл куда-то влево, выжигая в тентаклевом лесу прогалину, ведь в плечо ведьмы уже вцепилась возбуждённая ветка. Следующая вспышка огня спалила шустрика под корень, но в ведьму вцепилось ещё несколько древесных отростков.

Зрелище конечно было презанятное, но я не стал дожидаться пока Горелову надёжно зафиксируют, всё-таки выжигала рассад она эффективно. Так что просто выхватил подаренный Бериевой нож, одним прыжком сократил расстояние и вонзил лезвие в грудь магички, но стоило вырвать нож из свежей раны, как из неё хлынул поток пламени, словно из пылающей нефтяной скважины. Хоть струя и прошла мимо, я чувствовал, как тлеют одежда и волосы, так что пришлось отпрыгнуть на пару метров и наплевав на боль сбивать пламя руками. Нужно было купить кожаные перчатки...

Вслед уже летели всё новые потоки пламени. Но наступающие всей кучей мясные деревья наконец нащупали верную тактику и лезли ведьме в глаза, так что меткость её огненных шаров упала до нуля. Теперь попасть под удар можно разве что случайно, рука взяла нож на изготовку, нужно постараться добить её этим ударом. Один рывок...

И тут меня ослепила особо яркая вспышка, и лишь благодаря инстинкту я успел зажмуриться и рвануть подальше от невыносимого жара. Как же горячо. Трудно дышать раскалённым воздухом, а боль от ожогов уже стала фоном.

Хотя бы глаза мне ещё не выжгло, и я мог видеть что происходит. Горелову окружила сплошная стена пламени, через которую не то что прорваться, даже подойти к ней

невозможно. Рассад по прежнему рвался к цели, хотя вряд ли в раскалённом воздухе ещё оставался запах девичьих феромонов, но похоже для тентаклевых деревьев эта атака стала делом чести. Повредить ведьме эти щупальца не могли, деревья доползая до огненной стены просто падали, словно поленья, в разрастающийся костёр. Огненная стена расширялась, поглощая всё больше деревьев, и мне пришлось отходить назад. Я даже швырнул в огонь пару подвернувшихся камней, но они лишь пшикнули в костре, не причинив ведьме ни малейшего вреда.

А фигура ведьмы возвышалась, словно её тело росло вместе с лесным пожаром. Хотя было ли там ещё тело? Сквозь языки пламени можно было разглядеть потрескавшуюся кожу, больше похожую на драконью чешую.

Произошло то, о чём меня предупреждал убийца магов. Я облажался. Не смог убить ведьму достаточно быстро и теперь, даже если она обречена, её силу уже ничего не сдерживает. Рассад кончается, новые тентакли уже не тянутся в огонь. Это огонь ищет их и жадно проглатывает, утоляя ненасытную страсть. Скоро огненное кольцо дойдёт до обычных деревьев. А затем и до академии.

И тут завывания распространяющегося пожара заглушил новый звук. Пронзительный звериный рык, переходящий в волчий вой. А в следующий миг передо мной возник ещё один монстр. Гигантский оборотень, встал на коротковатые для такой туши задние лапы, задрал к полной луне клыкастую пасть и снова завыл, привлекая к себе внимание огненной ведьмы.

Мельком я успел отметить, что мышцы зверя бугрятся од свалывшейся шерстью, каждый коготь размером с мой нож. И что у вервольфа огромный хрен. Зверь сделал лапой предостерегающий жест, прозрачно посоветовав не вмешиваться, и рванул вперёд, прямо в языки пламени.

Некстати вспомнилась дурацкая шутка про то, что может быть хуже, чем увидеть в надкушенном яблоке червяка. Происходящее и правда напоминало всеожжение. Пламя стало невыносимо ярким. Всё что я мог сделать — это найти хоть какую-то ложбинку в земле, куда и рухнул закрывая голову, когда пожар превратился в настоящий взрыв.

* * *

Когда я очнулся, всё ещё горел рассад, но без очага, без всепожирающего живого костра, это пламя выглядело почти мирным и не стремилось распространяться дальше, довольствуясь тем, что уже стало добычей.

Там, где горела ведьма, теперь была воронка. В её центре валялся голый великан, вернувшийся человеческий облик, весь чёрный от копоти. От Гореловой остался только угольный силуэт. Ключ от дьявольской машины само собой тоже не уцелел. Боль достигла того уровня, когда игнорировать её уже не получается, в глазах туман. В ушах белый шум, во рту химический привкус адреналина. Остатки одежды свалились с меня после нескольких шагов, новенькая форма Академии со спины сгорела полностью. С кожей наверняка то же самое. Только нож до сих пор сжат в руке, вплавившись в плоть.

Из последних сил ковыляю к Хренову. Не мог убийца трёх десятков магов так просто сдаться. Его правый кулачище сжат. Из последних сил я разжимаю стальные пальцы. Вот оно! Сердце ведьмы, уцелевшее в адском пламени. Ножом разрезаю кровавый трофей на две части. Ту что меньше проглатываю не жуя, большую часть запикиваю в пасть Хренова.

Выживи, монстролоуб и бешеный пёс. Выживи! Ты тоже маг. Тебя не должно быть так просто убить.

Способность ясно мыслить понемногу возвращается, когда боль начинает стихать. Снегов и правда был слабаком. Другие маги намного опаснее. Нужно лучше готовиться к схватке. Огородничий... Теперь, когда ключ Гореловой навсегда потерян, он остаётся моим последним шансом. А ведь он ещё сильнее. Больше никакой самонадеянности. Оба раза я был не готов к схватке, и побеждал только потому, что не могу умереть. И в этот раз за победу пришлось заплатить. За твои просчёты платит всегда кто-то другой. Так было, так есть и так будет.

— Сталин, чтоб тебя! Ты меня вообще не слушал? Чуть весь лес не пожёт...

Хренов, родненький, очнулся и, поднатужившись, встал на ноги, с трудом удерживая равновесие.

— У тебя хрен припалило, я как мог сгладил неловкость момента.

— Ага. У тебя тоже. Но у тебя хоть волосы остались.

И правда, великан лишился своей и без того многострадальной бороды, а лысина, которую он задумчиво начал тереть, сразу начала отражать огненные блики. Впрочем, от этого великан стал выглядеть моложе, я думал что он почти старик, как архимаг, а оказалось он не старше Снегова.

Свои волосы за неимением поблизости зеркала я оцупал руками. Нет, кое-что и правда осталось, но в любом случае придётся теперь искать цирюльника. Ага, среди ночи, после пожара который видели издалека. Нет уж. Я снова поднял выпавший из обожжённой ладони нож, на котором ещё оставалась кровь из сердца ведьмы и начал брить черепушку, пока не привёл её в более-мене приличный вид.

— Закончил красоту наводить? Пошли в избушку, у меня там лекарство.

— От ожогов?

— От всего.

Пока мы, словно два контуженых бойца, добрались до избушки, ночь уже перевалила за половину. На месте с непередаваемым удовольствием я отмыл копоть холодной водой из кадки, натянул предложенные хозяином безразмерные штаны с рубахой и принял грамм двести «лекарства», настоянного на том самом мухоморе из рук загадочной лесной девицы. После увиденного преобразования «Большого папочки», оставалось только догадываться, как лесные девицы выглядят на самом деле, и была ли оговорка в любимой песне Хренова действительно оговоркой.

Глава девятнадцатая. Воспоминания о большом холме

Вернувшись в Академию я не пошёл в комнату, а сразу ввалился в библиотеку. Благо именно на такой случай вместе с одеялами я заначил там запасной комплект формы, в который и начал переодеваться.

— Одежда на тебе так и горит, — съязвила кукла. — И где же ключ, ради которого мы устроили эту авантюру?

— Хотел бы я сказать, что кое-где спрятал его, чтобы тебя позлить, но как видишь, — я приосанился и развёл руками в стороны, — его нет. Придётся добывать у Огородничего.

— Я понимаю, что ругать тебя бесполезно. Но не мог бы ты для начала одеться? Или хотя бы прикрыть свой отросток. Я не привыкла к подобным зрелищам и, к величайшему моему сожалению, не могу отвернуться или прикрыть глаза руками.

Я улыбнулся, манера общения Рашимилы даже как-то добавляла этому месту уюта, и натянул штаны.

— Между прочим, многим девушкам подобные зрелища очень даже нравятся. Надо только немного привыкнуть.

— Нравятся настолько, что исполнитель главной роли прячется от поклонниц по подвалам? — ожидаемо съязвила Раша. — Хотя понимаю, должно быть это связано с человеческими телами. Возможно будь у меня такое, это зрелище доставило бы удовольствие и мне...

Натянув рубашку я замер, очень уж тоскливо прозвучала последняя фраза.

— Раша... Ты ведь не всегда была куклой? Твоя память ведь возвращается. Ты помнишь что-то до встречи с Рашимилом?

— Нет. Рашимил был всегда. Он меня создал. Я ведь его тайное оружие, его сокровище, не забывай. Но в чём-то он был лучше имперских архимагов. При нём я не сидела по подвалам. Я могла свободно передвигаться по всему поместью. Даже выходить в лес.

— А ты бы хотела... Хотела снова выйти наружу? Я мог бы взять тебя с собой, хотя бы в тот же лес. Тем более там без расада стало безопасней.

Кукла молчала. Слишком долго для эффектной паузы.

— Ты делаешь ошибку, Сталин. Относишься к проклятому артефакту как к человеку. Это обязательно тебя погубит. Я не человек. Я не одна из вас.

— Знаешь, меня тоже не считали человеком. И я тоже был оружием... Проклятым оружием. Ты предупреждаешь меня об опасности, а это человеческий поступок, Раша. И можешь не называть меня Сталиным. В конце-концов это не моё настоящее имя...

— Хорошо, буду называть тебя Бессмертным Дураком. А теперь мне нужно работать над твоей проблемой. Спи или читай. Мне всё равно. Главное не мешай.

Несмотря на тон, который больше напоминал холодный душ, голос в голове уже не казался таким уверенным, он становился всё более... человеческим? Однако давить на Рашимилу и правда не стоило, так что я просто вытянулся в уже ставшей родной нише и провалился в болезненный сон, который всегда приходит после очередного ранения.

Эта ночь светлее, чем иной день. Небо ясное, и лунный свет проникает в каждую ложбину. Предметы в серебряном сиянии выглядят иначе. Таинственно, даже чужеродно. Сейчас бы просто лечь на травку и уставиться на небо — сегодня можно разглядеть даже рукав Млечного Пути. И мечтать о том, чтобы оказаться там, среди звёзд, где нет грязи, шума, нервной тряски. Где нет людей.

Не в этот раз. Сегодня я охочусь на крупного зверя с железной шкурой. Боевая машина неуклюже переваливается по холмистой местности. Обычно эти гробы на колесах выдают приличную скорость, но ночной сумрак и неровности на пути заставляют водителя быть осторожным. Наверняка набит людьми (удобнее конечно считать их не людьми, а просто врагами). Это их ругань заставляет водителя ехать медленно и аккуратно. Они не видят меня. Точнее нас. Айван весь дрожит от предвкушения. На само деле его зовут Ваней, но все новички придумывают звучные прозвища, и некоторые к ним прилипают до самой смерти. Толку от напарника ноль, так волнуется, что и в упор промажет. Но должен же кто-то обстреливать новичков. Толкаю его в плечо чтобы не суетился, и паренёк замирает.

Экипаж машины войны не видит меня. Луна и Ночь, верные подруги, скрывают нежным покрывалом. А тепловизоров у врагов либо нет, либо они не умеют ими пользоваться. Поднимаю трубу гранатомёта, краем глаза следя, чтобы Айван не оказался возле выхлопа, с него станется. Разум высчитывает идеальную траекторию снаряда. Идеальное место я заметил ещё давно, и железный зверь послушно движется к ловушке. Небольшой пригорок, из-за которого видно только башенку, чтобы перевалить через него машина ещё больше замедляет ход, а на подъёме на миг показывает почти беззащитное брюхо.

Гранатомётный выстрел попадает в цель. Айван с воодушевлением целится в дымящийся корпус, готовый срезать каждого, кто попытается вырваться их горячей братской могилы. Его ждёт разочарование, выбираться некому. Мы ждём почти минуту, чтобы убедиться в отсутствии движения, и наконец опускаем стволы.

— Моё почтение. Одним выстрелом всех накрыл! — Айван едва не подпрыгивает от восторга. Слышна в голосе и зависть. Должно быть мечтает сам кого-нибудь подстрелить. Глупый мальчишка. Все мы здесь дураки, были бы умнее, наблюдали бы со стороны.

— Не суетись. Отходим, пока шумно не стало.

Мы возвращаемся на базу, но недостаточно быстро. Ночную тишину нарушает свист, которым Смерть подзывает глупых смертных.

— Ложись!

Сгребаю ошалевшего парня в охапку и сбрасываю с дороги, навалившись сверху. Всё равно я не могу умереть, может и он выживет....

Обстрел накрывает на удивление точно, удар, темнота, миг блаженного покоя с робкой надеждой на вечность, и снова боль. Шум в ушах. Тошнота. Я не могу умереть.

— Айван, жив? Айван?

Мёртв. Осколок в черепушке, как ни пытался я перехватить своим телом смертельный подарок. Вопреки логике, вопреки здравому смыслу, вопреки собственному желанию, я всё ещё не могу умереть. Это давно не дар, это проклятие. Нужно вставать.

С трудом поднимаюсь и смотрю в ту сторону, откуда прилетела смерть, Рука сжимается в кулак.

— Суки! Все суки!

Я проснулся от собственного крика и сделал несколько вдохов. Так, наивно рассчитывать, что кукла ничего не услышала. Она то уж точно не спит.

Я приподнялся и сел на своей импровизированной кровати.

— И часто тебе снятся кошмары?

Голос Рашимилы равнодушный, но это уже другое равнодушие, слишком показное чтобы быть настоящим.

— Постоянно. Обычно я просто не подаю вида. Хотя в этот раз был не кошмар. Скорее воспоминание.

— Переживаешь провальную битву с этой ведьмой?

— Нет. В конце-концов я жив, а ведьма сгорела в огне. Это воспоминания из моего мира.

— Что, в том мире ты тоже был героем который побеждал только благодаря везению?

— Что-то вроде того...

Я задумался, может стоит лечь и попытаться снова уснуть или лучше вернуться в комнату, а то я подозрительно редко там бываю.

— Расскажи мне. Об этом своём мире. И о своей жизни.

Неужели ей стало интересно?

— Не хочешь рассказывать?

— Просто думаю что сказать. Так просто и не объяснишь.

— А ты попробуй. В твоём мире не было магии, но боярские кланы то существовали?

Я кивнул:

— Да. Назывались по-разному, но от местных особо не отличались.

— И чем славился твой клан?

— Мною. Потому что больше в нём никого и не было. Я всегда был один. Не было семьи, не было связей. И я не очень хорошо ладил с людьми. Чаще дрался, чем разговаривал. В драке хотя бы всё понятно. Иногда правда появлялись попутчики, но они либо уходили, либо умирали.

— Было трудно?

— Вроде того. Одиночки в нашем мире либо не выживали, либо оставались на дне. Чтобы хоть как-то устроиться надо было прибиваться к чужим, и надеяться, что может быть с годами признают почти своим. А до того быть хуже, чем просто никем, пресмыкаться перед каждым куском дерьма, кому повезло родиться где надо. И мне никогда не хватало для этого терпения. Никак не мог смириться с тем местом, что мне подготовил мир, а всякие ублюдки пытались мне о нём напомнить. Поэтому я и дрался.

— Но ты сильный и хорошо дерёшься.

В голосе куклы проскальзывало сочувствие. Ха-ха, она меня жалеет. И всё же я уже не мог остановить поток жалоб на несправедливый мир.

— Да, драться получалось неплохо. Хотя мне и не досталось сильного клана за плечами, зато я был выше и сильнее обычного человека. Один на один меня никто не мог одолеть. С толпой тоже научился справляться. Сколько бы их не было, одновременно нападать могут только двое-трое. И толпу легко напугать, нужно просто выбивать первых пожёстче.

— Если ты сильный, то клан должен сам предложить тебе присоединиться. Сразу как

равному.

— Это вряд ли. Побитые почему то не спешили брататься и приглашать в себе. Каждая новая стычка закрывала всё больше вариантов к кому бы прибиться. По всему выходило, что мне суждено закончить дни в тюрьме или психушке. Но и правда, появилась одна маленькая банда, которая сама захотела меня принять. Они были слабы, их было мало, им нужен был кто-то, кто умеет сильно бить. Я сразу стал городским бригадиром, потом стал старшим по провинции. И банда вдруг стала расти, наращивать силы. Из горстки хулиганов и психопатов мы выросли в целую сеть, опутали всю тогдашнюю Федерацию и большую часть отколовшихся провинций. Казалось ещё чуть-чуть, и можно побороться за реальную власть...

Вышло по другому. Федерация наконец обратила внимание на мелкие кланы. Кого-то убили на улицах, кого-то забрали в тюрьму и убили уже там. Самый умный сбежал с общей кассой, и к сожалению это был не я. Многих перевербовали. И тут началась заварушка на приграничных территориях. Под пулями многим из нас казалось безопаснее, чем на мирных территориях. Там мы хотя бы могли стрелять в ответ. Одно время казалось, что эта войнушка дана нам как шанс всё исправить. Ввязаться в бой, добиться успехов, получить признание и свою землю. Всегда мечтал о своей земле, чтобы жить по своим правилам, без царей и бояр.

Естественно, ничего не получилось. Федерация отправила регулярные войска, которые постепенно вытесняли наших. Формально нас не объявили врагами, а называли ополченцами или добровольцами. По факту нас убивали одного за другим. Насыляли сарматов, этих дикарей, которых заваливали деньгами и оружием, только чтобы они нападали на нас. После стычки с ними я и оказался здесь. Такая вот история.

— И что ты собираешься дальше делать? Снова соберёшь клан и будешь захватывать для себя землю?

— В этом мире, холм огромный, мне бы сначала собственное тело захватить. Без големов и чужих воспоминаний. Мне и свои то порядком надоели. Кстати, когда ты вытацишь из меня голема, может сможешь и лишнюю память удалить? Хоть выплюсь.

— Это вряд ли. Воспоминания тесно связаны с душой, нельзя удалить одно не повредив другое. И... Эта твоя странная фраза про «огромный холм», почему ты всё время её произносишь?

Рашимила сменила тему разговора. А мне и правда полегчало. Хорошо когда есть возможность выговориться. Я снова улыбнулся.

— Это что-то вроде метафоры. Метафоры члена само собой.

— Я уже жалею что спросила...

Ничуть она не жалела, слишком для этого игривый голос. Я продолжал:

— В том мире жизнь меня никогда не баловала. Вечная несправедливость, отчаяние, сжимающее горло ледяной рукой. Но в самые тяжёлые моменты одна вещь всегда становилась для меня утешением. Я просто вспоминал, что у меня огромный...

— Хорошо, я всё поняла.

— Нет, он был реально огромный. Настоящая опора, я мог даже отжиматься без рук, а если ногу ломал, то вместо костыля использовать! Если тебе интересно, могу рассказать побольше про него.

— Не утруждайся, мне это совсем не интересно. Не надо.

— Надо! Так вот...

Глава двадцатая. В руинах библиотеки

К утру, наконец закончив длинный и насыщенный подробностями рассказ, я вышел из библиотеки. В глаза сразу бросилась нездоровая суматоха. Все куда-то спешили, громко переговаривались. В нервном потоке людей я разыскал Кабана, который со своими парнями был очагом порядка в океане хаоса, спокойно стоящим у окна.

— Что здесь опять произошло. Пожар что ли?

Кабан кивнул, явно оценив иронию

— Именно так. В лесу начался сильный пожар. Грелова пропала, Хренов ранен. Остальные наставники сбежали. Нам тоже велели убираться по домам. Только дом у многих далековато. Вот стоим, думаем, ждём пока Огородничий вернётся, может он что объяснит.

— И когда ждёте нашего Архимага.

— Сегодня. Должен был к вечеру, но сейчас наверняка летит на перекладных. Может и пораньше доберётся. Что нам делать-то?

И эти взгляды. Не только люди Кабана, все студенты замерли, жадно ловя каждое слово. Нашли крайнего. Того кто скажет как надо. Снова.

— Не лезьте на рожон и не паникуйте. Лучше не оставаться в Академии когда Огородничий изволит явиться. Кто живёт недалеко, лучше и правда домой. Или к родным на пару дней. А кому пойти некуда... Тем лучше к Хренову. Он если что прикроет.

— Понял, — кивнул Кабан. — Все слышали? Идём на опушку, к Хренову, как тогда, когда он учил нас лежбища в лесу делать. Пересидим там, пока Архимаг не вернётся.

Разумеется эвакуацию пришлось проконтролировать лично. Впрочем, с людьми Кабана, которые оказались в каждом коллективе, это удалось сделать быстро. Все толпой мы подошли к избушке, минут десять пришлось стучать в дверь, пока отчётливая ругань не дала знать, что Хренов наконец проснулся. Обложив всех названных гостей, которым не спится утром (время уже подходило к обеду), он наконец вышел и замер, осознав сколько этих незваных гостей явилось.

Но быстро взял себя в руки и начал командовать, скоро на опушке выросли навесы и загорелись костры с котелками — Кабан не забыл прихватить с опустевшей кухни продукты, молодец (хотя без такой предусмотрительности по жизни он бы и не раскабанел до нынешних габаритов).

Ладно, гражданские в безопасности, я ещё раз пробежался по лицам, не забыл ли кого из знакомых. Маша и Элен на месте, хорошо... Донников, холм огромный, его нет. Некстати вспомнилась и Лесникова. Последние дни она не попадалась мне на глаза, но и на то, что она свалила из Академии от грёза подальше, полагаться не стоило. Это плохо. Может статься, что рыжий уже расплачивается за предательство сидя в кресле извлекателя.

Я отдал символические указания Кабану, больше для проформы, он и так дело знал, многозначительно переглянулся с Хреновым и отправился назад в Академию. Уже издали видно было несущуюся к воротам карету, так что я отошёл с тропы.

На открытой местности встречать Архимага, а это был именно он, я не собирался. Огородничий выскочил из экипажа как ошпаренный, кучер начал разворачивать лошадей едва пассажир отошёл на пару шагов, предусмотрительный мальчик, а Огородничий уже не шёл, старик натурально бежал в Академию. Бойтесь, это хорошо. Дождавшись пока фигура в мантии скроется за дверьми, я тоже прибавил шагу.

У меня снова нет плана. Может оно и к лучшему, не на что надеяться и нечему пойти не так...

Нет, что-то уже идёт не так. Из здания Академии раздавались глухие звуки ударов, а затем сама земля вздрогнула. А потом ещё раз, уже сильнее, так что с пристроек посыпалась черепица. Огородничий вступил в бой, но с кем? Рашимила!

Я впервые задумался, насколько прочным может быть её кукольное тело. Нет, разум подсказывал что секретное оружие Рашимила навряд ли уступает в прочности его же конвертам с письмами. Но всё же...

Что будет с Рашей если кукла окажется разбита? Я вдруг явственно представил. Как захожу в тайную комнату и нахожу лишь мелкие осколки. Сердце предательски сжалось.

Сломанные, разбитые игрушки... наверное каждому видеть их немного неприятно. Особенно в городке, который разбомбили в щебёнку. Даже трупы, лужи крови и оторванные руки не действовали на нервы так, как чёртовы сломанные игрушки...

Плохо, очень плохо. Впереди трудный бой, а я совсем потерял хладнокровие. Чёртов Сталин с его молодым, неопытным, не заострившим сердцем, которое сейчас вырвется из груди. В глазах темно... Уже не просто нервы. Не Сталин, проклятый голем разрушает тело. В самый ответственный момент.

Соберись. Я не могу умереть. Сейчас я прикончу старого хрена, потом избавлюсь от голема, а дальше... Дальше видно будет. Сердце наконец затихло, а взгляд сконцентрировался на двери, до которой я как-то добрёл в полубессознательном состоянии. Рука сжала рукоять ножа, ножны не пережили лесного пожара, а вот клинку хоть бы что. Посмотрим, как он справится с барьером, были ли слова Беривой правдой или просто рекламой.

Стоило войти в главное здание, как раздался очередной удар. Люстры закачались, мебель подпрыгнула, с потолка сыпалось пыльное крошево, а ступни явственно ощутили вибрацию. Что бы там ни громыхало, эпицентр находится внизу. В библиотеке. Рашимила! Я иду, главное держись!

Я побежал по разъехавшимся половицам, по скрипящей лестнице, распахнул дверь и перепрыгнул упавшие книжные шкафы, благо двери библиотеки открывались наружу и баррикада не сработала, готовый сразить каждого на своём пути. И моментально врезался в невидимую преграду. Вот они хваленые щиты. Сокрушить! Стоп. Что?..

Рашимила парила в центре главного зала заброшенной библиотеки и от неё исходил яркий свет, затмевавший все тусклые лампы. Внизу стоял Огородничий, и в нём ничего не осталось от того властного и самоуверенного Архимага. Сгорбленный старик, из последних сил опирающийся на посох чтобы удержать неведомую силу, которая сотрясает землю. А рядом с ним стоят перепуганные до смерти Ленсикова, и, мать его, Донни.

— Что здесь происходит? Ещё один магический эксперимент во благо Академии? — я постучал рукояткой ножа по невидимом барьеру, звука это не прибавило, но внимание привлекло.

— Идиот, — устало выдохнул старик. — Пустоголовый даймон. Мало мне своих придурков, ещё и из других миров лезут. Ты хоть понимаешь, что за лихо собирался выпустить наружу?

Я рассмеялся, сохраняя самый беззаботный вид, чтобы ещё больше разозлить Архимага:

— Лихо? Ты об этой милой куколке, из которой ты вытягивал энергию так же, как из своих студентов. Правда, Донни?

Я вцепился взглядом в напуганное лицо Донникова. Взгляд он ожидаемо не выдержал, и уткнулся в носки сапогов. Но спустя секунду встрепенулся, посмотрел на Лесникову, ища поддержки, и наконец принял вызов:

— Архимаг всё рассказал! Ты не Сталин! Ты дьявол! А ещё разбойник и убийца!

— Ага, в точку. Так же верно как-то, что ты предатель и трус. Пожалуй, тебя стоило сразу придавить. Хотя нет. Всё-таки ты мне помог. Составил план убийства Снегова. Заманил в ловушку Горелову. — рыжий побледнел, даже не пытаюсь оправдаться, а я продолжал давить. — Два раза предал, два раза помог. Баш на баш. Если сдашься сейчас, можешь проваливаться с глаз долой, ловить не буду.

Рыжий замялся. Ему было страшно. Похоже никогда ещё парню не было настолько страшно. Добро пожаловать в реальную жизнь. Донни. И тут Лесникова, словно змея обвилась вокруг рыжего, и этот придурок сразу же оживился.

— Нет. Ты хочешь освободить проклятие! Хочешь чтобы снова стало как при Рашимиле!

— Он одержимый, — медленно прошипела Лесникова прижимаясь к рыжему ещё сильнее.

— Да, ты одержимый! Кукла Рашимила околдовала тебя. Сделала своей марионеткой. Ты даже ночевал в её логове!

Я нарочито медленно похлопал в ладоши:

— Bravo, отличное представление. Долго придумывал, Архимаг? Я прикончил твоих дружков, и ты подобрал им замену? Никудашнюю замену. Думаешь у них есть хоть один шанс? Или думаешь что я не смогу прикончить старых друзей? Нет, ты не настолько глуп, чтобы верить в нашу дружбу. Если она когда-то и была, то закончилась при тебе.

Огородничий закашлялся и прохрипел:

— Больше никого нет. Никого не осталось... Остановите его! Если он возродит Рашимила... От этого зависит само существование Империи!

Меня никогда особо не впечатляли слова про великую миссию и судьбы одной из многочисленных Вечных Империй, которые рождаются и рушатся каждый год, но Донникову этот пафос похоже и правда придал если не сил, то уверенности в себе. Рыжий вышел вперёд и распрямил спину, чтобы казаться выше. Вокруг его кулаков загорелось золотое сияние — Лесникова что-то бормотала себе под нос, лезть в драку лично она не собиралась, предпочитая подколдовывать с безопасного расстояния.

— Может для надёжности стул возьмёшь? — заботливо поинтересовался я, а Ражий взревел от ярости. — Нет, серьёзно. Покажи всё, на что способен. Чему научился. За три дня. Я даже позволю тебе нанести первый удар.

Рыжий побежал на меня, замахаясь кулаком. Я стоял на месте ждал окончания безумной, яростной атаки. Результат не разочаровал. Со всего маху Донников влетел в невидимый барьер и распластался на нём как отбивная, расквасив лицо, и наверняка выбив костяшки кулака.

— Донни, ты всегда был тупым.

Я ударил ножом в барьер, чуть левее рыжей головы. Лезвие преодолело сопротивление и вошло внутрь, срезав клочок волос. Тут же я сделал разрез крест-накрест, просунул левую руку и, потянув за шевелюру, втащил голову брыкающегося Донникова на свою сторону. Брешь в барьере затянулась, вопреки ожиданиям, рыжую башку не срезало, а слегка сдавило кольцом в области горла. Быть может Архимаг и был мастером щитов, но сейчас его силы явно были направлены в другую сторону, и уже иссякали.

Я похлопал яростно мычащего сопляка по щеке.

— Пстой пока, охладись. Мне ещё с твоей подружкой закончить надо.

Ещё одним движением я прорезал барьер и вошёл внутрь. Лесникова замерла. Даже колдовать перестала, так я нагнал на неё страху. Я подошёл к ней и отвесил пощёчину. Этого оказалось достаточно, чтобы молодая ведьма мешком рухнула на пол и заревела. Я схватил её за волосы и потащил к барьеру.

— Вот и хорошо, тебе к такой позе явно не привыкать.

Я зафиксировал в пробитом барьере и голову Лесниковой, правда чуть пониже, так что положение у неё получилась весьма интересным. Закончив с обезвреживанием, повернулся к Архимагу.

— Вот и всё. Теперь нам никто не помешает.

— Подожди... — изо рта архимага потекла кровь.

Я не стал спешить. Старик выглядел слишком жалким, чтобы представлять угрозу

— Подождать чего? Пока ты сам не издохнешь? Знал бы что всё так обернётся, перекусить бы захватил.

— Ты не понимаешь, — в голосе мага не осталось и тени гордыни. — Моя смерть ничто по сравнению с тем, что устроит отродье Рашимила оказавшись на свободе. Да, я жестоко обошёлся со Сталиным. Но ты не он. Голема тебе подселил Снегов, которому ты уже отомстил. Тебе я зла не делал! Я могу помочь! Извлечь голема! Никто не узнает что ты даймон! Получишь самые лучшие рекомендации... Я устрою тебя в Столичный Лицей, и подкину артефактов, это обеспечит тебе прекрасное будущее. Просто сейчас помоги мне. Отринем былое ради борьбы с настоящим злом!

— И правда, соблазнительное предложение. Довериться паршивому старику, который за деньги убивал собственных учеников, и предать милую девушку, которая всё это время мне помогала, выслушивала упоительные истории, а иногда даже смеялась над моими шутками. И правда, кого выбрать?

Архимаг выплюнул совсем паршиво выглядящий кровавый сгусток, и отчаяннозахрипел:

— Я тоже даймон! В своём мире был сотрудником Фонда. Меня просто скормили одному из объектов, как обычного расходника. Здесь я просто делал всё, что это не повторилось. Даже если нужны жертвы... Они не сравнятся с тем что будет, если ЭТО вырвется наружу! Как ты не понимаешь! Она чистое зло! Порождение самой Бездны! Она не угомонится, пока не уничтожит всех нас, пока не погрузит мир сначала в хаос, а затем в безмолвие!

— Хаос? Знаешь, мне он всегда был как-то ближе, чем ваши гнилые порядки. Раша, а ты что молчишь? У нас тут вечер откровений от Архитмага. Может расскажешь, что здесь на самом деле происходит?

— Он говорит правду.

Впервые я слышал её настоящий голос, а не отражение в собственной голове. И голос был громогласным, от него шелестя страницами слетали с полок каким-то чудом ещё державшиеся на них книги.

Я вздохнул:

— Ладно, извини, мои истории и правда были ужасны. Сейчас я закончу с архимагом, мы быстро решим проблему с големом, и уйдём отсюда.

— Дурак! — голос почти жалобный, но кажется что сейчас от него и стены рухнут. — Неужели ты до сих пор не понял? Я не могу освободить тебя от голема! Извлекатель может

только вынуть душу из одного объекта и вложить в другой. Он не разбирает, что именно надо переносить, и тем более не станет отфильтровать ненужное. Это даже не твоё тело... Всё что я могу, это спасти Сталина, не тебя. А ты умрёшь.

— Я не могу умереть. Значит есть другой способ. И мы его обязательно придумаем. Успокойся, у нас ещё есть время.

— Как можно быть таким дураком!!! Не может быть никаких «нас». Я — оружие, которое создал и спрятал самый злобный маг в истории. Я то, что он оставил после себя, чтобы отомстить миру, если вдруг проиграет. Я создана чтобы разрушать и убивать. Я не способна на что-то другое! Я не смогу спасти даже единственную жизнь. Твою жизнь...

Огородничий даже слегка выпрямился, откровения куклы вернули ему надежду:

— Видишь! Я говорил правду! Теперь ты знаешь что делать. Твой нож справится с её защитой, а я сдержу её атаки. Убей отродье Рашимила! Спаси Империю! Нет, не Империю, спаси весь мир! Исполни предназначение! Так ты станешь великим героем, а когда весь мир будет тебе обязан, ты легко сможешь изменить всё, что тебе не нравится!

— Ты правда думаешь что я собираюсь вас спасать и вести в светлое будущее? Этот мир мне даже не родной.

Я медленно пошёл в архимагу, держа на изготовку нож. Огородничий из последних сил пытался сопротивляться. Сначала сотворил ещё один барьер, но вместо твёрдого купола получился лишь вязкий участок пространств, через который я пробился даже не используя клинок. Затем в меня полетели несколько увесистых книг, я просто сделал пару шагов, что они пролетели мимо.

— Жалкое зрелище. И это глава магической Академии? От случай, когда тренер не играет, да?

Маг только бессильно хрипел, когда я пробил его грудь ножом, и тело упало под ноги. За спиной распался грохот, мебель и книги, которые держались на куполе, попадали вниз. Донников с Ленсиковой тоже освободились из плена силового щита и уже успели добежать до входа. Я не стал их догонять, только демонстративно плюнул вслед.

— Вот и всё, Раша. Спускайся уже. Или тебе надо собрать вещи?

Кукла отчётливо всхлипнула:

— Какой же ты у меня дурак... Почему ты назвал меня «милой девушкой»? Неужели ты не видишь, кто я на самом деле? Неужели из-за голема ты ослеп?

Я картинно ощупал пространство перед собой повернув голову куда-то в сторону:

— А? Кто это говорит?

Ответом на экспромт было гробовое молчание, так что я посмотрел на Рашимилу серьёзным взглядом.

— Я не только прекрасно вижу, но и слышу. Этотдохлый маг не разу ни назвал тебя куклой или оружием. Он говорил «отродье». Так называют только живых людей. Твою душу заперли в этой кукле, наверняка чтобы выкачивать гаввах, и стёрли память. Наверняка если покопаться в архивах можно узнать твоё настоящее имя. Может даже найти семью. А может через извлекатель и найти тебе новое тело. Лесникова подойдёт, думаю когда мы её догоним, она уже не будет возражать. Так что давай не будем тратить время.

— Почему? Почему ты до сих пор мне помогаешь?

— Потому что могу. Я в любом случае выживу, я не могу умереть, помнишь. И хорошо бы, чтобы для разнообразия выжил кто-то ещё. Особенно если этот кто-то мне нравится. Так ты согласна?

— Подожди... Возможно есть ещё один способ помочь тебе. И мне. Но он тебе точно не понравится.

Я вздохнул:

— Надеюсь ты меня в тело Лесниковой переселить не собираешься?

Многозначительное молчание...

— Рашимила? Раша! Говори уже. — перспектива феминизироваться меня совсем не прельщала.

— Нет... Наоборот.

Я напрягся.

— В смысле наоборот? Ты собираешься переселить Лесникову в тело Сталина?

Глубокий вздох:

— Ты невыносим. Сталин и правда особенный, у него был сильный дар Владыки. Этот дар укрепил тело, оно выдержало твою душу, сознание голема, и даже что-то от самого Дмитрия осталось. И оно может выдержать больше. Извлекатель может вынуть мою душу из куклы и подселить к тебе. Изнутри я смогу сдерживать голема так долго, как понадобится.

— Только голема?

Ещё один вздох.

— Я же говорила что тебе не понравится. Возможно я смогу получить полный контроль над телом. Вряд ли тебе будет достаточно одного моего обещания так не делать...

— Этого вполне достаточно. Я верю тебе, Раша. Пошли, найдём извлекатель.

Я протянул руку летающей кукле. В разрушенной библиотеке будто затих ветер и наступила тишина, которую разорвал робкий, запинаящийся голос:

— Ты наверное не понимаешь...

— Это ты не понимаешь. По правде, это тебе стоит бояться того, что творится в моей голове. Но ты ведь всё равно уже залезла в мои мысли.

— Да. Они ужасны. Но я привыкла. Если тыпустишь меня, я смогу ощутить тепло солнца. Смогу дышать воздухом. Даже почувствую вкус еды.

В голове вертелся десяток непристойных шуток на тему других приятных ощущений, но нарушать этот трогательный момент было бы кощунством.

— Ты ведь знаешь, что я читаю твои мысли.

— Да, и тебе ко многому придётся привыкнуть. Сейчас только ключик заберу, и выжмем из этой Академии всё что, ещё осталось.

Я наклонился над телом Огородничего, сорвал с его пояса ключ, и тут старикашка ожил, его рука с неожиданно силой вцепилась в моё запястье

— Ты хочешь забрать у меня Академию?! Это моя, моя Академия!

Холм огромный, за всей лирикой я забыл вырезать сердце главному гаду! Сейчас исправлюсь. Высвободившись от цепкой хватки старика я ещё раз ткнул ножом ему в грудь. Вернее попытался. Тело Огородничего расплылось, растекаясь по полу серой жижицей, затекающей в каждую щель, а лезвие вошло в паркет. Победа утекала сквозь пальцы. Из под сводов потолка раздался свирепый голос Архимага:

— Академия — это я!

Глава двадцать первая. Сердце Академии

Стены опять затряслись. Но это уже не было похоже на землетрясение, они ритмично содрогались, словно при вдохе-выдохе. Между кирпичами загорались красные прожилки, по воздуху разносило запах сырого мяса.

— Какой же ты всё-таки дурак, — холодно констатировала факт Рашимила. — Надо было вырвать сердце когда это ещё было возможно. Что теперь собираешься делать?

— Действуем по плану. Если у Академии есть сердце, то оно в хранилище артефактов.

Половицы трескались под ногами, а стены начали сдвигаться. Академия обрела сознание и теперь собиралась меня расплющить, перемолоть и похоронить. Учитывая что я не могу умереть — похоронить заживо. Дубовые двери захлопнулись перед лицом, словно голодные челюсти, но массивные петли не выдержали искажения стен и наполовину вылезли из дерева, так что хватило единственного удара плечом, чтобы одна из створок вылетела.

Рашимила левитировала где-то за спиной, но когда в нас полетела куча обломков, разбитые кирпичи будто обогнули нас по широкой дуге. Прикрывает, это хорошо, можно сосредоточиться на продвижении вперёд.

Винтовая лестница изогнулась, и ещё больше стала напоминать сжатую пружину. Сверху валяются здоровенные куски штукатурки, но их Рашимила успешно отражает. Лестница замерла, словно ждёт, теперь она похожа на лягушачий язык, который выцеливает мошку. Нет, я тебе не мошка, я уже мохнатый шмель нахрен!

Стоило коснуться ступеньки ногой, как она тут же ощерилась острыми щепками, которые попытались пронзить ступню. Быстро отталкиваюсь от ступеньки и взмываю на медные перила. Лестница скручивается и дрожит, пытаюсь скинуть, но я касаюсь её лишь на короткие мгновения, чтобы оттолкнуться и прыгнуть выше, а её движения использую чтобы ускориться и двигаться ещё быстрее. Несколько секунд, и хищная лестница позади, бессильно извивается будто змея под сапогом. Перевести дыхание, быстрый подъём заставил выложиться на полную.

— Знаешь, я могла просто поднять тебя наверх.

— Отлично. Раньше сказать не могла?

— Ты побежал слишком быстро. Но будь уверен, если бы эта штука тебя сбросила, я бы обязательно тебя поймала.

Академия перестала трястись, хотя чутьё подсказывало — это обманчивый покой. Так и вышло, сначала рухнула люстра, благо я успел отойти, затем полетели острые щепки, которые снова отразила моя спутница. Архимаг меняет тактику. Надо ускориться пока методом тыка он не придумает что-то действительно опасное.

Коридор, что вёл в общежития, оказался перекрыт человекоподобными нагромождениями обломков с кирпичами вместо кулаков. А я то надеялся что пристройки не считаются, нос другой стороны, здесь хотя бы стены вместе не сходились.

Один из конструкторов вышел вперед, в куче хлама угадывались остатки кровати, а рваный матрас окутывал тело словно стёганый доспех. Мебельный буратино шёл на меня. Медленно, неуклюже, но неотвратимо. Его замешкавшиеся собратья тоже наконец сообразили что делать. Проблема, вряд ли кулаками можно остановить этих уродцев.

— Может попробуем поджечь? Они должны хорошо загореться.

— Нет, я резко замотал головой. — Сами поджаримся. Держись за спиной, и повыше.

То, что недавно было кроватью, шло раскинув объятия, но явно не для того, чтобы подарить несколько часов блаженного покоя, покой обещал быть вечным. Я быстро оглядел всех противников, пока взгляд на конец не уцепился за то, что можно использовать. То, что было металлическими ножками, у одного из монстров торчало из «боков» достаточно удобно, чтобы схватиться за них как за ручки. Я увернулся от каменных кулаков, вошёл в клинч и схватился за ручки из ножек. С гибкостью суставов у твари были проблемы, так что душить или молотить она не могла, весила кровать немного, так что теперь в моих руках оказался трепыхающийся разваливающийся щит. Теперь на прорыв.

— Таран оружие героев!

— Ты пытаешься произвести на меня впечатление?.

Издёвка Рашимилы была в точку, слышать мои героические кличи кроме неё и правда было некому, ожившую мебель это точно не впечатлило, однако резкий рывок вперёд, прямо сквозь ряд врагов сделал своё дело. Кого-то оттолкнул, кого-то уронил, а вцепиться в меня и так повалить твари не могли — для этого у них не было пальцев.

Оказавшись в коридоре я убедился, что Рашимила пролетела по моим следам без проблем. Твари либо считали меня главной целью, либо её просто не замечали, так что я бросил порядком потрёпанный «щит» поперёк дороги вместо баррикады, для надёжности врезав ему ногой туда, где должен быть несущий каркас, и быстро пошёл вперёд, медлительные твари не догонят. Из распахивающихся дверей раздавался зловещий скрежет, но даже одержимая Архимагом Академия не могла создавать новых кадавров мгновенно. Им за мной не угнаться.

Ещё одна выбитая дверь, поддалась неожиданно легко, древесина оказалась трухлявой. Так и было или здание разрушается само по себе? Ступени ведущей в подвал лестницы ощерились клыками, но я просто перепрыгнул их, приземлился в пролёт, который едва не рассыпался. Здание на последнем издыхании, ещё немного, и подвал с артефактами будет похоронен. Мне то всё равно, а вот тонкая техника наверняка накроется медным тазом.

Ещё один прыжок, и вот я перед дверьми в хранилище. Они приоткрыты, выглядит как приглашение. Настораживает.

— Приготовься, сейчас будет опасно, — голос Рашимилы изо всех сил пытался показаться спокойным, но я уже прекрасно разобрался в её мельчайших интонациях.

— А я только начал расслабляться. Есть план?

— Действуй как обычно, откуси кусочек сердца, тогда нас не похоронит в этом подвале. Я постараюсь прикрыть.

— Принял.

Я пнул створку двери ногой и ворвался в хранилище. По ушам ударил словно звон колокола. И ещё раз меньше чем через секунду. Половину зала занимало красное пульсирующее месиво — нервно бьющееся сердце Архимага. Эту хреновину так просто не сожрёшь... Даже учитывая что я порядочно проголодался. И сердцеподобная масса перекрывала путь к постаменту с извлекателем. Сердце забилося чаще, враг наконец заметил незваных гостей. И ему было страшно.

Кроваво красные ростки, ползущие во все стороны от искажённого магией главы Академии, набухли и запульсировали. Их набухшие опухоли полопались, рождая окровавленные подобия человека, начисто лишённые кожи. А из самой большой опухоли, свисающей с потолка, выпала и повисла верхняя половина, отдалённо напоминающая самого

Огородничего, разве что борода его теперь была пучком сочащихся кровью вен.

— Зачем! — хрипящий голос резонировал с биением монструозного сердца. — Зачем ты сделал это со мной?

— Ты стоишь у меня на пути, старик.

— Ты слеп. Или же ты... самый злобный даймон, порождение худшего из миров... Чёртов Сталин... Он не ошибся, проклятие сбылось. Но даже ценой жизни я исполнил предназначение. Стану той стеной, что не выпустит хаос наружу. Жертвую всем что имею, чтобы остановить зло!

Бескожие встали полукругом, закрывая сердце, а плоть с их рук сползала на глазах, обнажая остро заточенные кости. Пять врагов, оружие только холодное (или их можно считать безоружными?). Бывало и хуже.

— У них артефакты... Некоторые прямо в них.

Стало хуже. Или нет?

— А теперь слушай внимательно. Эти артефакты смертельно опасны если использовать их не правильно. Это кольцо...

Я уже и сам увидел, что на обнаживших острые кости ошмётках плоти что-то сверкает. Кольцо тьмы. Как там было, «убивает носителя при снятии».

Я шагнул к выбранному противнику, уклонился от резкого выпада, от чего тот будто провалился в пустоту, и просто оторвал то, что осталось от кисти. Эффект был впечатляющим. Бескожий забился в судорогах и рухнул на пол, больше не двигаясь. Минус один. Что дальше.

— Мог бы и дослушать... — обиженно заявила Раша.

Четверо оставшихся тем временам бросались на меня, я как мог маневрировал и уклонялся, одного удачно оттолкнул, сбив с ног и заставив ещё двух замешкаться обходя товарища. Одного даже пырнул ножом в бедро, где у нормальных людей обычно артерия, но это не особо помогло. Твари на раны не реагировали.

— Раша, если ты закончила обижаться, сейчас самое время...

— Помолчи... «Отражающий Карп»... Тот что крайний слева, в животе. Выпусти карпа и наслаждайся результатом.

Ладно, теперь у меня хотя бы была ясная цель. Уклонившись от очередных атак я отделил нужного бескожего от остальных и резким ударом ножа вскрыл ему живот. Из разреза тут же ударил ослепительный свет, а следом на воздух выплыла сияющая призрачная рыба. Описав круг она резко метнулась обратно к «хозяину», но на этот раз вошла в голову. Бескожий, вернувший карпа, замер и начал удивленно оглядываться, остальные трое мелко задрожали и неожиданно накиннулись на бывшего собрата, вонзая в него свои заострённые кости с истинной яростью. Бескожий пытался сопротивляться, но явно проигрывал в схватке с большинством, его тело просто рвали на куски.

— Тот что в середине. У него в голове «Пудра пурпурной луны». Разбей ему голову.

Это было совсем просто, бескожие ещё не закончили с несчастным обладателем карпа. Нож легко вошёл в темя, и пока я вытаскивал клинок зал озарился кислотно-фиолетовым светом. Бескожий истерично захохотал, подскочил, бросился на гигантское сердце, пару раз уколол его костями, не причинив впрочем заметного вреда, затем начал с разбегу биться о стену.

Про этого можно забыть, осталось двое, и я накиннулся на них, вонзая клинок, молотя свободной рукой и ногами. Бескожие наконец отвлеклись от ненавистного собрата и

попытались сопротивляться, но хоть боли они похоже не чувствовали, тела получили слишком много повреждений. Один обломал правый коготь и дрался в половину силы, второй еле держался на ногах, и несколькими точными пинками под колена я окончательно отправил его в горизонтальное положение, где он мог только судорожно дёргаться пытаясь доползти до объекта ненависти. Последний, однорукий, отправился вслед за ним, ещё несколько секунд чтобы затоптать кровавые обрубки до полной беспомощности...

И вот осталось только сердце, сердце академии, сердце ублюдка, который создал столько проблем, и которому я должен отомстить, чтобы выплатить долг. Осознание стало очевидным. Пусть это тело и принадлежало другому, и этот другой не был врагом, наоборот, это был хороший парень, но он не просто так добровольно отдал его мне. Это была дорогая плата, за убийство троих врагов. И как только долг будет выплачен, внутренний Сталин обретёт покой, а я верну драгоценную свободу!

Удар ножом в сердце, ещё один, и ещё. Обычно этого хватает, но не когда сердце размером со скалу! Гром его пульсации становится невыносимым, корнеподобные сосуды разбухают и взрываются, заливая всё кровавой жижей. А затем рушится потолок.

— Умри, Даймон! Я заберу тебя с собой! Ты не получишь МОЮ АКАДЕМИЮ!

Не успеть. Убить это сердце так же трудно, как разделать слона перочинным ножом. У меня нет столько времени. И я вонзаю зубы в твёрдую, отвратительно пахнущую плоть. Архимаг переходит на рёв, чувствует, как сила покидает то, что когда то было его телом. Артефактов больше нет, Академия лежит в руинах, а то немногое, что досталось от природы, пожирается мной.

Обломки падают всё чаще, я чувствую, что Рашимила долго не продержится и стараюсь ей помочь. Здание дрожит, но я ощущаю эту вибрацию по другому. Я могу её контролировать! Отвести обломки в сторону... Огородничий против, он хочет похоронить всех, разрушить Академию до основания. И я не могу побороть его напрямую. Но могу подтолкнуть в нужную сторону. Как в драке с противником, который больше и тяжелее тебя, бить под углом, чтобы сила противника работала против него. Я помогаю рушить здание, но при этом расшатываю его в стороны, чтобы стены не сложились внутрь, а упали наружу. Время будто остановилось, нет ничего кроме этой странной магической схватки в темноте. Непонятно кто побеждает, но я знаю что не могу умереть. Не могу проиграть. И тут темноту разрушает луч света. Снаружи глубокая ночь, но звёзды и Полнолуние делают её похожей на рассвет.

Рашимила воспарила вверх, остановившись у самого пролома.

— Жалкий недоколдун. Владыка мусорной ямы. Пытаешься забиться в щель поглубже, но тебе не спрятаться. Твоя Академия лишь песчинке в свете МОЕЙ ЛУНЫ!

Лунный свет становится осязаемым. Потолок и остатки стен разрушаются в пыль, которую словно смерем разносит по сторонам. А в яму подвала начинают падать звёзды. Становится светло как днём, Архимаг кричит, пока в бешено колотящееся, всхлипывающее, бурлящее сердце, не падает мертвенно-бледный шар размером с саму Луну.

И всё стихает. Архимаг умер, а его порочная Академия перестала существовать.

* * *

Рашимила спустилась, теперь ожившая кукла висела на уровне моей головы, я как мог

отряхнулся от кровавых ошмётков и полез в угол, где должен стоять извлекатель. Машина выглядела паршиво. Все склянки потрескались, и жидкость из них почти вытекла, органические части потемнели.

— У нас всего одна попытка. Я не знаю как её починить. Ты точно уверен?

Я кивнул. Всё уже оговорено, нет смысла включать заднюю. Я посмотрел на кресло этого изошрённого орудия пыток, печально вздохнул и сел.

— Возьмись за поручни, и покрепче. Привязывать нельзя, а будет очень больно.

— И где тут кнопка, которой эта хреновина включается?

— Я всё сделаю.

Рашимила опустилась ко мне на колени, и устройство со крипом начало оживать. Закрутились колёса, что-то заискрило, а комнату заполнил совсем уж тошнотворный запах... И пришла обещанная боль. Мышцы скрутило, будто я сижу не в техномагическом извлекателе душ, а на электрическом стуле, физические ощущения были ближе всего к медленной прожарке током. Но не это было хуже всего. В самые глубины сознания вползало крошечное отчаяние, как тогда, когда я попал под взрыв гаввах-гранаты, только в десятки раз сильнее. Хотелось кричать, и уголков глаз потекли предательские слезинки. Только не это. Любая боль лучше чем это.

«Держись. Я уже с тобой»

И хоть отчаяние было невыносимым, я ещё мог думать и двигаться. Я убрал правую руку с поручня и осторожно дотронулся до куклы, будто это поможет придать сил. Теперь продержаться. Это всего лишь пытка. Любую пытку можно выдержать, пока есть ради чего. Я сконцентрировался на физической боли. У нервов есть ограничение в проходимости. На определённом этапе боль достигает своего пика и перестаёт расти. Но редко кто может до него добраться. Обычно человек теряет сознание. Ну, или умирает. Но я не могу умереть, так что вариантов меньше. Я провалился в темноту.

* * *

— Итак, ты сделал это.

Тьма вокруг обретала форму человеческой фигур с сокрытой тенью лицом.

— Что конкретно? Я в последние дни много чего натворил.

Тёмный громогласно рассмеялся:

— На мой взгляд ничего особенного. Но ты выполнил обязательства, расплатился за молодое крепкое тело, и по крайней мере отсрочил поражение.

— Да-да, месть свершилась, я жив, а эти ублюдки нет. Так было, так есть и так будет. Наконец можно отдохнуть и зажить спокойной жизнью.

— Ха-ха, размышлялся. Кажется ты забыл, что выполнил не все взятые обязательства.

— Разве я кому-то что-то обещал?

— О да. Ты взялся немного поработать почтальоном. И само себя послание не доставит. Отнеси это письмо к Рашимилу, да поспеши!

Я замешкался. Чёртово письмо, которое должно лежать у сердца. Ощупав тело я убедился, что даже в это нереально мире конверт по-прежнему на месте.

— Рашимилу? Он же вроде как умер.

— Он слишком долго вглядывался в Бездну и заплатил за это сполна. Но что с того?

Смерть адресата доставку не отменяет. В крайнем случае можешь бросить письмо в ящик возле дома. Но лучше найти наследников.

— Да? И что заставит меня выполнить задание? Угрозы или может сразу подкуп?

— Не волнуйся, я пощажу твои самолюбие и самостоятельность. Как обычно, всему виной будет непреодолимое стечение обстоятельств. Так было, так есть и так будет.

Глава двадцать вторая. Предложение, от которого нельзя отказаться

Тьма распространилась вокруг, скрывая таинственную фигуру, пока всё не исчезло. А затем в пустоте забрезжил свет. Сознание возвращалось, а вместе с ним и картина разрушенного подвала в кольце обломков того, что когда-то было Академией.

Правая рука аккуратно держала безжизненно сидящую на коленях куклу. Я осторожно приподнял её и взгляделся, до конца не понимая что именно надеюсь увидеть.

— Рашимила! Ты меня слышишь? Рашимила! — я повысил голос, и почти кричал.

«Я здесь. Копаюсь в твоих грязных мыслях. Всё прошло удачно».

Я выдохнул, наконец успокоившись, встал с кресла, повалил его набок и ногами превратил остатки извлекателя в металлолом, а череп с верхушки закинул подальше в кучу обломков, где он сразу провалился в какую-то дыру

«Закончил буяннить? Подумай как выбраться отсюда».

— Я думал ты взлетишь и вытащишь нас наверх.

«Может сам попробуешь? Пора наконец проявить свой волшебный дар».

Я тихо выругался, хотя в этом не было особого смысла, Рашимила слышала не только шёпот, но и мысли, и полез по обломкам. Кукла, занимающая руку, мешала нормально карабкаться, но выбрасывать её было жалко. Балансируя на осыпающихся руинах и пару раз чуть не улетев обратно на дно я всё-таки добрался до уровня первого этажа, дальше двигаться было проще. Здесь я начал слышать голоса и полез по завалам в их сторону.

Возле руин Академии столпились студенты, вернее, уже бывшие студенты. Кто-то раздражённо пинал камни, некоторые девушки плакали, но большинство просто смотрело вперёд опустошённым взглядом. Во главе толпы возвышался Хренов, рядом с ним стоял Кабан, они о чём-то говорили, но тут заметили меня. Кабан быстро полез наверх дабы помочь мне спуститься, но я остановил его жестом и спрыгнул на твёрдую землю самостоятельно. Воцарилось молчание, и эти пристальные взгляды... Хорошо что пока выбирался, весь покрылся пылью, кровавые ошмётки не так заметны. И кукла в руках отвлекает внимание.

«Может стоило посидеть в яме ещё немного?» — съехидничала Раша.

К сожалению при таком скоплении людей я не мог ей ответить. Но в мыслях не постеснялся, на выражения, от которых она только захихикала.

— Ты жив! — наконец прервал молчание Кабан.

— Ага. Живее всех живых. Донникова видел?

— Да. Они с Лесниковой куда-то убежали, я окликнул, но он даже не повернулся.

— Ну и холм с ним. Донни больше не с нами.

— Понял. Его надо припугнуть?

— Не надо. Я уже припугнул. Лучше порешаем как быть дальше. Никто из наших не пострадал?

— Нет, все в порядке, — Кабан приосанился, довольный что справился с возложенной задачей и может похвастаться. — Из ненаших тоже никто не пострадал.

— С аристо проблем не было?

— Нет. Они в общем-то нормально себя вели, даже помогали.

Я машинально улыбнулся. Может и правда общее горе заставило ребят забыть о вражде

и всё будет по-новому. Если конечно что-то ещё будет. Академия похоже всё. Или нет?

Кабан немного помялся, и наконец задал мучивший всех вопрос:

— Что дальше будет? Куда идти? Как вообще быть?

Ладно, я эту кашу заварил, мне и расхлёбывать:

— А что тут думать? У нас есть старший наставник. Он один нас не бросил и поддерживал порядок. Мы все любим и уважаем нашего Хренова, так, — с этим вопросом я обратился уже к толпе, из которой раздались крики одобрения, сначала робкие, но растущие как лавина.

— Вот его и будем слушаться, он теперь наш Архимаг.

«Да!», «Ура!», «Бирюк Горыныча в Архимаги!», — эти крики заставили встрепенуться задумавшегося о высоком Хренова. Он подбоченился, оглядел собравшихся и громогласным голосом выдал:

— Вы там совсем ох*ели!!!

* * *

Несмотря на искренне возмущение Хренова, деваться ему было некуда, спихнуть внезапно возросшую ответственность было не на кого, так что когда радостный глас народа утих, студентов поделили на отряды, которые начали расчищать чудом уцелевшие пристройки, в которых можно хотя бы временно разместить людей.

Зрелище умиротворяло и, умывшись в фонтане, я сел на лавку рядом и начал прикидывать план дальнейших действий. Это странное видение назначившее задание по типу «поди туда не знаю куда, принеси то, не знаю что». Хотя в моём случае надо не принести, а наоборот, отнести. На холм все эти странности. Надо думать как устроиться в новом мире. С Академией покончено. Может её и восстановят силами Хренова, но мне в любом случае задерживаться не стоит, слишком наследил, пора менять дислокацию. Но вот куда податься? В глушь на фронт, где никто не задаёт вопросу свежеприбывшему авантюристу? Или наоборот, в столицу, большой город — большие возможности, а ещё там и затеряться легко. Немного денег осталось, хватит на дорогу.

— Гооой-дааа!

Размышление прервал яростный крик со стороны дороги. Пусть он был не настолько зловещий, как у недавней человеческой гусеницы, но явно не предвещал ничего хорошего. На территорию Академии вломились опричники в своих голубых мундирах, но хоть в объятых братских пока не сливались, действуя по одиночке.

— Кто здесь главный!

Эх, не успел вовремя свалить. Теперь ещё с этими разбираться. Я встал и пошёл к воротам. На половине пути меня догнал Хренов.

— Куда лезешь вперёд батьки? Тебе лучше им на глаза не попадаться.

— Так и есть. Только уже попался. Справлюсь как — нибудь.

— Не дури. В их застенках тебе точно делать нечего. В этот раз я их шугану, а дальше ты сам.

Хренов вышел вперёд, демонстративно сложил руки на грудь и смерил опричников уничижающим взглядом:

— Что шумим?

Опричники, которые на фоне великана казались совсем уж хилыми недомерками, слегка рассредоточились. Проще говоря, отступили на пару шагов и стали полукругом. Главный, с жезлом в руках, помявшись всё-таки набрался смелости.

— За супостатом пришли. На наших напал, когда чернь взбунтовались. Арбалетов, поиди сюда.

Из толпы в синих мундирах выскочил знакомый человечек, одетым по полной форме я его сразу не узнал.

— Ну что, узнаёшь кого?

— А то! — обрадовался опричник и ткнул пальцем в мою сторону. — Был он там. Я остановить пытался, а он меня так двинул, об стену, что вся задница в синяках. Да я сейчас покажу!

Арбалетов начал расуптывать завязки мундира, когда другие опричники схватили его и оттащили в сторону. Эх, этот весёлый эксгибиционист меня запомнил.

— И что? — выдал железобетонный для любого спора аргумент Хренов. — Может он меня задержишь? Я вашим шавкам синяков оставил столько, что не перечесть. И не только на задницах

— Не дури, Бирюк Горыныч. На нём кровь есть. Отборного боевого холопа Бериевых убил кулаком. Они такого не прощают.

Хренов расхохотался:

— Да ты знаешь кто это? Жених Натальи Бериевой. Может он холопа и пристукнул, да дело это ихнее, семейное. А тебя за то что лезешь куда не просят, по голове не погладят. А если и погладят — то так, что даже Арбалетову твоему не понравится.

На мгновение показалось, что сейчас опричники развернутся, и мне в этот раз удастся соскочить. Но из экипажа опричников уже выскочила знакомая фигурка.

Лесникова, чтоб её. Ну хоть, Донни не появился, может наконец немного поумнел и сейчас на полпути в родовое гнездо.

Старший опричник приободрился.

— Дерзок ты больно. Бирюк Горыныч. У же не замешан ли сам в чём? Сталин твой троих студентов убил, есть у нас свидетели. И на наставников покушался. Судя по всему, успешно. И вот за это ты его уже не выгородишь. Снами он пойдёт. А если кто будет упираться, подкрепление позовём. Даже ты не сдюжишь.

Хренов лишь слегка наклонил тело вперёд, но оказался в боевой стойке, и стал выглядеть действительно угрожающе:

— Это что ли ваше подкрепление? Вон пыль столбом поднимает на всю дорогу.

Опричники удивлённо оглянулись. Действительно, к Академии неслась классическая русская тройка с открытым экипажем, в котором сидел единственный человек. Так, а это ещё кто? Судя по смешавшимся опричникам, какая-то большая шишка.

Тройка замерла у ворот, из экипажа молодецки легко выскочил высокий черноволосый человек. Выглядит крепким, высокий, а по глазам бывалый, заметно, что навидался всякого, и улыбка эта, видно что деланная, даже не старается прикидываться нормальным. Опричники быстро рассосались, а неизвестный боярин пошёл прямо к сверлящему его взглядом наставнику.

— Хренов, здрав будь! Ты что, с тех пор как мы виделись, ещё больше стал?

— Ну здоров, коль не шутишь, Заляпин. Век тебя не видел, и ещё бы век не видал, — Несмотря на неприветливые слова, Хренов крепко пожал протянутую руку. — Какими

судьбами?

— Что, уже и старого боевого товарища навестить нельзя? Да не смотри так, дело и правда есть. Шумно тут у вас в последнее время, вот и приехал сам глянуть, что да как.

Заляпин картинно повернулся указывая распахнутыми руками на развалины зданий.

— И надо сказать, не разочарован. Академии судя по всему кирдык, а многим студентам податься некуда. А ты же знаешь, какой я меценат. Наш Император, долгие ему года, снова решил границы раздвинуть. Так что нашим доблестным боевым братьям не помешает молодая кровь... Деньги, почести и главное — служение нашей прекрасной Империи — гарантированы!

Последние слова Заляпин прокричал так, чтобы слышали все. Замечательно. Это вербовщик-агитатор. Мне он уже не нравился, и Хренов был со мной солидарен.

— Шёл бы ты отсюда, боярин, — прорычал великан. — У Академии временные трудности, но всё уже под контролем. Не пойдёт никто из них к тебе. У моих ребят будущее есть.

— Прямо уж никто? — Теперь Заляпин пристально смотрел на меня. А я отвечал ему тем же. — Может у кого из ребят проблемы есть с законом государевым? Кто ко мне пойдёт, с того все грехи спишутся за подвиги ратные. Лучше уж на поле брани под знаменем имперским, чем в застенках с опричной метлой в заднице. Что думаешь?

Спросил то он у Хренова, но смотрел на меня, намёка прозрачнее быть не может. Хренов тоже посмотрел на меня, и весьма красноречиво. Понятно, за разрушение Академии Хренов меня не отмажет, а вот Заляпину это по силам. Но не нравился мне этот боярин, чувствовался подвох. Секунды текли, а решение надо было принимать.

— Рашимила...

Её имя само вырвалось изо рта, дала знать усталость и общая напряжённость ситуации. Мысленно я уже костерил себя последними словами, за минутную слабость.

«Я не знаю. Я не понимаю что происходит...» — голос Раши был жалобным, она и правда хотела помочь, но не знала как. Хуже всего, что это слово произвело поразительный эффект на Заляпина. Глаза его засверкали, а рот растянулся до ушей.

— О, Бирюк, вижу ты хорошо ребят готовишь. Сталин, правильно? Может ты ещё и в артефактах разбираешься?

«Пусть задаёт вопросы, я подскажу ответ», — Раша умиленно оживилась, почувствовав что может быть полезной.

Я кивнул Заляпину.

— Тогда отгадай загадку: почему стены не видно из-за леса?

«Что за ерунда? Причём здесь артефакты?» — возмутилась Рашимила.

— Потому что у леса нет стен. — ответил я.

Теперь Заляпин по настоящему заинтересовался.

— Думаю нам троим лучше поговорить с глазу на глаз. Осталось тут место которое до конца не развалилось?

Хренов молча кивнул и указал взглядом в сторону уцелевшей пристройки.

— Подождите! — раздался пронзительный голос Лесниковой.

— Что такое, красавица? Жених твой что ли?

— Не говорите с ним! Он — дэймон!

— Да? — расхохотался Заляпин. — Я тоже. И что?

Лесникова оцепенела, растерянно оглядываясь в поисках поддержки, но опричники

дружно сделали вид что ничего не услышали, Хренов стоял с каменным лицом, а я тихо охреневал. А что, так можно было? Нет, то что даймонов тут как собак нерезаных я уже понял, но это вроде как незаконно. И оказывается есть кто-то, кому закон не писан настолько, что он может открыто признаться в чём угодно. Если до этого у меня и были сомнения, то спасибо Лесниковой, благодаря ей я осознал, какая власть в Империи у боярина Заляпина. И сейчас, потеряв к онемевшей от такой наглости Лесниковой всякий интерес, он смотрел на меня.

— Так что, Сталин? Поговорим?

— Поговорим, — кивнул я.

С каждой секундой ситуация не нравилась мне всё больше и больше, но надо было тянуть время, тем более что пыл опричников испарялся на глазах, и они уже собирались расходиться.

— Что ж вы творите, нелюди!

Главный опричник решил выместить злость и врезал несчастному Арбалетову, форменная шапка с него слетела, сам он повалился на землю, откуда и выражал искренне возмущение царящей в обществе несправедливостью.

— Вернёмся, поговорим, — свирепо прорычал главный опричник.

— Не вернусь я с вами, сволочи! — Арбалетов явно отработанными движениями сорвал с себя мундир и швырнул под ноги начальнику. — Ноги моей больше у вас не будет. Боярин, прощу простить, бывших опричников в рать свою принимаете.

— Конечно! — Заляпин остановился чтобы насладиться представлением, которое явно настроило его на благодушный лад. — Постой пока возле кареты. Только форму тебе надо новую выдать.

— Ваше благородие, я Империи служить готов и без формы!

— Орёл! — Заляпин едва не прослезился от такого патриотизма. — Нам такие люди нужны. Добро пожаловать в дружину! Ну, пойдём что ли, — последние слова Заляпин сказал уже мне.

Вы вошли в уцелевшую постройку я расположились за столом, мы с Заляпиным друг напротив друга, а Хренов во главе, словно смотрящий за честностью переговоров.

Я внимательно изучал собеседника, стараясь понять его мотивы. А этот «боярин» старше, чем кажется, просто лицо моложавое, и разглядеть истинный возраст можно только лицом к лицу. Он знает о моих недавних делах и о том, что я даймон, а значит по законам этого мира заслужил смертную казнь. Впрочем, эту секретную информацию знали все, кто сегодня собрался у ворот, а значит до вечера узнает весь город. Лучше подумать чего он точно не должен знать. Например, что сейчас за столом находятся четверо.

«Пятеро» — вмешалась Рашимила, «Ещё есть голем».

А если считать Сталина, то я вообще три во дном. Как шампунь.

Рашимила хихикнула от такого сравнения. Заляпин же устал от игры в гляделки и прервал молчание.

— Значит ты у нас любитель артефактов? — я слегка напрягся, и собеседник сразу на это отреагировал. — Не беспокойся, надо быть слепым и глухим чтобы ничего не знать про хитрого Сталина, который в секретное хранилище ходит как к себе домой. И что там было ценного? Расскажи, мне интересно.

— Разный хлам, от которого проблем больше чем пользы.

«Ну спасибо», — съязвил голос в голове.

Вот же холм, не хотел её оскорбить. Хотя она это понимает, и просто издевается.

«Так и есть».

Вести разговор с пытливым дознавателем и голосом в голове одновременно оказалось сложнее, чем я представлял. Заляпин принял моё секундное замешательство как признак того, что я темню (а я и правда недоговаривал), и продолжал допрос, в том, что это допрос, сомнений не было.

— И всё-таки? Что конкретно там было?

— Что было, того уже нет.

«Не дерзи лишней раз. Расскажи про те, которые уничтожил. Просто повторяй за мной»

Я последовал инструкции:

— Всё погибло вместе с Архимагом, он впитал их в себя когда...

— Когда гаввах поглотил его, — подсказал Хренов.

— Да, именно так. Тебе нужен полный список?

— Было бы неплохо, — Заляпин продолжал хитро улыбаться.

И я перечислил, все сорок две штуки, повторяя подсказки Рашимилы.

— Прекрасно, — лицо боярина явно показывало, что ничего прекрасного тут нет. — Но кажется кое-что ты забыл.

Я поджал плечами:

— Возможно. Всё ведь не упомнишь, — поразительная наглость для человека, который только что без запинки перечислил почти полсотни позиций списка.

— В этом есть смысл. Однако твоя память подозрительно избирательна. Ведь ты запомнил кучу бесполезного хлама, но упустил самое важное.

— Разве не в этом вся суть студента?

Заляпин вежливо посмеялся, но отступить не собирался.

— Видишь, Бирюк, до чего Академия дошла. Уже студенты Императорское Просвещение высмеивают! Куда катится Империя... Но не будем отвлекаться, о судьбе государства мы, сердцем чувствую, наговориться ещё успеем. Придётся напомнить, раз сам вспоминать не хочешь. Кое-что непосредственно связанное с этим, как его... Рашимилом!

Он знает. Но я уже не волновался, просто придумал запасной план. Нож по-прежнему у меня в сапоге, и пусть этот Заляпин выглядит серьёзно, ещё посмотрим кто кого...

А он смотрит всё пристальнее, ждёт моей реакции, и это окончательно меня успокаивает. Противник находится в шаге от победы, но остановился. А значит ничего он не знает, просто удачно выстрелил наугад и не может решить что делать дальше.

— Ладно, — Заляпин отступал. — То самое письмо Рашимилу, из-за которого ты спелся с Бериевыми. Сомневаюсь что его мог уничтожить даже Архимаг, даже с выбросом гавваха.

— Ты про это? — я вынул конверт из кармана и бросил на стол. — Можешь забрать.

Вот теперь Заляпин стал по настоящему серьёзным.

— Нет. Спасибо. Тем более что забрать его можно только с трупа, а потом таскать в кармане пока кто-то не сделает труп уже из тебя. Однако это письмо сильно повышает твою ценность.

— И теперь ты скажешь что заберёшь письмо вместе со мной. Как Бериева.

Упоминание горской княжны развеселило боярина.

— Я конечно выгляжу не так соблазнительно, как прекрасная Наталья, но вот моё предложение может понравиться тебе не меньше. Это письмо твой билет в новую счастливую жизнь. Ты не только получишь прощение всех грехов, деньги на безбедную

жизнь, но и личную благодарность Императора! А ещё, — вербовщик сделал многозначительную паузу, — сможешь избавиться от проклятого предмета.

Я вздохнул:

— Тут любой поймёт, что ты подписываешь меня на дрянное дело. Но всё-таки, чисто из интереса, что по твоему я должен сделать?

— Разве не очевидно? Я хочу чтобы ты отнёс это письмо Рашимилу, и как можно быстрее!

Глава двадцать третья. Дальняя дорога

За последние несколько часов это предложение прозвучало уже дважды. Тут два варианта, либо во мне проснулся дар предвидения и надо чаще прислушиваться к снам, либо... Заляпин связан с той же силой, что насылает на меня странные сновидения. И самое обидное, вариантов избежать загадочного поручения немного. Сейчас бы оказаться в спокойном месте и всё обдумать, но это теперь непозволительная роскошь. Выйти отсюда я могу только с боем, и не факт, что Хренов не впишется за старого боевого товарища. Нужно хотя бы попытаться узнать чуть больше.

— Может я чего-то не знаю, но Рашимил ведь вроде как немножко умер.

— Вроде как! Немножко! — Заляпин изображал искреннее возмущение. — Хренов, и вот это твой лучший ученик? Вот и выросло поколение... Рашимил укрылся в своей неприступной Цитадели в самом сердце Проклятых земель, но всё равно был сражён нашим Всемогущим Императором, то была великая схватка двух гигантов, самого коварного Ведуна и самого сильного Богатыря в истории всего мира!

— Так значит он всё-таки умер? — я с удовольствием примерил маску упивающегося своим невежеством сопляка.

— Ну умер и умер. Что теперь, и письма разносить нельзя? Цитадель то стоит, разваливаться не хочет, и останки Рашимиловы до сих пор там. Мы бы конечно давно этот зиггурат раскатали, да только места там нехорошие. Твари искажённые, зверолоуды бешеные, которые только спят и видят как вех граждан Империи на куски разорвать и по деревьям развешать, да аномалии на каждом шагу... Но это мелочи. Главное что вокруг Цитадели столько защитных чар, что не только пройти нельзя, даже смотреть в её сторону лишний раз не стоит. Нет, наш Великий и могучий Император конечно один раз тропку проложил, но даже он во второй раз туда соваться, скажем так, не стремится.

— Дай угадаю, тут в дело вступаю я. Всего-то делов, сделать то, что всей вашей имперской армии не под силу.

— Да не трясись ты. Хоть Рашимил и окопался надёжно, письма ему до последнего приносили. Вот я и смекнул, что почтальона Цитадель не тронет. Может быть.

— Отличный план! А искажённые твари, зверолоуды и аномалии — они тоже почтальонов уважают?

— Так ты же не один пойдёшь. Выдам и провожатых для охраны, и спецов, чтобы Цитадель обезопасить.

— И убийц, чтобы если что письмо с трупа забрать, — я сухо констатировал факт.

Заляпин кивнул:

— Не без этого. Сам понимать должен, дело серьёзное, ради него сотню другую имперцев в расход пустить — это дело обычное.

— Понимаю. Бабы новых нарожают.

— Отлично сказано, Сталин! Буду теперь тебя цитировать. И учти. Я к тебе по-человечески, ни к чему не принуждаю. Выбор за тобой, работаешь на меня или идёшь под Имперский суд отвечать за свои проделки. Может тебя и помилуют. Хотя вряд ли. Но ты подумай... Бирюк Борыныч, угостишь товарища своими знаменитыми настойками?

— Пошли, чего уж там.

Перед выходом Хренов остановился посмотрел на меня, покачал головой, но не сказал

ни слова и удалился, оставив меня одного. Ну, почти одного.

— Рашимила, что думаешь? Как тебе предложение?

«Цитадель Рашимила. Я знаю это место. Оно связано со мной. С моим предназначением. Там я была создана. Но не могу вспомнить ничего конкретного... Я бы хотела оказаться там. Вспомнить. Узнать».

— Значит решено. Предложение и правда выгодное. Можно даже сказать удачное — в полном соответствии с нашими планами и интересами.

«Да. Если где-то можно найти решение твоей проблемы с големом и переселением — то только там. Всё и правда складывается удачно. Только... Почему ты не рад?».

Я вздохнул, хотя больше всего хотелось обрушить кулаки на стену. Говорит не хотелось, но... разве я смогу что-то скрыть от девушки, которая поселилась в моей голове?

— Помнишь как рассказывал про свои приключения в другом мире?

«Да».

— Тогда я кое-что не договаривал. С самого начала я понимал, что та войнушка банальная подстава. Сам называл тех, кто повёлся на пропаганду, дураками и марионетками. А потом сам оказался там. Даже на гражданке, ну, в мирной жизни. я часто дрался со всяким отребьем вроде меня. И вот одного убил. Голыми руками, силу не рассчитал. И ведь из-за ерунды! Нет. Он конечно тем ещё был тупым уродом, и нарывался сам, оскорблял, провоцировал... Но мог не убивать. Мог просто пройти мимо. Но нет, решил что если спущу, потеряю уважение. Уважение от таких же дегенератов... В общем, меня повязали. Хотели упрятать в тюрьму лет на десять. И тут появился этот гад. Вербовщик, вроде Заляпина. Предложил альтернативу... И снова был мой выбор. Я мог отказаться и пойти в тюрьму. Холм огромный, да меня бы к сегодняшнему дню уже оттуда выпустили! Но... Я решил повоевать. И увлёкся. Можно было подкопить денег, вернуться на гражданку, затихариться где-нибудь, но я уже не мог просто жить. Меня тянуло туда, снова и снова, раз разом. И вот я умер. Нам мгновение даже подумал, что это тот самый шанс сё исправить. Начать с чистого листа. Но вот к чем пришёл — всё повторяется. Так было, так есть, и так будет всегда, чтоб его.

Я выговорился, и даже будто полегчало. По крайней мере желание молотить стены пропало. Я просто сидел и медленно дышал, считая вдох-выдох, пока не дошёл до тридцати.

«Ты не обязан. Давай сбежим. Я помогу выбраться. Буду защищать от голема. Уедем в глушь. Начнём новую жизнь».

Я покачал головой:

— Нет, Рашимила. Можешь и дальше считать меня упёртым дураком, но я не убегу. Я отправлюсь в Цитадель, избавлюсь от письма, избавлюсь от голема и помогу тебе узнать правду.

«Я думала ты скажешь, что избавишься от меня».

— Ты же знаешь, что я бы так не сказал.

'Теперь знаю. Ты и правда готов пойти на это ради меня?

— Да. Я никогда не был настолько готов. А когда всё закончится, — я чувствовал как почти забытая искренняя ненависть разгорается в груди. — Я вернусь и убью этого Заляпина. Голыми руками.

Хренов с Заляпиным вернулись через полчаса. Спиртом от них пахло, но выглядели трезвыми, встреча «старых друзей» прошла символически-официально. Формальностей с моим вступлением в ряды имперских наёмников тоже не было. Да и какие тут могут быть формальности, когда считай что из петли забирают? Чтобы потом отправить в мясорубку. Из которой, впрочем, у меня есть все шансы ВЫКРУТИТЬСЯ.

Тихий смех в голове оценил каламбур. И я уже начинаю привыкать к постоянной компании. Тем более что Рашимила прекрасно понимает когда лучше оставаться в тени, а когда дать знать о себе. Возможно покопавшись в том хламе, что скопился в моей (моей ли?) голове, она понимает меня лучше, чем я сам.

Времени на сборы особо не было. Через несколько часов отправлялся поезд. Надо же, а здесь оказывается не только на лошадях катаются, а я хоть и разведывал город, ни разу не наткнулся на железную дорогу, должно быть не в ту сторону ходил. Успел только в очередной раз сменить безнадежно испорченную надежду, новый комплект любезно подогнал один из парней Кабана, подходящий по комплекции. Сам Кабан узнав о предстоящем расставании горько вздохнул, но клятвенно пообещал поддерживать в Академии справедливый порядок, а ещё вызвался найти мою сестрёнку и привести на вокзал до отправления.

Здесь же пришлось прощаться с гаремом, чисто символически, на большее не хватало времени. Нет, выкроить полчаса я бы сумел, но девушки естественно разрыдались, Маша даже обещала после учёбы пойти в санитарки чтоб в случае чего меня выхаживать. Было это трогательно, но одновременно и ужасно неловко, так что после пары обнимашек я и сам предпочёл побыстрее покинуть девушек, длинные проводы — лишние слёзы.

На прощание я окинул взглядом Академию. Ну, то что от неё осталось. Место было не слишком дружелюбным, да и пробыл я здесь недолго, а ещё не раз и не два здесь меня пытались убить. Но я жив, а Академия лежит в руинах. В общем, ничего нового. Так было, так есть, и так будет.

Затем сел в экипаж к Заляпину. Отдалившись от скопления людей он изменился в лице. Будто сбросил маску, но своего лица под маской не было. Пустой взгляд, ноль эмоций, словно у бывшего игрока в покер.

— Ты на самом деле даймон? — задал он вопрос без особого интереса.

— Да, а ты?

Заляпин похоже особо не слушал:

— Какой-то опыт есть?

— Какой-то есть. — особо откровенничать с конвоиром не было ни малейшего желания.

— Хорошо. Пригодится. Завтра будет на месте. Там познакомишься с отрядом и получишь инструкции... Да, завтра же нас посетит сам Император. Ближе к нему ни одного даймона конечно не подпустят, но хоть издали посмотришь, узнаешь, за кого мы сражаемся.

На этом Заляпин замолк и больше до конца поездки не произнёс ни слова. Мы пронеслись через пустой, будто вымерший город, и после череды незнакомых кварталов оказались на вокзале, который вопреки ожиданиям располагался не в центре, а среди натуральных трущоб. Вместо основательных домов здесь тоже были двухэтажки, вот только они больше напоминали грубо сколоченные бараки, которые к тому же и разваливались.

Зато сами паровозы, вагон с углём сразу после локомотива не оставлял сомнений на чём

работает тяга, привлекали взгляд. Я бы уже не удивился, если бы вагоны тащил клыкастый и сочащийся кровью ломтевоз, работающий на чистом гаввахе, но нет машины выглядели естественно, было в них что-то родное и знакомое, так что предстоящая поездка меня скорее радовала. Примерно час я потратил на созерцание стальных красавцев.

Карету Бериевой я заметил издалека, всё-таки среди окружающей вокзал нищеты она выделялась особенно ярко. Вряд ли она решила в последний момент перехватить проклятое письмо, для этого отправила бы вперёд группу поддержки, наверное тоже решила попрощаться, а может и помолвку разорвать.

Однако когда карета остановилась, первой из неё ловко выпрыгнула сестрёнка Лизавета, и быстро побежала ко мне. Вторым вышел донельзя смущённый Кабан, явно чувствующий себя некомфортно, он же, до умиления неловко, подал руку, чтобы помочь спуститься хозяйке кареты. Так, это считать угрозой в стиле мы знаем где твоя сестра, или просто дружеский жест доброй воли?

Лизавета резко остановилась, как будто сначала собиралась броситься на шею но в последний момент вспомнила все неоднозначные моменты нашей ситуации. Сестрёнка сразу упёрлась взглядом в куклу, которую я посадил рядом с собой на лавочке. Точнее на до сих пор висящий у неё на шее кристалл с душой Сталина.

— Братик, это подарок для меня?

Я на секунду замешкался. Конечно и дальше таскать с собой куклу было немного подозрительно (хотя на передовой и ростовые подушки с рисованными девицами никого не удивляли), но и дарить чужую вещь как-то не очень.

«Можешь отдать. Я не собираюсь возвращаться в эту оболочку. С куклой ты и правда выглядишь странно».

Ну, раз хозяйка не возражает:

— Да, держи, — я поднял куклу с лавочки и протянул Лизавете. — Но обещаю что будешь о ней заботиться, раньше она принадлежала одной очень милой девушке.

«Ой, я сейчас заплачу от умиления».

Лизавета приняла куклу с самой невинной улыбкой, и едва заметно ощупала кристалл, который, будто реагируя на нежные прикосновения, загорелся чуть ярче.

— Спасибо. Я буду беречь твой подарок пока ты не вернёшься. Ты ведь вернёшься?

Не люблю давать обещания но в этот раз кивнул:

— Обязательно. У меня ещё остались дела.

— Тогда тоже держи подарок, тебе точно пригодится. Сама сделала.

Сестрёнка протянула небольшой свёрток из ткани. Развернув я увидел пару аккуратных ножен, которые можно закрепить на руках. А подарок и правда полезный, старые ножны пришли в негодность ещё в огне. Правда нож у меня только один, но это дело наживное.

— Бериева тебе что-то говорила?

— Ага, — глаза девчонки ехидно блеснули. — в основном какой ты замечательный, умный и красивый. И ещё, что никто из её клана меня и пальцем не тронет. Хотя мне всё равно, скоро я буду в школе убийц, а туда даже они не сунутся.

— Ты там только не убивай слишком много, — попытался я в отеческие наставления, за что тут же был одёрнут.

— Кто бы говорил. Весь город на ушах стоит. Я лучше пойду, пока ты и вокзал не разнёс. Тебе же ещё с невестой поговорить надо.

Сестрёнка вернулась к карете, а ком не уже не шла, но будто плыла неподражаемая

Бериева.

— Дорогой, неужели ты отправляешься в самое пекло чтобы прославить своё имя и тем покорить сердце возлюбленной? Если так, то скорее развернись, моё сердце и без того принадлежит тебе! — княжна оставалась верна своему коронному сарказму. Она должна знать, сбежать со свадьбы на войну — мотив старый и не сказать что совсем бессмысленный, скорее из области рассуждений о меньшем зле.

— Письмо при мне, и я сделаю всё, чтобы оно не досталось кому-то другому, — как можно холоднее ответил я.

— Кому-то кроме адресата, верно? — улыбнулась княжна, от чего её лицо стало казаться почти милым, но уже через миг улыбка снова походила на волчий оскал. — Если так, то надеюсь оно будет сожжено сразу, как это станет возможным?

— Конечно. — я твёрдо решил, что обязательно прочитаю компроматиз этой чёртовой записки, хотя бы из принципа.

— Как бы то ни было, — Бериева опасно приблизилась, — возвращайся. С письмом или без, всё равно.

И горская княжна одарила меня целомудренным поцелуем в щёку. Разумеется, я в последний момент повернул голову чтобы поймать её губы, но поймал только строгий указательный палец, леди была слишком хитрой, чтобы попасться на столь примитивную уловку, пришлось ограничиться нежным прикосновением к лицу.

Затем она протянула мне кинжал, незаметно появившийся из складок одежды:

— Вот. Он прекрасно дополнит подарок твоей сестры.

А кинжал то тот самый. Очевидный намёк, что на разрыв помолвки можно не рассчитывать, по крайней мере пока смерть не разлучит нас. А ведь я не могу умереть.

— Может разумнее будет оставить клинок. Меня не будет рядом, и прекрасной, но хрупкой деве может понадобится клинок чтобы защитить свою честь.

Бериева вложила кинжал в мою руку, причём прикосновение было неоправданно долгим:

— Не волнуйся, дорогой, у меня ещё есть.

Романтическую сцену наконец прервали лязг железа и свистящий пар подходящего поезда. Заляпин появился из здания вокзала, откуда, всё это время пристально наблюдал за мной через окно. А со стороны улицы из последних сил бежал запыхавшийся Арбалетов, которого так никто и не подвёз, но это было недостаточно, чтобы ослабить его патриотический угар

Осталось только проводить Бериеву к карете, сухо попрощаться с Кабаном, всё равно поговорить с глазу на глаз и узнать, как именно его вербовала Бериева возможности уже не было, зато товарищ передал корзину с едой в дорогу. Поезд прибыл, и я отвернулся от новых знакомых в сторону нового приключения. Если подумать, то другой мир не так уж сильно отличался от родного.

Да что там, я уже и не помню каким должен быть тот самый, обычный, нормальный мир. Потому что постоянно попадал туда, откуда нормальные люди держатся подальше. И в большинстве случаев вели туда не порталы, не внезапная смерть, а такие же вагоны. И вот я снова отправляюсь в неизвестность. На этот раз вроде как по своей воле, хотя на самом деле... всё сложно. Есть и свой интерес, есть и чужая воля и, самое главное, просто стечение обстоятельств, которое неизбежно приводит к одному и тому же результату. Так было, так

есть и так будет. В груди рождалось лёгкое волнение, то самое чувство, которое нельзя назвать приятным или неприятным. Просто чувство перемен, которое каждый раз доказывает что несмотря на все неудачи, несмотря на все усилия мира и собственные самоубийственные решение я до сих жив. Ведь я не могу умереть.

Поезд тронулся.

Больше книг на сайте - Knigoed.net